

Яким недоверчиво покачал головой, но промолчал. Однако своими руками смастерил ребенку колясочку, со словами: «Моему будущему кормильцу».

Это случилось в 1858-м году, но день и месяц неизвестны.

Вся деревня его жалела, стараясь хоть чем-то услужить. Дети, обычно безжалостные к юродивым, дурачкам и калекам, никогда не обижали и не дразнили Гришу. Отец так и не вернулся из гор Чечни. Но семья не впала в нужду: на помощь пришел крестьянский мир. Односельчане распахивали и засеивали журавлевский надел, собирали урожай и помогали деньгами, которых и у самих было не в избытке. Помогал настоятель храма, батюшка Василий, не забывал и барин — предводитель уездного дворянства, отставной генерал князь Тучков.

Известно, что телесные недуги нередко развивают душу и обостряют ум: Гриша видел и понимал многое такое, чего другим было недоступно. Своим, казалось бы, неокрепшим умом он проникал в самую суть вещей и событий, и порой его рассуждения удивляли даже стариков. Поражало людей, что мальчик никогда не унывал, любил петь и шутить — при таком-то несчастье! Казалось, он и не ощущал себя инвалидом: мог взять, например, в зубы кнут и, размахнувшись головой, оглушительно хлопнуть имоу пастуху на зависть!

Жили Журавлевы наискосок справа от сельского Свято-Троицкого храма. Гриша часто просился в дом Божий, и брат с сестрой возили его в специальной низенькой колясочке. Иногда мальчик и сам добирался до церкви, привязывая ремнями к кулям ног кожаные ходульки.

В храме брат или односельчане бережно носили Гришу на руках, по первой просьбе поднимая его к любой иконе. Он целовал образ и широко открытыми глазами всматривался в него, что-то шепча, улыбаясь, кивая головой Спасителю, Божией Матери, святым, и часто по щекам его катились слезы.

— Хочу сам писать настоящие образа! — говорил он брату и сестре, возвращаясь из храма. Те лишь сочувственно улыбались мечтателю.

Как-то летом сельская ребятня взяла его с собой на реку Бузулук. Все плескались, играли в латки, а Гриша сидел на берегу. И вдруг на него спикировал орел, да не простой, а невиданный — с двумя головами. На глазах у растерявшейся детворы хищник поднял тело-обрубок в небо. Пронзительный

детский крик, видимо, испугал странного орла, — он выпустил добычу.

«Никак ангелы подстелили соломку», — рассудили в селе, когда подняли с земли Гришу невредимым.

В селе Утевки Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Оренбургская обл.) Гришины ровесники так же, как везде, играли в салки и лапту, девочки водили хороводы. А маленький инвалид мог лишь выползть со двора на улицу и наблюдать, приглядываясь. Подобрав зубами с земли пруттик, он чертил им в пыли проселка, и появлялись фигурки играющих детей... Рисовал он и угольком из печи на клочках бумаги.

Как-то раз мимо шел сельский учитель Троицкий, как многие интеллигенты, скептик и бунтарь в душе. Возле рисующего зубами ребенка он замедлил шаг и остановился, потрясенно смотря, как на земле под прутиком-карандашом рождаются играющие и пляшущие фигурки...

— Как верно схвачено... Все в движении, все живет... — шептал Троицкий. — Ты кто? Журавлев? Тут живешь? Тебе же учиться надо! Невероятно... Непостижимо... — бормотал атеист и народник.

Обещав, что поговорит с князем Тучковым, учитель побрел домой, умиленно шепча и отбивая в воздухе рукой ритм:

*Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дело!
Это многих славных путь.*

Более никто не слышал от Троицкого речей ни о материализме, ни о революции...

Он научил ребенка-феномена грамоте, письму и счету, а затем в его судьбе принял участие сам князь: отправился к самарскому губернатору Александру Дмитриевичу Свербееву, человеку просвещенному, глубоко верующему, и выхлопотал для Гриши право поступить в Самарскую гимназию.

Городской попечительский совет снял для Гриши, его брата и сестры квартиру близ гимназии, внес плату за обучение, а барин оставил деньги на прожитие и на извозчика. Брат отвозил Гришу в гимназию и оставался с ним в классе, а сестра хозяйничала дома.

На удивление всем, Гриша стал первым учеником в классе.

Держа перо во рту, Журавлев писал каллиграфически — ему поручали переписывать протоколы

Антон Борисович Васильев — профессиональный журналист в свободном полете. Окончил Институт журналистики и литературного творчества. Печатался в «Науке и религии», «Технике — молодежи», «1 сентября», «Лицейском и гимназическом образовании», «Уральском следопыте». Живет в Москве.

экзаменов, что считалось особым знаком отличия. Одноклассники полюбили его за веселый нрав и недюжинный ум, но особенно — за народные песни, которые он пел сильным, красивым голосом.

— Надо же, никогда не унывает человек! — говорили они. — Не то что мы, зануды и кисляи...

Особенно Григорию удавались анатомия человека и черчение.

Кроме гимназии, Гришу возили в городской кафедральный собор на богослужения и еще в мастерскую самарского иконописца Алексея Ивановича Сексяева.

Он рассказал мастерам о своей мечте, показал рисунки. Опытные богомазы рассматривали их, покачивая головами... Вскоре Сексяев начал обучать Григория азам иконописи.

Алексей Иванович поставил отдельный столик у окна, приделал к нему ременную снасть, чтобы пристегивать Гришу к столу. А брат учился тому, чего при всем желании не мог делать Гриша: готовить краски, деревянные заготовки для икон, грунтовать и наклеивать паволоки, накладывать левкас и полировать его коровьим зубом — такая в XIX веке была технология.

Сам же Григорий учился наносить на левкас контуры священного изображения тонкой стальной иглой — графьей, писать доличное, т. е. весь антураж, кроме лица и рук, а также и сами лики, ладони и персты. Брат вставлял ему в рот кисть, и чудо начиналось.

Доска должна была лежать на столе плашмя, ровно, чтобы краска не стекала вниз. Кисточку по отношению к доске нужно было держать вертикально, чтобы письмо выходило тоньше. От слишком близкого расстояния ломило глаза, от напряжения болела шея. После двух-трех часов работы наступал такой спазм челюстных мышц, что у Гриши не могли вынуть изо рта кисть. Ему удавалось раскрыть рот только после того, как на скулы накладывали мокрые горячие полотенца.

Но великие труды оправдывали себя: иной здоровый мастер рукой не выписывал так, как Гриша Журавлев зубами. Все чаще иной ученик, глядя на его стол, кричал другим: «Эк, Гришка-подлец, ворона-то с мясом как ловко отработал! Гли, братцы, как живой к Илье Пророку летит!

Мастер Сексяев не просто уважал ученика, а начал прямо-таки благоговеть перед ним. «Мы бы хотели так писать, да не выходит. Опоганились уже, да и водочкой балуемся, и бабы в нашей жизни как-то путаются. Где уж нам подлинно святой образ написать! Ну, а ты — совсем другое дело. У тебя совсем по-другому — благодатно получается».

Григорий Журавлев
с братом Афанасием

Блестяще окончив гимназию, Григорий возвратился в Утевку и, исполняя детскую мечту, заказав себе стол с особыми приспособлениями, стал писать на заказ иконы. Ему помогали все родные: брат Афанасий мастерил деревянные заготовки, готовил краски, бабушка подбирала кисти, а отец доставлял иконы в Самару. Позднее у Журавлева появились ученики — Михаил Хмелев и Василий Попов.

Дешевую икону купить крестьянам было по силам, поэтому художник писал для них образа на дереве и листах железа, без позолоты. Но необычные работы заметили самарские знатоки — пошли заказы, Григорий приобрел дорогие кисти и краски. Он все чаще писал образа на золоте и собственноручно подписывал на тыльной стороне: «Сию икону писал зубами крестьянин Григорий Журавлев села Утевка Самарской губернии, безрукий и безногий».

Написанные им иконы ценили в народе, потому что от них исходили особые благодать и чистота, их считали нерукотворными: без помощи Господней не может так сработать человек без рук и без ног, держа кисточку в зубах. А вскоре губернское земство назначило ему ежегодную пенсию в 60 рублей — по тем временам для крестьянина состояние!

Так исполнилось пророчество сельского батюшки, крестившего Гришу, — он стал кормильцем семьи.

Его пылкий ум уже не устраивало и гимназическое образование: он много и вдумчиво читал, у иного дворянина в округе не было такой библиотеки.

Есть запись самарского краеведа К. Е. Данилова, который беседовал с местными старожилками, что в 1884 году Журавлев обратился к губернатору Свербееву, всегда опекавшему калеку — живописца, с просьбой представить его новую икону Святителя Николая Чудотворца Цесаревичу Николаю, будущему Императору. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся двадцать три дневника губернатора, с 1877 по 1916 годы. И в листах одного из них

были найдены четыре письма художника Журавлева, три из которых предназначались губернатору, а четвертое — будущему Императору и Царственному Мученику Николаю II. Вот содержание письма, адресованного Цесаревичу Николаю Александровичу: «... Ваше Императорское Высочество, покорнейше и усердно... желаю поднести Вам икону Святителя и Чудотворца Николая, которую я написал ртом, а не руками, по той причине, что от своей природы не имею силы движения в руках и ногах своих. Написал сию икону по вразумлению Всемогущего Бога, который допустил меня на свет Божий. И даровал мне дар. Потом открылось движение моего рта, которым я управляю свое мастерство по повелению Божию».

Цесаревич икону милостиво принял. Вскоре Император Александр III пригласил Журавлева во дворец. Здесь крестьянин-живописец написал портрет семьи Романовых. Императрице Марии Федоровне Журавлев подарил свою икону Божией Матери Млекопитательницы.

— Ну, спасибо, брат, уважил, — сказал Император и, отстегнув золотые карманные часы с репетицией, вручил Грише. Затем обнял его и поцеловал в голову. До весны художник прожил в очаровавшем его Петербурге.

Царь назначил ему пожизненную ежемесячную пенсию в 25 золотых рублей, а Самарскому губернатору велено было «выдать Журавлеву иноходца с летним и зимним выездом». В царском экипаже Григорий разрешал кататься всем односельчанам, особенно детям...

В следующем году вместо скромной сельской церкви в Утевке начал возводиться мощный каменный храм Живоначальной Троицы, под непосредственным руководством Григория Журавлева. По его эскизам были написаны все фрески. Инвалид без конечностей начертил чертежи храма, вызвался сам расписать стены и купол...

По его чертежу были сделаны специальные подмости, где люлька на блоках могла ходить в разных направлениях. По сырой штукатурке писать надо было быстро, в течение одного часа, и Гриша, опасаясь за качество изображения, решил писать по загрунтованному холсту, наклеенному на стены. Около него все время находились брат и еще один помощник, которые его перемещали, подавали и меняли кисти и краски. Первой фреской было «Благодетельное явление патриарху Аврааму Святыя Троицы у дуба Мамврийского» — точная копия преподобного изографа Андрея Рублева.

Под куполом Григорию приходилось лежать на спине, на специальном подъемнике на винтах, страдать от усталости и боли и все-таки завершить все росписи. От этой работы на лопатках, крестце и затылке образовались настоящие стигматы — кровавые язвы...

От постоянного взглядывания в рисунок почти полностью испортилось зрение. Постоянно треска-

лись и кровоточили губы, основательно стерлись резцы. Когда он, сидя после работы за столом, не мог есть от боли во рту, близкие говорили ему: «Мученик ты, Гришенька, мученик ты наш».

— Для храма Журавлев писал не только иконы, но и огромные фрески, — подтверждает нынешний настоятель храма, священник Анатолий Копач. — Когда он расписывал церковь, особенно купол, кожаные ремни впивались в его тело, выщербливались зубы, опухали губы. Это был подвиг...

На куполе он изобразил Святую Троицу и семь Архангелов. На фресках — апостолов Иоанна Богослова и Андрея Первозванного, митрополитов Московских Петра и Алексия. В наши дни стал заново проявляться испорченный безбожной властью лик святого Симеона Верхотурского.

В стены храма строителями были встроены специальные горшки, давшие внутрихрамовому пространству великолепную акустику. Осветили церковь в 1892 году. При ней была школа и небольшая библиотека.

В 1892 году в Самаре был освящен Кафедральный соборный храм Христа Спасителя. Написать икону в честь небесного покровителя Самары, святителя Алексия, губернатор Александр Дмитриевич Свербеев поручил Григорию Журавлеву.

После революции храм был взорван...

«Иконы, написанные не руками, а зубами» разошлись далеко по великой Руси, а вместе с эмигрантами вышли далеко за ее пределы... Иконе «Избранные святые» молятся прихожане Казанского собора в Петербурге. Император Николай II пожелал иметь у себя семейный портрет... Одна из икон Журавлева была обнаружена в Боснии в 1985-м году искусствоведом Здравко Каймаковичем, несколько работ оказались на Урале. В Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, в Сергиевом Посаде, бережно хранится одна из икон кисти Григория под названием «Святой Лев — папа римский». Она является образцом одной из иконописных школ XIX века.

В 1916 году, когда шла война с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, Григорий заскучал, стал часто болеть. Во время одной, особенно тяжелой, болезни ему было откровение: скоро наступят лихие времена, когда и он сам, и его иконы никому не будут нужны.

А через год так и случилось, но Григорий, к счастью, этого не увидел. Он умер 15 февраля 1916 года. Перед смертью метался по постели и просил, чтобы ангел Божий пришел и дописал образ «Благоуханный цвет». Похоронили его в церковной ограде Утевского Троицкого храма, с большим почетом и настоящим паломничеством: тогда народ еще уважал святых.

На могиле чудо-иконописца стоит скромный крест. По его просьбе на нем начертали лишь одно: «Се человек...».

апрель 2011

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

А. ВАСИЛЬЕВ	Нерукотворные образа Григория Журавлева.....	1 пол. обл.
<u>Версия</u>		
В. КАРЕЛИН	Путеводные утюжки.....	5
<u>Письма памяти</u>		
В. СТРУГАНОВ	От проходной идет дорога детства.....	12
<u>На страже родины</u>		
Ю. ГОРБУНОВ	Завод на баржах и в вагонах.....	16
<u>Литература</u>		
Л. Путимцева	Случайная встреча.....	22
<u>Клуб собирателей</u>		
В. ТРУСОВ	Пивная история с соболями.....	25
О. ОЖГИБЕСОВА	Прокати нас, Петруша... ..	26
<u>Портреты</u>		
О. ХОМЯКОВ	Вася из Хакасии, или Мир не без добрых людей.....	34

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

<u>Путешествие по Уралу. ЯНАО</u>		
В. ЛИПАТОВ	Русский бог — спаситель язычников.....	54
<u>Доступный туризм</u>		
Д. Дашкова	Туризм для инвалидов.....	58
<u>На страже родины</u>		
Ю. ДОНСКОЙ	Хроники ожидания пуска.....	64
<u>Камни Урала</u>		
В. АВДОНИН	Уральские метеориты.....	70
<u>Путешествие по Уралу. Пермь</u>		
А. ЯЛОВЕНКО	«Северная подкова» Урала.....	78
А. СЛЕПУХИН	Здоровье вогулов.....	4. обл.

**Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
 2007**

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго
Литературный консультант – В. Абоян.
Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Л.В. Юсупова.
Рекламная служба – com@uralstalker.com
Интернет – Е. Марков.
Фото 1 полосы обложки
Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»
Редакционный совет –
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Голотчев.
Наблюдательный совет –
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
 • Семен Спектор, заслуженный врач России,
 • Виктор Байдуков, свердловское отделение РФО
 • Виктор Христулюбский, Председатель Курганского ро РФО
 • Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РФО
 • Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РФО
 • Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РФО в ЯНАО
 • Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РФО
 • Николай Назаров, Председатель Пермского ро РФО
 © ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
 Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Туоленева, 13.
 Почтовый адрес редакции, издателя:
 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
 тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28
 E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ N: ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
 - Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 - Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья
- «Уральский следопыт uralstalker.com», №4 подписанк печати 15.03.2011 года. Печать офсетная. Тираж 5000. Отпечатано в ГУП СО «Литография «Монетный учебно-печатный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №

Владислав Карелин

Иллюстрации предоставлены автором

Путеводные утюжки

Археологи находят малогабаритные (длиной 3–22 см) артефакты, характерная особенность которых — наличие желобка-канавки (иногда двух или трех), расположенного поперечно или продольно. Нижняя поверхность их, как правило, плоская, иногда — закругленная. Верхняя поверхность чаще выпуклая, реже — плоская. В плане их форма весьма вариативна: округлая, овальная, подпрямоугольная, подтреугольная, трапециевидная, фигурная или аморфная. Но чаще встречаются артефакты ромбовидной или ладьевидной формы. При всем разнообразии их форм главным, ведущим элементом остается желобок. Именно он придает им признак, объединяющий их в одну общность. Они — подобны. Как отметила археолог Ирина Витальевна Усачева, написавшая специальную диссертацию по этой тематике,

«желобок — основная рабочая часть» таких изделий. Широко применена их орнаментация. Изготовлены они из легко обрабатываемых материалов (талька или талько-хлоритового сланца) или глины.

Авторы статей по-разному именуют такие изделия: специфические каменные вещи, човники, челноки, камень с желобком, гладилки, поделка из камня, плитка с канавкой посередине, точильный камень, брусок точильного камня, изделие из глины, желобчатый камень и др. В славяно-язычных статьях чаще всего их называют «утюжками». В дальнейшем и я буду условно именовать их утюжками. Хотя второе их название — желобчатые камни — по-моему, точнее отражает их сущность.

Утюжки распространены на обширных территориях. По данным И. В. Усачевой, они найдены на Ближнем Востоке, северо-восточном и южном побережье Африки, в Южной Европе и на обширных пространствах Евразии от Молдавии до Монголии, включая

Владислав Карелин — заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

Украину, Урал, Западную Сибирь, Алтай, Казахстан и Среднюю Азию. Временной интервал существования утюжков, по мнению И. В. Усачевой, — от протонеолита (мезолита) до эпохи бронзы (от X — IX до середины II тыс. до н. э.), а древнейшим центром их изготовления был Ближний Восток (Северный Ирак, западные области Ирана, юго-восточная Турция, Палестина, Иордания), откуда они широко распространились по разным территориям. К настоящему времени в мире найдено около 450 утюжков (по данным И. В. Усачевой). На Ближнем Востоке число их превышает 70. На Украине — около 80. А на Урале — более 100 штук.

По вопросу целевого предназначения утюжков исследователи тоже высказывают различные мнения. Ряд авторов считают, что утюжки предназначались для выпрямления стрел, их калибровки и полирования. Другие — что утюжки служили грузиками для металок копий и дротиков, рыболовными грузилами, маховичками лучковых стрел, применяемых для добывания огня путем сверления. Предложено также считать утюжки приспособлением для растягивания ремней и изготовления веревок, бечевков или для наматывания ниток, разглаживания швов, неровностей и складок кожаных изделий. Все выше перечисленное укладываются в сферу утилитарного использования утюжков.

Ряд других авторов считают их предметами, связанными с культом и обрядами в духовной сфере. Высказано соображение и о том, что утюжки были символом женского начала. Соединение желобка утюжка со стрелой, как мужским символом, являлось-де ритуальным действием с идеей плодovitости. При этом утюжок рассматривался как женская фигура в виде знака матери — земли. Есть также мнение, что утюжки могли использоваться в ритуале приготовления сомы (по данным текстов Ригведы).

Некоторые авторы пытаются объединить выше изложенные противоположные мнения, считая, что утюжки в разных условиях выполняли две различные функции — и утилитарную, и ритуальную.

Массовые находки утюжков сделаны в горнолесном Зауралье. Почти три десятка их описаны и проанализированы в публикациях уральских археологов (В. Д. Викторова, В. Ф. Кернер, Н. А. Алексашенко). При рассмотрении карты Урала с нанесенными на ней пунктами находок утюжков видно, что места найденных уральских артефактов располагаются компактными группами. В верховьях реки Исети и ближайших к ней рек обнаружено более полусотни утюжков. В примамнигорском районе в верховьях реки Янгельки — 25 штук. В районе примииасских озер Аргази и Чебаркуль — около 30 штук. И еще одна группа (10 штук)

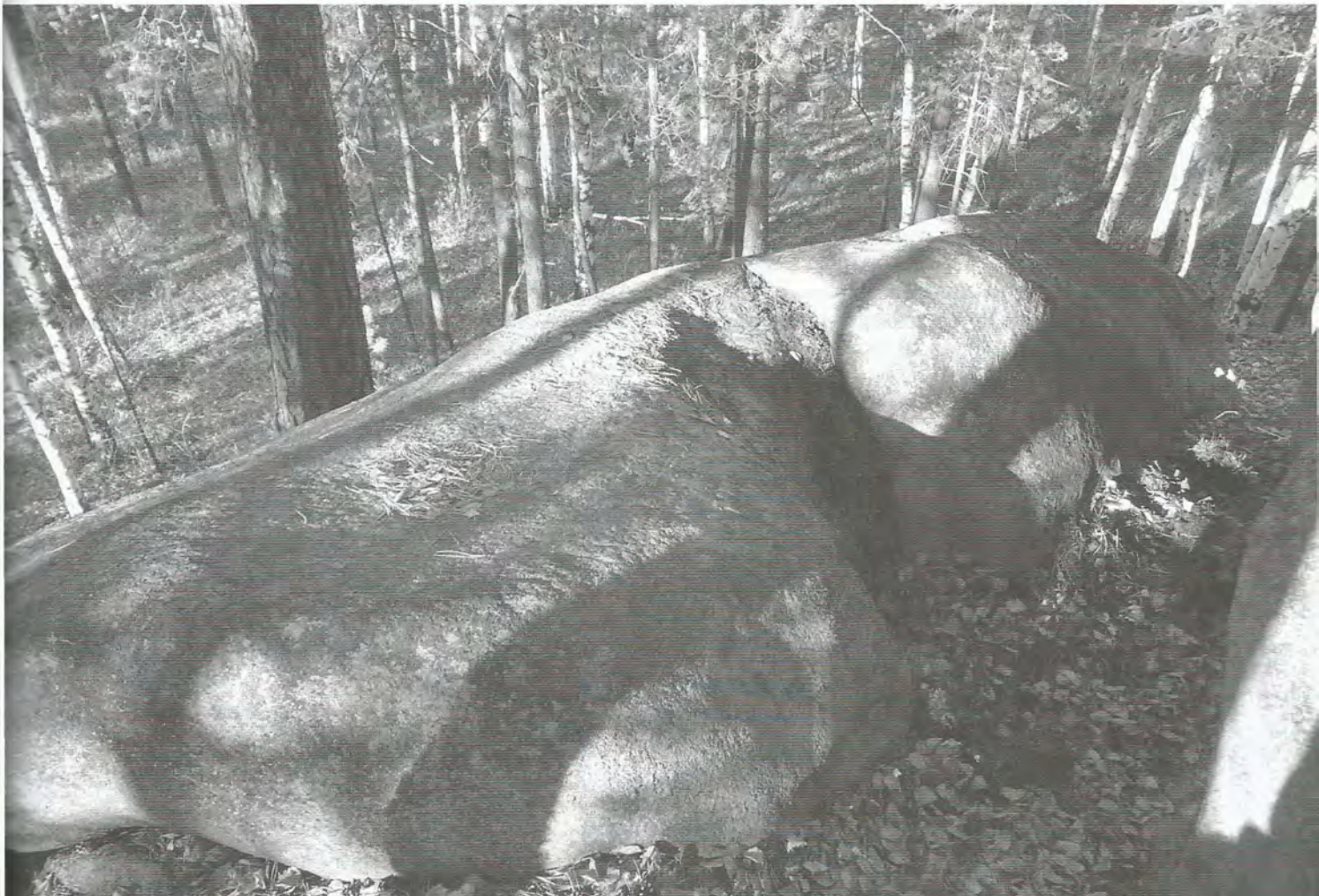
найдена на Андреевском озере в Зауралье. Обращает на себя внимание тот факт, что первые три (из перечисленных) группы утюжков тяготеют к горным участкам Главного Уральского водораздела, что может косвенно указывать на какой-то «горный» признак, присущий таким утюжкам. Попробуем пойти по этой «горной тропинке» и посмотреть на утюжки с нетрадиционной точки зрения, приняв гипотезу о том, что утюжки были какими-то материальными путеводными символами, облегчающими передвижение древнего человека по Уральским горам.

Прежде всего, следует отметить, что в обобщенном виде наиболее распространенная на Урале ладьевидная и ромбовидная формы утюжков в продольном сечении соответствуют графеме древнейшей согласной буквы М, сохранившей такое начертание до нашего времени в ряде современных языков, в том числе и в русском. Так, в древнеегипетском языке буква М имела изображение , т.е. отражала две горы и седловину между ними. В южно-арабском, аксумском, сабейском и других древних языках она имела

вид , , т.е. те же две вершины и перевал. Со временем древняя графема согласной буквы М видоизменялась. Так, например, в минойском языке постепенно произошла следующая трансформация:

. А в древнегреческом исчезла нижняя черта и осталась М. Таким образом, в древних языках треугольник был символом горы. Ряд современных исследователей поддерживают такую символизацию треугольника (В.И. Даниленко, В.Д. Викторова, В.Г. Ковалева и др.). В моей статье «Таинство уральских писаниц» (См. «УС» 2011, № 1) показано, что на среднеуральских писаницах треугольник был «перевальным» знаком, символом, рекомендуемым двигаться от писаницы к перевалу. На писаницах аналогичным значением обладал и знак в виде ромба, представляющий собой два треугольника древнейшей буквы М, но с совмещенными основаниями и с одним из треугольников, повернутым на 180°. Ромбовидный знак на писаницах также служил символом пути на перевал. В продольном сечении типовой утюжок имеет именно такую стилизованную форму, подобную букве М, но только с наклоненными в разные стороны боковыми линиями — .

В моей книге «Философия букв» показано, что древняя согласная буква М в сфере речной номинации имела следующую семантику: река, по которой возможно удобно подняться до истоков, преодолеть перевал и надежно спуститься по соседней реке. Или в иной форме: согласная буква М отражала «горный

перевальный участок с прилегающими к нему верховьями двух соседних рек».

Из сказанного следует, что М-образная форма утюжка, вероятно, была символически связана некоторым образом с идеей перехода по перевалу через горный участок (хребет, цепь гор и т. п.). Ведь именно в районах горных хребтов и найдено большинство уральских утюжков. Тогда желобок (канавка) утюжка является символом перевала. А два боковых поднятия утюжка отражают две горы, между которыми и находится перевал. В итоге, в целом, утюжок, вероятно, был символом, знаком перевала для перехода из одной долины реки в другую.

Как же функционировал утюжок?

Думается, на том месте, от которого нужно было направиться к перевалу, должен был находиться какой-то знак, имеющий «перевальное» содержание. Такими знаками на писаницах были треугольники и ромбы. Или должен быть знак, подобный утюжку. Такие знаки должны были находиться на приметных местах, легко определяемых на местности. На Среднем Зауралье имеется большое количество скальных гранитных останцев. Они резко выделяются в ландшафте. Просто отыскиваются. Поэтому, скорее всего, древний уралец решил именно на такие скалы, каменные останцы наносить «перевальные» знаки. Серия таких скал представляла собой своеобразную путеводную нить для продвижения на местности в нужном направлении на перевал.

Ход вышеизложенных логических рассуждений полностью подтверждают данные, найденные при археологических разысканиях.

Прекрасной иллюстрацией к выше сказанному являются памятники на острове Каменные палатки, расположенном в районе озера Мелкого на левом берегу реки Исети. Возвышенная местность Каменных палаток называется островом потому, что в древности она омывалась с трех сторон водами обширного озера. На острове расположено несколько археологических памятников.

Прежде всего, следует отметить обнаружение трех утюжков на памятнике Палатки I (В. Д. Викторова). Один из утюжков изготовлен из глины и имеет ромбовидную форму (вид сверху), а в продольном сечении — скошенную подтреугольную, имитирующую согласную букву М с широко расставленными и наклоненными боковыми линиями. Этот глиняный утюжок находился рядом с развалом сосуда на центральном участке памятника. Поверхность глиняного утюжка, по сообщению Викторовой, орнаментирована ямочными наколами, расположенными в виде продольных полос. Еще два утюжка, найденных Викторовой на этом же памятнике, изготовлены из тальк-карбонатной породы и имеют четырехугольную форму с четко выраженным желобком, как основным признаком утюжка. Если утюжки постоянно находились на легко определяемых видных местах, то, найдя их, древний уралец понимал, что от этого места он может отправиться на перевал.

Кроме этих утюжков, на памятнике Каменные палатки обнаружены и другие «перевальные» информационные признаки.

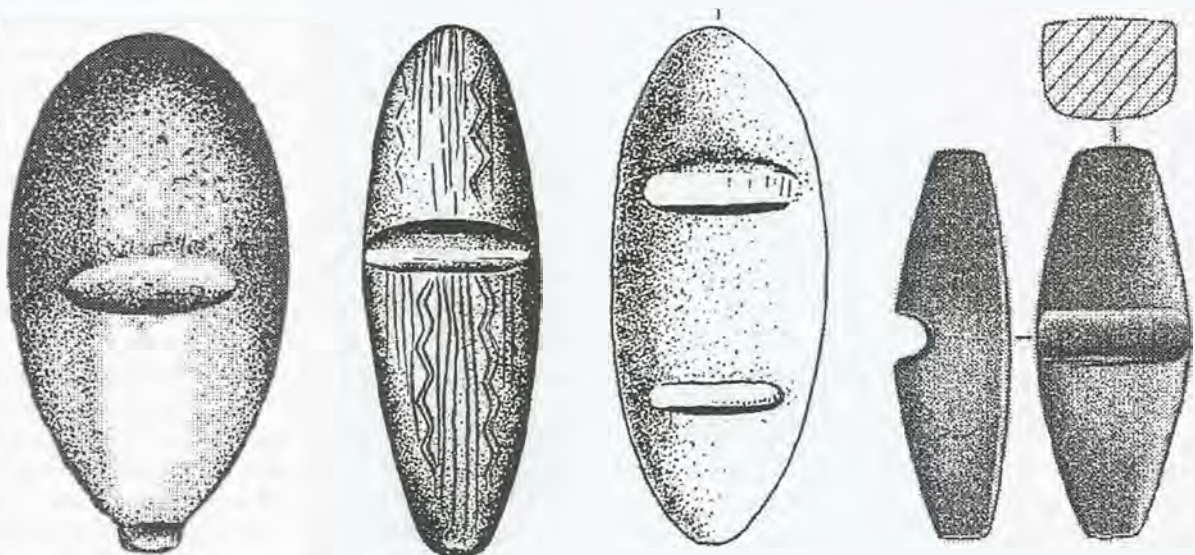
Примерно в 20 м к северу и ниже основания высоких скал памятника Вершина I на крутом склоне на горизонтальной плите выбит знак в форме овала, рассеченного посередине желобком, имеющим ази-

мут 0 (здесь и далее указываются магнитные азимуты). В. Д. Викторова и В. Ф. Кернер сопоставили указанный знак с подобными изображениями, известными в Северном Ираке и Средней Азии, и пришли к выводу, что они (знаки) все сюжетно «сходятся воедино» с ромбовидными утюжками на базе ритуального объяснения. Соглашаясь в принципе с мнением упомянутых авторов о «сходстве» таких знаков, можно, однако, тождество указанных артефактов объяснить по-иному: они (знаки) подобны согласной букве М, но оформлены разными внешними масштабными приемами. Внешняя форма горизонтального знака может быть различной — круглой, овальной, ромбовидной, четырехугольной. Важно, что на каждом знаке имеется желобок, нижняя поверхность которого располагается между двумя приподнятыми краями, тем самым выражая идею перевала, расположенного между горами. Поэтому овал или круг с поперечным желобком можно также считать «перевальным» знаком.

На памятнике Вершина I по двум сторонам верховой площадки расположены скальные участки. На западном из них выбит ромб, а на восточном — треугольник. Оба таких знака являются «перевальными» (см. выше).

Еще один углообразный «перевальный» знак находится на камне, от которого был отчленен валун, именуемый в работах археологов «головой лосихи». Этот валун для моего рассмотрения представляет несомненный интерес. Валун в плане имеет вытянутую форму длиной 2,4 м, а поперечные размеры его — 0,9 м в северном и 0,55 м в южном конце. У валуна есть несколько особенностей. Во-первых, вслед за Викторовой, отмечу, что он был отчленен от рядом расположенного массива, на котором остался, как негатив, след от северного конца «головой лосихи». Последняя была отодвинута примерно на 0,5 м и повернута примерно на 1120 в горизонтальной плоскости. Во-вторых, сопоставление размеров северного торца «головой лосихи» и следа его на соседнем каменном массиве указывает на то, что «голова лосихи» была еще повернута

на 900 в вертикальной плоскости. В-третьих, на верхней плоскости «головой лосихи» вдоль ее продольной оси выбита канавка шириною 15–20 мм и длиной 1,5 м. Эта канавка была нанесена намеренно, так как она могла появиться только после отчленения и поворота «головой лосихи» в вертикальной плоскости. Следовательно, канавка должна была играть какую-то специальную смысловую роль. В-четвертых, на западной продольной стороне «головой лосихи» имеется выпуклина, именуемая у археологов «глазом лосихи». Выпуклина имеет форму, близкую к кругу, и обведена канавкой. В моей работе «Таинство уральских писаниц» показано, что на вертикальных и крутонаклонных плитах писаниц круг и овал являлись символом, указывающим северное направление движения к перевалу. Аналогично этому, выпуклина, имеющая подкруговую форму, находясь на вертикальной плоскости «головой лосихи», имеет такую же семантику — северное направление. Именно для этого «голова лосихи» после отчленения была повернута в вертикальной плоскости. Если бы выпуклина осталась на горизонтальной плоскости, то она должна была бы иметь поперечную канавку, аналогично такому знаку, выбитому на горизонтальной плите, лежащей на склоне памятника Вершина I (см. выше). «Перевальное» содержание выпуклины подчеркивается углообразной канавкой, охватывающей выпуклину. В моей работе об уральских писаницах показано, что знак в виде угла также является «перевальным». Тогда выпуклина и углообразный знак указывают на то, что от «головой лосихи» следует двигаться к перевалу в северном направлении. Последнее и уточняется направлением канавки, выбитой на верхней плоскости «головой лосихи». Азимут этой канавки — 3240. Азимут же продольной оси каменного массива, от которого отчленили «голову лосихи», составляет 2120. В итоге, становится понятным поворот «головой лосихи» в горизонтальной плоскости: продольная канавка на ней должна показать именно то северное направление, в котором необходимо двигаться к перевалу, чтобы попасть в бассейн соседней

крупной реки. Вопрос о том, куда конкретно, в какую реку, рекомендует двигаться «голова лосихи» (на север по азимуту 3240), требуется выяснять. На южном конце «головы лосихи» на продольной ее стороне нанесены несколько параллельных линейных коротких канавок. Можно предположить, что они являются счетными знаками, аналогичными зарубкам на деревьях, сделанными современными манси. Такие короткие канавки могли обозначать, например, дни пути перевального маршрута.

При всем разнообразии «перевальных» знаков на острове Каменные палатки наиболее убедительными являются два каменных блока, расположенных на северной стороне скального массива в районе памятника Вершина I. Один из них, более восточный, археологи называют «камнем с чашей». Однако не требуется никакой фантазии, чтобы оценить этот камень совсем в другом свете. Длина его — 2,4 м. Верхняя поверхность слегка поката к длинным боковым торцам, имеющим поперечные размеры 1,0 и 0,6 м. В средней части блока высечена «чаша» глубиной 0,2 м, которая практически пересекает камень поперек по всей верхней поверхности. По сути «чаша» является широкой канавкой. Тогда весь каменный блок — это типичный утюжок, но больших размеров. Скорее его можно

назвать большим утюгом. Вторым, более западный, каменный блок также имитирует утюжок. Длина его 5,6 м. В средней его части (по длине) имеется поперечное углубление. В целом, и этот каменный блок имеет все признаки утюжка. На верхней поверхности блока выдолблены три коротких (20–50 см) канавки, ориентированных по его длине. Учитывая вытянутую в плане форму утюгов, а также продольные канавки и вспоминая длинную продольную канавку на «голове лосихи», вероятно, возможно принять длинные стороны утюгов за рекомендуемое направление движения к перевалу. Дополнительным подтверждением этого являются гравировки, имеющие линейный продольный вид и выполненные на ряде утюжков. Направление продольных сторон рассматриваемых больших утюгов составляет 212–320.

Таким образом, древний уралец, найдя на скальном останце природный каменный утюжок, получал информацию о том, что далее следовало двигаться на перевал в направлении, задаваемом продольной осью утюжка. А маленький утюжок, имеющийся в руках древнего путешественника, напоминал ему о форме подобного большого утюжка, который он должен был найти на местности. Остается только изумляться способности древнего человека, изобретшего надеж-

ную и эффективную систему ориентации на местности с учетом ее природных особенностей.

Необходимо отметить еще одну важную особенность такой системы ориентации на местности с учетом ее природных особенностей. Каменных останцев в округе — большое количество. Но среди них древний человек выбирал только те, у которых продольное направление каменных блоков совпадало с необходимым для подходов к перевалу. Именно на такие блоки он наносил перевальные знаки в виде треугольника, ромба или чаши (см. ниже). Этот факт говорит о целенаправленной мыслительной деятельности древнего уральца при выборе скал, на которых он обозначал «перевальные» знаки, включая и утюжки, и утюги. Именно весь этот комплекс указывает на то, что древний уральский путешественник уже в каменном веке обладал знаниями по ориентировке по странам света.

Но на этом речь о каменных утюжках на острове Каменные палатки еще не кончается. Примерно в 15 м от «головы лосихи» в юго-западном направлении находится большой валун длиной 4,3 м и шириной 2,3–2,9 м (в плане). На его верхней плоской поверхности имеется две чаши. Одна — большая: с размерами 0,7 x 1,5 м и глубиной 0,15–0,20 м. Другая — поменьше: с размерами 0,9 x 1,1 м и примерно такой же глубиной. Между чашами выбит углообразный знак. А сбоку малой чаши выбита канавка шириной 30–50 мм и длиной 0,7 м. Направление этой канавки, как и всего валуна, составляет 212–320. В принципе такой валун аналогичен большим утюжкам, описанным выше. Отличие состоит только в том, что этот утюжок имеет две чаши, которые ориентированы продольными осями поперек общей длины валуна. В этом случае можно считать, что чаши играют роль поперечных канавок типового утюжка. Вероятно, со временем изображение поперечной канавки утюжка упростилось и трансформировалось в образ чаши. При этом сохранилось символическое содержание природного утюжка — продольная ось указывала направление движения.

Сказанное прекрасно подтверждается на местности. Если двигаться по азимуту 2120, задаваемому продольной осью рассматриваемого каменного утюжка с двумя чашами, то, переправляясь на правый берег реки Исети и преодолев небольшой болотистый участок, выходишь на каменные гряды так называемого Елового мыса. Восточные концы гряд этого мыса заходят в заболоченный правый берег реки Исе-

ти. Таких Каменных гряд на Еловом мысе пять штук. Но вот удивительное совпадение! Азимут 2120 приводит именно к той каменной гряде, на которой находится известный археологический памятник под этим названием — Еловый мыс. Здесь также имеются камни с чашами. Отсюда невольно возникает мысль о том, что валуны с чашами, то есть природные утюжки, задавали необходимое направление целесообразного передвижения от одного такого природного знака к другому. Вероятно, так, двигаясь от одного валуна с чашей к другому, древний путешественник использовал информацию об удобных путях перемещения по местности, оставленную на скальных останцах предыдущими поколениями людей. В итоге, природные камни с чашами древнему уральцу заменяли современную географическую карту. Дополнительно отмечу еще одну характерную деталь. Как же древний человек фиксировал направление движения, задаваемое природными утюжками с чашами? Судя по всему, на первых стадиях познания археоастрономии древний уралец в качестве начальной точки отсчета использовал точку восхода солнца или Полярную звезду.

В заключение хочется надеяться на то, что удастся со временем собрать данные о расположении на Среднем Урале камней с чашами, этих природных утюжков. А после нанесения их на карту прояснить пути пересечения древними уральцами Главного Уральского водораздела.

Приглашаю краеведов и археологов к сбору информации о каменных чашах и природных утюжках. Найдя каменную чашу, необходимо измерить габариты утюжка и чаши и определить азимут их продольных осей, а также нанести на карту местоположение природного утюжка.

Владимир СТРУГАНОВ
Фото из семейного архива автора

От проходной идет дорога детства

Со школьных уроков географии запомнилось мне, что Уральский алюминиевый завод, построенный в бурные 30-е, сразу стал мощнейшим не только в СССР, но и в Европе. Вместе с заводом рос в Каменске и жилой микрорайон алюминщиков. А первые два года Великой Отечественной это было единственное предприятие, обеспечивавшее страну столь необходимым ей тогда «крылатым» металлом.

После войны завод продолжал испытывать дефицит кадров. Нехватку рабочих восполняли и за счет привлечения молодых людей из аграрных районов страны. Так попал на завод мой отец.

Был он из степной тамбовской деревни Жулидовки, что стояла когда-то в 30-ти ки-

Владимир Викторович Струганов – коренной уралец; родился в Каменске-Уральском. Окончив Свердловский медицинский институт, более 30 лет работал врачом в закрытом атомном городе Лесном. Сейчас – на творческой работе. Он – автор-исполнитель песен, литератор и краевед, автор нескольких сборников стихов и книг, рассказывающих об истории Лесного. Публиковался в журналах «Уральский следопыт», «Литературный квартал».

лометрах от уездного городка Кирсанова. В девятнадцать лет, в 1947-м, в числе нескольких других ребят он был завербован и отправлен на далекий Урал, куда, помимо тамбовских, прибыло немало воронежских, а также вятских парней.

Новая жизнь начиналась с криолитового завода в Полевском, который выпускал фтористые соли для производства алюминия. В те годы городок выглядел довольно неприглядно: серые домишки, грязь, дымящие трубы... Но пробыл здесь отец недолго. Его направили на курсы ФЗО в Каменск-Уральский. Ютились в общежитии Алюминиевого техникума. Через полгода учебы, перед самым окончанием курсов, соскучившись по дому, четверо земляков с юношеской бесшабашностью самовольно пустились на побывку — на родину. Дома были задержаны. Надо признать, отделались по тем временам легко. Пригрозив, что при повторении подобного у матери отберут корову, отца снова отправили в Каменск.

Так начала складываться его рабочая биография, его и других деревенских ребят, прибывших сюда из Центрального Черноземья. Получив в июне 1949 года аттестат об окончании школы Фабрично-заводского обучения и квалификацию электролизника 5 разряда, отец стал считаться мобилизованным на четыре года. Однако в общей сложности проработал в горячем цехе Уральского алюминиевого завода почти тридцать лет, до самого выхода на пенсию, и был награжден медалями за труд.

До моего пятилетнего возраста (брату было восемь) наша семья жила на заводской окраине, в деревянном двухэтажном бараке возле Горячки — так все именовали тогда речушку из промышленных стоков УАЗа, в огромных количествах сбрасываемых

1940-е, в Жулидовке

в Исеть. Мы с ребятами иногда купались в ней, не особо задумываясь о вреде, который могли причинить своему здоровью. А женщины из ближних барачков нередко стирали здесь белье. Неподалеку, за устьем Горячки, на высоком, скалистом берегу Исети, откуда открывается изумительный по красоте вид, когда-то был выстроен комфортабельный двухэтажный каменный коттедж для директора УАЗа. Но, поговаривали, из-за плохой экологии жить здесь он не стал. Позднее в здании разместился детсад. К началу 70-х сброс заводских стоков прекратили, а русло Горячки засыпали землей.

1950-е. В К.-Уральском.
Городошники из электролизного цеха

Населявшие наш барак на улице Красногорской молодые семьи алюминщиков жили меж собой дружно. Детей было много. Это примитивное строение в районе прозвали Домом молодежи. В длинных и узких его коридорах устраивали мы свои шумные детские игры. На втором этаже, помню, имелась общая кухня и два туалета. Сегодня, просматривая старые фотографии, удивляюсь, что, живя в таких условиях, мы чувствовали себя вполне комфортно. Прилегающий к бараку район представлялся мне тогда целым миром. Здесь было, казалось, все: и вечно многолюдный базар по соседству, и двухэтажный деревянный Клуб строителей на улице Октябрьской, куда нас, малолеток, бесплатно пропускали почти на все киносеансы, и старенькая школа-семилетка, куда пошел учиться в первый класс мой старший брат.

Иногда на нашу территорию навевались цыгане. В то время в Каменске их было довольно много. Они ходили большими группами, в неопрятных цветастых одеждах, приставая к прохожим с гаданием и попрошайничая. При этом о чем-то громко судачили на своем языке, а мы на расстоянии передразнивали их. Запомнилась мне одна пожилая цыганка. В тесном деревянном павильончике на Алюминиевой улице занималась она починкой обуви. Ее работа казалась мне трудной, потому цыганка вызывала у меня чувство уважения и веру в то, что непременно должны быть и другие, хорошие цыгане.

На пустыре за нашим бараком, возле Исети, располагалось стрельбище, где изредка проходили соревнования по стрельбе из охотничьих ружей. Среди валявшихся здесь повсюду разбитых мишеней-«тарелочек» мы находили и совершенно целые, что доставляло нам немалую радость. Иногда мимо барак проехал на телеге старьевщик, принимая от жильцов всякое тряпье и рухлядь. С разрешения родителей и я относил ему что-то, получая взамен несколько мелких монет. Их вполне хватало, чтобы купить на базаре, к примеру, глиняную свистульку за пятнадцать копеек.

Некоторые деревянные бараки в Каменске-Уральском просуществовали вплоть до 70-х. Лишь редкие семьи рабочих имели в те годы отдельную квартиру. Везением считалось получить комнату в коммуналке. Со многими ребятами из нашего барака я встречался и в старшем школьном возрасте. Но как сложилась дальнейшая их судьба, мне неизвестно.

В конце 50-х переехали в коммуналку и мы. Отец работал посменно, при этом еще учился в школе ра-

бочей молодежи. В свободное время играл в городки, которые в те годы были и развлечением, и очень популярным видом спорта. А еще являлся чемпионом своего цеха по шашкам.

По выходным дням значительная часть населения нашего Красногорского района устремлялась на стадион УАЗа, где летом регулярно проводились футбольные матчи с участием заводской команды «Салют». Однажды, запомнил, состоялся товарищеский матч с ветеранами московского клуба, ворота которого защищал легендарный советский вратарь Алексей Хомич. Уральские болельщики преподнесли ему тогда кучу разных подарков.

Зимой особый интерес вызывали соревнования первенства страны по мотогонкам на льду. Каменские гончики, кстати, и по сей день — одни из сильнейших в России в этом виде спорта.

Главная улица района — Алюминиевая — для красногорцев являлась, по-моему, чем-то вроде

УАЗ. Дворец пионеров

Невского проспекта для ленинградцев. Начинается она прямо от заводской проходной. На ней — самые интересные дома, построенные в стиле, как теперь принято говорить, сталинского ампира. В жаркие летние дни всегда было многолюдно в центре, возле фонтана на площади Горького. На Алюминиевой же, в районе одноименного техникума, с давних пор на высоком постаменте стоит

памятник Марксу и Энгельсу. Теперь это уже, пожалуй, раритет, городская достопримечательность. Не уверен, что в Свердловской области где-то еще есть изваяния этих двух основоположников научного коммунизма.

На мой взгляд, одним из красивейших дворцов нашей области остается Дворец культуры Уральского алюминиевого завода. С сожалением узнал года три назад, что его выставили на продажу. Видимо, для завода, ставшего частным, он теперь — обуза. Отец рассказывал, что строили его военнопленные немцы. Мы с ребятами любили бывать в нем. Часто приходили гурьбой послушать звучание диковинных в то время электрогитар, познакомиться с цирковыми номерами приезжих артистов, посмотреть «Трех мушкетеров» с Жаном Марэ в главной роли или фильма Чарли Чаплина... Всякий раз, бывая в ДК, с большим интересом разглядывал его зрительный зал: партер, бельэтаж с бюстами великих людей, потолок, украшенный росписью — марширующими со знаменами молодыми строителями коммунизма. Когда-то

парк культуры и отдыха УАЗа. Раньше здесь, кроме аттракционов, постоянно работали летний кинотеатр, по выходным — танцплощадка; в киосках можно было купить газированную воду и мороженое; струилась из фонтанчиков питьевая вода, а в тени аллеи скрывались алебастровые статуи юношей и девушек. Последние годы парк, окруженный

той же, что и полвека назад, высокой металлической оградой (почти как в Летнем саду!), пребывал в заброшенном состоянии. С недавнего времени, насколько мне известно, ведется его реконструкция.

Ряд воспоминаний связан, конечно, с Дворцом пионеров и школьников УАЗа. В его редком по красоте и уюту здании работали и музыкальные кружки, и театральная студия,

а еще проходили многочисленные школьные вечера. В настоящее время Дворец явно нуждается в капитальном ремонте.

В 60-х немало семей уральских алюминщиков подалось в Сибирь, на только что построенный и потому остро нуждавшийся в кадрах Братский алюминиевый завод. К такому решению их подвигли главным образом трудные жилищные условия: за долгие годы люди устали ютиться в бараках и коммуналах. В Братске же всем сулили сразу отдельные квартиры.

Кое-кто из земляков отца и вовсе предпочел вернуться на родину, в Тамбовскую область, но большинство, прикипев, остались на Урале. Наша семья отдельную квартиру получила лишь к концу 60-х.

Уже более тридцати лет живу в другом городе. Проездом мне не раз случалось быть в Каменске-Уральском. И вот, после долгого перерыва снова побывав в нем, с удовлетворением ощутил, что город не стал для меня менее привлекательным и дорогим. Наоборот, приятно было побродить по его старым улицам: Исетской, Каменской, Октябрьской... И, конечно, — Алюминиевой!

Памятник Марксу и Энгельсу на ул. Алюминиевой

Дворец культуры УАЗа

верхнюю часть фасада Дворца культуры алюминщиков венчал впечатляющий по своим размерам — никак не менее двух метров высотой — монумент с фигурами людей. Обидно, что его не стало.

Еще одно место, куда нередко заглядывал школьником, —

Площадь Горького

Завод на баржах и в вагонах

Продолжаем публикацию очерков по истории завода им. Калинина

Баррикады на Литейном проспекте у здания окружного суда 27 февраля 1917 года. Напротив — здания оружейного завода.

Через увеличительное стекло Петроградского оружейного мы с вами смотрели на события Первой мировой. Теперь через тот же воображаемый оптический прибор предстоит взглянуть на другое, поистине мирового значения событие.

Обратимся еще раз к воспоминаниям Тихона Соловьева, будущего бухгалтера Московского оружейного. В пору революции был он еще 17-летним юношей, ни к какой партии пристать не успел, но смотрел на происходящее любопытными глазами. Эта-то его беспристрастность нам и интересна.

Тихон Романович вспоминает день, когда на всеобщую забастовку с флагами и плакатами вышли рабочие всех заводов Выборгской стороны. Всех. А Оружейный продолжал себе работать. «Нашего завода это не коснулось», — пишет мемуарист. Бастующие подошли к проходной и потребовали остановить станки. Сломали ворота, ворвались внутрь. Раздалась выстрелы. И только тогда оружейцы присоединились к забастовщикам. Но не с лозунгом «Долой царя!», а со своим: «Да здравствует конституция!». «Тогда-то я и узнал, — пишет Соловьев, — что наш завод считался меньшевистским».

Действительно, требование конституционных прав и свобод было «долгоиграющим» лозунгом меньшевистской партии.

Другой ветеран завода, Григорий Петрович Емельянов, рассказывал: «Попасть в «богадельню», как

называли питерцы оружейный завод, было трудно, а имея революционный «хвост», еще сложнее». «Богадельня» — это, несомненно, тоже камень в огород меньшевиков.

Именно для того, чтобы ослабить влияние меньшевиков и эсеров, и были направляемы на Оружейный твердые ленинцы Михаил Иванович Калинин, а позднее Влас Яковлевич Чубарь — он два года работал слесарем в пушечной мастерской и очень ответственно выполнял поручения большевистского ЦК (В советское время В.Я. Чубарь (1891–1939) возглавлял правительство Украины, а также был первым заместителем Председателя Правительства СССР. По ложному обвинению был осужден и расстрелян. Реабилитирован посмертно).

Такую, будем говорить, пеструю политическую «окраску» Оружейного нельзя объяснить только случайным стечением обстоятельств. Причины коренятся глубже.

Мы уже знаем, что на единственном заводе военного ведомства трудилась своего рода рабочая элита. Срочные и сложные заказы требовали от исполнителя не переменного творческого отношения, соучастия в конструкторских проектах, а подчас и слияния мастеровитых рабочих рук с инженерной смекалкой и изобретательностью. Рабочая честь, талант и ответственность изначально ценились в этой заводской среде выше так называемых классовых интересов. Отсюда

и политическая пестрота, а зачастую и непричастность к лозунгам дня. Примеров можно привести много.

В мемуарах орудийцев и в архивных документах то и дело мелькает имя Михаловского. Причем мелькает любопытно. В числе необходимых артиллерийских атрибутов, производимых только на Орудийном, непременно упоминается буссоль Михаловского. А в воспоминаниях того же Емельянова читаем, как однажды вокруг «корыта» («корытом» рабочие называли большую посудину для варки обедов) собралось «человек 40» — судили товарищеским судом воришку инструмента. «В середине суда пришел начальник Михаловский:

— Господа, вы не боитесь, что под вами пол провалится? — это в смысле, что нас много собралось. Мы разошлись к станкам».

Любопытная, не правда ли, сценка? Вот уж действительно «богадельня». Это как же «начальник» увещевает толпу мастеровых, в центре коей наверняка известные ему «заводилы» Бедняков и Калинин! И толпа без возражений расходится. Даже и позднее Емельянов не мог добавить ничего негативного к портрету «начальника».

Невольно возникает вопрос: «начальник» Михаловский и изобретатель артиллерийский буссоли — это разные люди? Вот и фамилии одной буквой отличаются. А именем и отчеством ни «начальника», ни изобретателя авторы почему-то не удостоивают. Давайте внесем необходимую ясность.

Генерал-майор Валериан Николаевич Михаловский (1866–1913) — это русский артиллерист и изобретатель. Двадцать лет своей, увы, короткой жизни он, буквально сказать, подарил Петербургскому орудийному — заведовал, пожалуй, самой ответственной мастерской — по производству орудийных затворов, прицелов и других точных приборов. Собственно, одна запись только и была в его «трудовой книжке» — поступил на завод сразу по окончании Артиллерийской академии, оставив свое имя на мраморной доске как лучший выпускник 1891 года. И пушкарем-орудийцем ушел в раннюю могилу.

Совместно с артиллеристом В. Д. Туровым (тоже личность вполне забытая) он разработал командирский угломер-трансформатор и командирскую же буссоль — такой большой компас, соединенный с углоизмерительным и оптическим приборами. Незаменимый и не имевший тогда аналогов инструмент управления огнем полевой артиллерии (пользуясь буссолью Михаловского, можно было стрелять с закрытых позиций). Он и вообще, будучи членом Артиллерийского комитета, много сделал для перевооружения русской армии. А всего-то 47 лет прожил на земле.

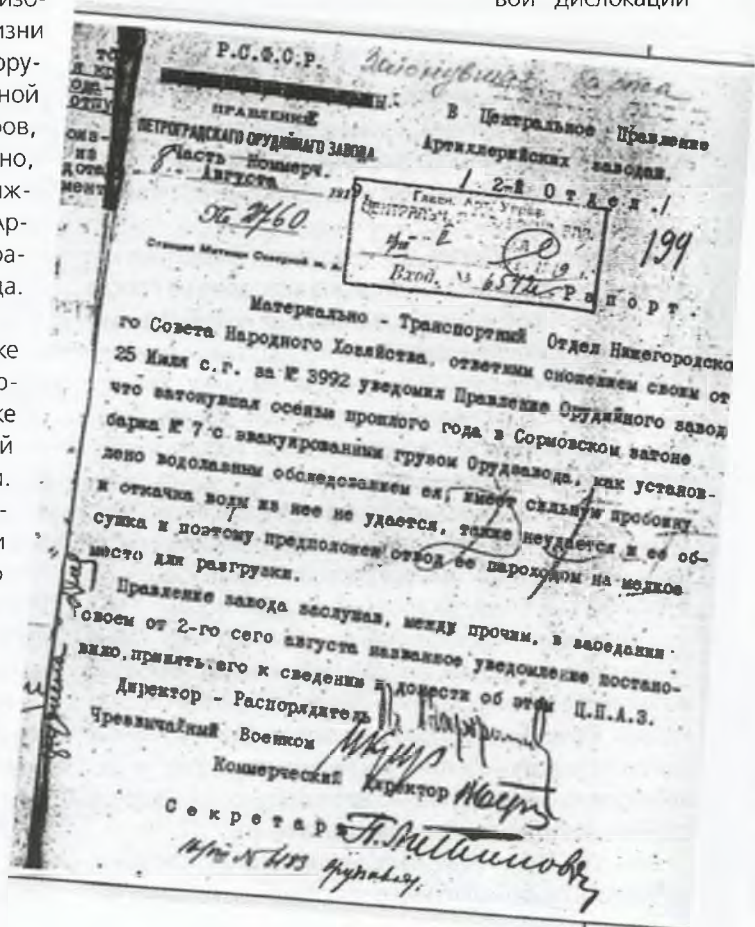
В своей «богадельне», он, как видим из воспоминаний, не держал большой разницы между собой и умелым, не без царя в голове, мастеровым — оба добывали свой хлеб трудом и талантом.

Кстати, и сам М. И. Калинин, вспоминая свои петербургские годы, однажды с достоинством ответил журналистам: «Мы — металлосты! Вы думаете, что мы были забиты. Нет, мы всегда знали себе цену».

Но вернемся к событиям 1917-го года, когда остро и неоднозначно стоял вопрос о судьбе завода. Однозначного отношения и быть не могло. Кого-то пугала эвакуация — в Петрограде оставались хозяйство, дом, могилы предков... У кого-то были анархистские настроения: ничего не оставим врагу, и были даже попытки топить станки в Неве... Да и сама юная советская власть умела больше размахивать пистолетом. Но опять-таки характерна реакция на такой разброд группы ветеранов-мастеровых Орудийного завода, которые рисковали в одночасье остаться без денег и без работы. «Я предлагаю, товарищи, — читаем в протоколе общего собрания, — задать нашим комиссарам вопрос: будете ли вы нас эвакуировать? Если нет, то поставим станки на место и приступим к работам.

Если бы они хотели эвакуировать нас, то первым делом должны были бы увезти пушки, которые могут пригодиться неприятелю. Они же их оставили на месте, а велели убрать станки, чтобы только не могли работать». Здесь мы не слышим лозунгов, а слышим здравую рабочую заботу о заводе, своих семьях и их будущем.

А разве не та же забота просматривается и в действиях комиссии, которой в нелегкое время разгула революционной и контрреволюционной стихии пришлось поехать по стране, выбирая место для новой дислокации

завода? Комиссия, как мы знаем, была создана еще до Октября, но и в изменившейся ситуации в ее составе остались опытные заводские специалисты: помощник начальника завода П. И. Петров, заводской архитектор А. В. Самойлов — факт многозначительный. Кстати, Анатолий Васильевич Самойлов стал впоследствии одним из родоначальников советской производственной архитектуры. И мы еще встретимся с ним в Подлипках.

А начальник завода С. Я. Нарушевич? Сколько мы знаем примеров, когда царских директоров не просто замещали «красными», а делали это издевательски: с позором изгоняли, судили революционным судом, под хохот толпы вывозили с завода на тачке... Ничего подобного не случилось на Орудийном. Семен Яковлевич Нарушевич руководил заводом в тяжелейшее время его эвакуации, и мы расстанемся с ним только в Подлипках, когда его отправят «на повышение». Это нам о многом говорит. Окажись начальник чем-то неугоден заводской большевистской «прослойке», он в горячие дни не удержался бы на своем посту.

Но самый красноречивый пример единения не по классовому, а по социально-нравственному и патриотическому настрою явило собой время эвакуации Орудийного. Читая воспоминания активных участников этих событий, воспринимаешь разгул революции как некую, подчас враждебную заводчанам стихию, которую им пришлось одолевать.

Мы уже знаем, как настойчиво, еще до Октября, добивался скорейшего решения судьбы завода его на-

чальник С. Я. Нарушевич. Революция остановила процесс, но не остановила его усилий. Он стал активно, в интересах завода, сотрудничать и с новой властью. Продолжала работу и инициированная им комиссия. В одной упряжке с заводским комитетом. Местом возможной дислокации завода на этот раз был выбран Нижний Новгород. По мнению комиссии, тамошние казармы Тобольского полка могли бы вместить завод вместе со складами, магазином, гаражом, правлением. ГАУ утвердило выбор комиссии и ходатайствовало о том же перед Советом народных комиссаров.

Хроника событий тех дней такова.

26 февраля 1918 года Совнарком обсуждает вопрос о переезде Правительства из Петрограда в Москву.

8 марта Ленин подписывает постановление об эвакуации из Петрограда рабочих и служащих. С марта по май в Москву, Поволжье, на Урал эвакуируется более 30 крупных предприятий с 60 тыс. рабочих.

В двадцатых числах мая на повестке дня Центральной коллегии по эвакуации четырежды ставится вопрос о Петроградском орудийном. Но завод к этому времени уже сдвинулся с места.

Когда в районе Пскова и Нарвы началось успешное наступление германских войск, а совсем юная Красная Армия не могла дать им отпор, наступил критический момент и одновременно пик разброда.

Заводской профсоюзный комитет, где, несомненно, делали погоду ветераны-орудийцы, призвал не поддаваться панике, беречь каждый станок и за-

В ГАУ полетели тревожные телеграммы такого вот содержания: «Собрание рабочих Орудийного завода категорически ставит вопрос скорейшей эвакуации в Москву. Одежда сгнила на баржах. Дров, теплого жилья нет. Катастрофа с наступающими холодами неминуема. Массовое заболевание, учащаются смертные случаи».

До лозунгов ли здесь? До классовых ли разборок?

А почему вдруг возникла Москва? А потому возникла, что опять же подсуетилась административная комиссия. Едва оказавшись в Нижнем и глянув на казармы Тобольского полка, она вновь начала поиски варианта, поездки по городам и весям. В результате пришла к выводу, что «наиболее подходящим в техническом и экономическом отношениях и соответствующим заданию Центрального правления артиллерийских заводов является завод «Бекос», ныне казенный завод самоходов». Так в биографии Орудийного впервые появилось подмосковное местечко Подлипки.

Судьбу завода, как видим, взяли в свои руки сами рабочие в согласии с административной комиссией, которая, несмотря ни на что, выполняла свой долг.

Но выбрать место — это еще не значит получить его на блюдечке с голубой каемочкой.

Началась канительная нервная переписка между начальником завода, Центральным правлением артзаводов, Всероссийской чрезвычайной эвакуационной комиссией, ГАУ, наркоматами путей сообщения и военным делам. И хотя на каждом документе стоят отметки «Срочно!», «Немедленно!», «Принять самые энергичные и крайние меры!», дело буксовало. Пушечные прицелы, угломеры, буссоли и многое другое надобилось вздыбленной стране и производилось только на Орудийном, но хозяйство этой страны, разлаженное внешней и внутренней войнами, не справлялось. Перемещение завода из Нижнего Новгорода в Подлипки, начавшееся в сентябре 1918-го, длилось больше года. Вот только некоторые отголоски того драматического года.

В наркомат путей сообщения:

«Нужно срочно перевезти 400 вагонов артиллерийского груза, прибывшего в Нижний водою. Ввиду наступающего на днях ледостава погрузку в Нижнем барж приходится вести самым энергичным образом, по 50 вагонов в сутки, несмотря на то, что суточная приемная способность завода «Бекос» ограничена 10 вагонами».

Начальнику ГАУ: «Комитет рабочих орудийного завода просит принять решительные меры по эвакуации рабочих с семьями в Москву. Вследствие наступления холодов в летних бараках жить невозможно, теплая одежда на баржах сгнила, люди заболевают массами,

дети умирают, в больнице мест нет. Грузовики завода реквизированы и перевозочных средств нет. Лошади мобилизованы в армию».

Докладная записка отдела труда ЦПАЗ в ГАУ:

«Груз стоит на станции Подлипки на железнодорожных путях в количестве 500 вагонов. Разгружают сами рабочие завода... Работа производится под открытым небом. Одежда не приспособлена... Вес груза в каждом вагоне примерно 800 пудов».

Стачка орудийцев

Нежданно на людей, ослабленных от недоедания и холода, свалилась другая беда — холера.

ГАУ телеграфирует начальнику Орудийного, что заводу ассигновано 5 000 рублей на приобретение дорогостоящих лекарств для борьбы с холерными заболеваниями.

Из Журнала Хозяйственного комитета Петроградского орудийного завода:

«Слушали: Вопрос о порядке разгрузки и размещения эвакуированных грузов завода. Постановили: Теплую одежду дать невозможно, выдать рабочим парусиновые рукавицы и валенки, имеющиеся в наличии (около 200 пар)... Просить об установлении второй смены силовой станции для ночной работы... Устроить ледяную гору для скатывания станков, стоящих на салазках... Устроить соединительное кольцо на подъездной ветке завода, что значительно ускорит разгрузку вагонов...».

Из докладной записки Отдела труда ЦПАЗ в ГАУ:

«В Сорновском затоне задерживается перевалка 150 000 пудов груза Орудийного завода, который находится на баржах. Требуется немедленное освобождение барж от груза, так как они ввиду ветхости не выдержат весеннего разлива».

«В течение 5 дней предлагается разгрузить вагоны, находящиеся на станции Мытищи, под личную ответственность наблюдающих лиц. Виновные в неисполнении сего будут арестованы и привлечены к ответственности».

Правление завода в ЦПАЗ:

«Усиленная разгрузка привела к тому, что имущество завода в значительном количестве разбросано по территории, которая до сих пор не огорожена за неимением теса».

Видимо, в ходе этой тягостной и драматической передислокации завода на одном из собраний рабочие вспомнили о бывшем шлифовщике Петроградского орудийного Михаиле Калинине. Впрочем, имя этого партийного деятеля было тогда на слуху. После Орудийного он руководил парторганизацией Выборгского района и однажды организовал стачку орудийцев; участвовал в создании большевистской газеты «Правда», поработал на заводе «Айваз», год провел в тюрьме и чудом избежал ссылки в Восточную Сибирь... Но всегда и везде умел оставаться деловым, притягивать и располагать к себе людей.

Когда одержал победу Октябрь, этого энергичного и делового партийца тотчас же выбрали в Петроградскую городскую думу, а та сразу же поставила его городским головой. Прямо-таки сбывалось давнишнее пророчество рабочего-орудийца.

Сам В.И. Ленин, рекомендуя его позднее, после смерти Я.М. Свердлова, на пост председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), говорил: «Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс...».

И вот «слои» трудящихся Петроградского орудийного, оказавшись у разбитого войной и революцией «корыта», и решили обратиться за помощью к бывшему шлифовщику, оставившему по себе добрую память, а теперь комиссару всего городского хозяйства Петрограда.

На общем собрании выбрали ходоков — тех, прежде всего, кто работал с Калининым в Орудийном: С.С. Ульянова, К.К. Жукова, Г.П. Емельянова, М.И. Карташова, М.А. Барабанова. И они отправились в Петроград.

История не оставила нам ни картины «Ходоки у М.И. Калинина», ни документального свидетельства о пребывании орудийцев у комиссара петроградского хозяйства, ни того, чем же конкретно обернулся их визит. Наверно, в этой истории, бытующей в среде ветеранов завода, есть элементы мифа. Но даже само рождение такой именно легенды о многом говорит. Оно как бы предвосхищает ту, можно сказать, кровную связь завода с одним из самых достойных памяти большевистских деятелей, которого народ наградил высоким званием «всесоюзного старосты».

Так или иначе, когда ходоки, по легенде, вернулись из Петрограда, начальник завода Семен Яковлевич Нарушевич в телеграмме

от 16 апреля 1919 года сообщил в ЦПАЗ: «Сегодня разгружен последний вагон с Мытищинского узла, после чего ни в Мытищах, ни в Лосиноостровской вагонов Орудийного завода нет ни одного».

Это уже не легенда. Это документ, как и многие из цитируемых, хранится в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

Передислокация завода на этом еще не закончилась, она продолжалась до октября. В Подлипки прибыли 795 вагонов и груз с 54 барж, доставленный водным путем до Коломны и перегруженный затем в железнодорожные вагоны.

Как видим, в борьбе со стихией, разрухой и революционными крайностями у заводчан не в чести были лозунговые партийные клички: большевик, эсер, меньшевик, кадет. Здесь не в противостоянии, а во взаимодействии вызревал костяк и нарабатывались мускулы новой категории трудящихся. Ей был тесен и неудобен пресловутый термин «класс», ибо эта категория вбирала в себя лучших представителей всех без исключения классов общества. Не составляет труда вывести основные ее принципы: честный творческий самодостаточный труд на благо семьи и всего народа. Ей чужда была иждивенческая психология люмпен-пролетария, но не вписывались в ее нравственные понятия и собственнические устремления новоявленных Крезов, несправедливо добывающих свои капиталы.

Вся послереволюционная история Завода им. Калинина, начиная с драматического эпизода, рассказанного фрезеровщиком Есауловым, зиждется, как мы увидим, на торжестве и единении этой внеклассовой категории трудящихся.

24 июня 1919 года Петроградский орудийный завод был переименован в Московский орудийный. В подмосковном поселке Подлипки началась вторая трудная и славная жизнь пасынка Литейного проспекта.

С.С. Ульянов (слева) рассказывает об эвакуации завода

Случайная встреча

*«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга:
как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга.
По тому узнают все, что вы мои ученики,
если будете иметь любовь между собою.*

*Евангелие от Иоанна
13: 34-35*

В 2005 году по работе мне частенько приходилось ездить в Верхотурье. Бывало, долго сидела на вокзале. Электрички и поезда здесь ходят не часто — крупные города далеко и пассажиров мало.

Вот и в тот день пришлось коротать время на маленьком, тихом верхотурском вокзале. Стоял июньский полдень. На скамейку, где я сидела в ожидании электрички, присела женщина лет пятидесяти. Приятной внешности и светлая. Светлые волосы, светлая куртка-ветровка, и сама она вся была такая же «светлая». При взгляде на нее чувствовалась какая-то чистота, умиротворенность, легкость. Она словно светилась изнутри мягким теплом.

Мы познакомились, разговорились. Она была из Перми. Приезжала поклониться «святым мощам». Запомнился тот теплый солнечный день и история, рассказанная мне случайной знакомой. История была такой же «светлой», как и она сама.

Вначале у нее было все, как у всех. Любимая работа, любимый заботливый муж, взрослый сын. И вот как будто кто сглазил, все пошло наперекосяк. Муж нашел другую. Она держала его, как могла: закатывала истерики, следила, умоляла вернуться. Он то уходил к «той», то возвращался в семью. Целый год продолжался этот кошмар. Сын стал плохо учиться в школе. Без мужа был свет не мил, и с ним уже жизни не было. После долгих переживаний она попала в больницу: хотела наложить на себя руки.

Я посмотрела на женщину, ожидая увидеть слезы... Нет — она улыбалась! Спокойно, безмятежно, покорно и задумчиво... Глядя перед собой в пустоту бездонного неба. Наверняка она смотрела в свое прошлое.

Прилетели два голубя, и моя новая знакомая стала крошить им булку. Птицы были не из пугливых, их, видно, частенько здесь прикармливали. Они ненадолго отвлекли мою новую знакомую от разговора. Мы сидели, наблюдали за птицами и нежились в ласковых лучах еще высоко стоящего солнца, которое так редко бывает щедрым на свое тепло здесь, на Среднем Урале. Я откинулась на спинку скамейки и прикрыла глаза от удовольствия, а моя собеседница тем временем неспешно продолжала свой рассказ.

В больнице она провалялась два месяца. Муж к ней не ходил, только передавал цветы, продукты и все необходимое для лечения. Сын навещал каждый день. Вначале он плакал у ее изголовья, потом, когда она окрепла и начала поправляться, приходил и сидел молча. Она задавала ему обычные дежурные вопросы: что кушал сегодня, как дела в школе, не течет ли труба в ванной? Он так же дежурно отвечал — отчитывался о прожитом дне.

Однажды в один из тех дней сын взял ее за руку, и они по-настоящему разговорились. Это был их первый серьезный, взрослый разговор. Разговор по душам. Долго они сидели в тот вечер, откровенничали, строили планы на будущее, мечтали. Она даже впервые после нервного срыва тогда рассмеялась. Сын рассказал ей про девочку, с которой дружит, о своей мечте поступить на факультет мировой экономики. Неожиданно для себя она

Людмила Путимцева по образованию библиотекарь. До 1990 года была внештатным сотрудником областной газеты «На смену!», районной «Знамя Ленина». Сотрудничала также в районной газете «Обозрение», газете Верхотурского уезда «Новая жизнь», журнале «Уральский следопыт». Живет в г. Новая Ляля Свердловской области.

заметила, что сын ничего не говорит об отце, да и она, оказывается, в своих мыслях давно от мужа отказалась, лишь боялась признаться себе в этом. Она думала о сыне, пожилых родителях, которых все собиралась навестить, да не могла выбрать время. Стыд-то какой!

«Красивый он у меня, взрослый уже совсем», — смотрела она на своего мальчика с умилением, нежностью и вспоминала, какой он был смешной и забавный в детстве. «Родной мой, кровиночка моя! Вот о ком нужно думать и заботиться! Выйду из больницы, все будет по-другому», — твердо решила она. В самом деле, сын все эти годы оставался как бы в стороне. Они с мужем строили свои отношения, занимались дачей, пропадали на работе. Как вырос сын — не заметили. Он вырос — они старели. Годы утекали.

Тот памятный разговор многое изменил и прояснил в ее жизни. Собственно, и сама жизнь разделилась после него на «до» и «после».

Вернувшись домой, они с сыном затеяли ремонт в квартире. По утрам она убегала на работу, вечерами окуналась в повседневные дела по дому. Выходные проводили с сыном на даче, благо, началась весна и забот было невпроворот. Навещали ее стареньких родителей, чему те были несказанно рады. О муже старалась не думать, сын о нем тоже никогда не говорил. Все встало на свои места. В этот раз они расстались насовсем, спокойно и без надрыва. Но, несмотря ни на что, остались родными людьми. Развода он не просил, да и ей это было не важно. На имущество не претендовал, и ей все казалось мелочным и ненужным.

— Он был порядочным человеком. За все двадцать лет я не слышала от него ни одного грубого слова. Всегда заботливый, внимательный, ласковый. Думаю, расстаться со мной ему самому далось с трудом, — продолжала она рассказывать о пережитом. — Впрочем, такой же внимательный, ласковый он был и к другим. Я и раньше видела это, но старалась не замечать, не усложнять ничего, — призналась она.

Говорила тихо, почти шепотом. Было ощущение, что весь этот разговор, эти слова признания сказаны не для меня, а просто вслух. А я — случайный свидетель чужих, отболевших чувств и страстей.

Из ее жизни он ушел совсем. Они не созванивались и не встречались. У сына с отцом сохранились хорошие, дружеские отношения. Она была этому рада, но думала обо всем отстраненно, как о само собой разумеющемся, ее не касающемся. У него теперь своя жизнь, у нее — своя. Просто мальчику нужен отец.

Все же иногда память предательски возвращала ей картины из «их» прошлого: вот он смеется, вот делает с сыном уроки, вот его сильные руки уверенно держат руль. Она помнила форму его

рук, форму каждого пальца. На мизинце он всегда оставлял длинный ноготь, заботливо выравнивал его пилочкой. Когда его спрашивали, зачем он ему? Он отвечал то ли в шутку, то ли всерьез:

— А мало ли, что где открыть. Пригодится!

До сих пор, обжаривая вермишель, она старалась, чтобы до румяной корочки — как любил он. Может, за эти причуды, за эти слабости она и любила его? По крайней мере, она до сих пор не знала никого, кто бы мог его заменить. При этих воспоминаниях сердце начинало ныть, как незаживающая рана. Они приходили внезапно, и она тут же отбрасывала их. Старалась быть сильной женщиной. Со временем эти картины приходили все реже и реже. Она была этому только рада. Время лечит.

Рядом был любимый сын. Он стал серьезным и совсем взрослым. Разговоров по душам больше не было, но его забота чувствовалась во всем. Если задерживался где-нибудь надолго, то звонил, чтобы не переживала. Всегда сам, без напоминаний покупал продукты, готовил, как умел. Отлично сдал экзамены в школе. В аттестате у него было всего две четверки. Сын стал для нее единственной радостью и надеждой.

Тогда же подруга впервые привела ее в храм. Это стало для нее настоящим открытием. Они ходили туда по воскресеньям. Каждый раз видела, как сотни людей, таких же, как она, приходили, молились, ставили свечи, выходили на улицу, смешивались с толпой, приходили другие... Были среди них такие, у которых все пальцы унизаны толстыми перстнями с бриллиантами чистой воды. Приезжали они на дорогих джипах, упакованные в кожу и меха. Одного такого богомольца сопровождали по пять молодчиков с косой саженью в плечах. Но больше встречала людей простых, скромно одетых. Бабулек — божьих одуванчиков, калек, нищих на ступенях у входа. В Церкви было тихо и покойно. Под сводами Храма все равны. Все братья и сестры. Каждый просил о своем, и всем — старым и молодым, бедным и богатым, красавцам и уродам — бог дарил свою Любовь и прощение, надежду и силы.

Размеренно и торжественно, вдали от мирской суеты проходили службы. Это умиротворение передавалось и ей. Она стала чаще задумываться о смысле жизни, о сути любви к мужчине, к детям, ко всему живому, что окружало ее. «Наша жизнь — игрушка в руках слепого, могучего рока по имени Бог. А может быть, он и правда все видит, и все эти испытания предназначены нам свыше?» — думала она. Постепенно ушла злость, ненависть, боль. Все то, что как заноза еще сидело в глубине души и не давало покоя. Осталась только Любовь. Теперь только она поселилась в ее душе — всепрощающая и всемогущая.

И вот три года назад, когда все уже налажилось, случилось непоправимое. Муж и сын по-

гибли в автокатастрофе. Это было Горе. Всепоглощающее и кровожадное, оно никак не хотело отпускать ее, не насытившись, не отобрав у нее последнее, что еще оставалось, что давало силы жить. Ледяные, черные дни сковали ее волю, пошатнули веру.

Женщина опять замолчала на несколько минут. Голуби, которые все это время бегали под ногами, встали рядышком, глядя на нас своими черными глазами-бусинками, и примолкли, словно внимая и сочувствуя ее горю.

— Это Господь послал мне очередное испытание, — продолжала она дальше так же неторопливо и задумчиво. — На все божья воля. Бог дал, Бог взял. Я смиренно приняла это. Отревела, отмолчилась и поняла: в ком живет Любовь, с тем и Бог. «Бог есть Любовь». Я осталась здесь, в этом мире, чтобы любить их, помнить о них, молиться за спасение их душ. В церкви, глядя на образа, я вижу Любовь. Я молюсь Ей. Что может быть сильнее и прекрасней Ее? Никто не может предложить человеку большего взамен Ее. Любовь — это святое.

С его новой женой — мы теперь родные, равные. Обе любим их и помним. Вместе ходим в церковь, на могилки, в театр. Помогаем друг другу, чем можем, поддерживаем. Она и в самом деле его сильно любила. Хорошая женщина, молодая еще совсем. Четыре года прошло, а она все одна. Не может его забыть. Работает в школе, преподает английский. С головой ушла в работу. Водит детей на экскурсии, набрала репетиторства.

Теперь моя случайная собеседница молчала. Только задумчиво улыбаясь краешками губ, смотрела то на птиц, то в голубую даль неба перед собой. Ломала булку и бросала птицам на асфальт.

Мы сидели в полной тишине. От рассказа новой знакомой накатило умиротворение и какая-то светлая и легкая печаль. Забылись все проблемы. Да и были ли они у меня?

Вокруг никого — типичное уральское захолустье. Безлюдный пустой вокзал. Мы — в маленьком скверике, разбитом вокруг обелиска павшим в годы Великой Отечественной войны. Он представляет собой уменьшенную копию русского солдата Алеши в Болгарии. В центре тянется заросшая высокой травой клумба. Вперемешку кое-где видны толстые стебли каких-то цветов. Похоже, это Тигровые лилии. Бутоны этих непривередливых многолетников еще не распустились, и оставалось только догадываться, где трава, а где цветы. Клумба обложена кирпичами. Беленные свежей известью, они празднично светятся на фоне зелени. Невысокая чугунная оградка поблескивает черным лаком. Лето только началось. Все свежо и чисто после весеннего ремонта. Здание вокзала, недавно отреставрированное, словно сказочный терем сверкает на солнце своим новеньким серебристым куполом. Оно напоминает Крестовозд-

виженский храм на территории Николаевского мужского монастыря в Верхотурье, где хранятся нетленные мощи Святого Симеона Праведного Чудотворца. Его икона есть в Иерусалиме. Городок сохранился до наших дней и известен благодаря этой сокровищнице. Тысячи паломников и туристов едут сюда со всех концов земли, чтобы прикоснуться к ней в надежде на исцеление от хворей души и тела так же, как эта женщина — моя случайная знакомая.

Уходят годы, уходят люди. Остаются дома, монастыри — памятники прошлого. Мы остаемся только в памяти тех, кто нас когда-то любил... А может, и не мы остаемся, а Любовь?! Это она продолжает жить и заставляет стучать сердце.

Мои размышления прервал голос новой знакомой:

— Смотри-ка, какой жадина!

Оказывается, голуби были вдалеке от моих рассуждений, их волновали дела вполне прозаические.

Я присмотрелась: одна птица была помельче и сизая, другая почти черная и крупная. Как у людей — мужик толстый и пузатый, а женщина стройная и изящная. К тому же, голубка была скромная и застенчивая. Словно воспитанная леди!

Когда падал большой кусок — первым подбегал голубь. Он бросался на него как одержимый: клевал, стучал клювом об асфальт... Голубка подходила неуверенно, словно просила у него. Он прогонял ее и даже клевал. Бросался так агрессивно! «Как собака!» — невольно подумала я и усмехнулась.

Если женщина бросала кусок голубке, самец тут же налетал на нее и отгонял. Та покорно отбегала, махая крыльями. Наверное, она так и осталась голодной.

Когда кончились крошки, птицы мирно потоптались еще, собирая последнее. Потом дружно взмыли и полетели.

Мы проводили их взглядом...

Они летели рядом, парочкой. Покружили над сверкающей на солнце крышей вокзала, у топей... И скрылись из виду.

Вскоре мы опять увидели их, а вернее услышали. Голуби сидели под крышей, на резном выступе, рядышком и ворковали...

И здесь Любовь! Любовь была всюду! Она висела в теплом, густом воздухе, наполненном запахом лета, почти осязаемо, окутывая нас и все, что было вокруг — весь Мир — словно огромное пуховое одеяло, и грела своим мягким, нежным теплом, как ласковые руки матери в далеком детстве. День тот был светлым и радостным. Об этом и пели птицы в высоте.

Уже сквозь многие годы вспоминается мне та случайная встреча. Может, и не случайной она была вовсе?

Пивная история с соболями

В начале XVIII века Урал называли Сибирью. На его металле ставили клеймо с изображением бегущего зверька и буквой «С» под ним, что означало «Сибирь». В середине 1730-х годов все уральские заводы ставили клейма на своем железе. У некоторых владельцев на клеймах появились буквы «ст.с.», что означало «статский советник».

При Советской власти стали говорить, что клеймо с буквой «С» означает «соболь», а буквы «ст.с.» — «старый соболь». Уральский металл был хорошего качества и никак не ассоциировался со старым сободем. В 2004 году в Екатеринбурге вышла книга Н. Корепанова и Рукоусева «Клейма уральских заводов XVIII — XIX вв.», в которой, естественно, отсутствуют клейма с расшифровкой «старый соболь».

В Нижнем Тагиле в 1990-х годах производилось пиво «Старый соболь», но после выхода книги «Клейма уральских заводов XVIII — XIX вв.» пиво переименовали в «Соболек». Сейчас на пивной этикетке читаем текст: «Насыщенное сочетание солодового аромата и легкого винного привкуса. «Соболь» — марка стали высшей категории качества. Только высококачественная сталь, выплавляемая на заводах Демидовых, помечалась клеймом с изображением соболя».

Во всех странах мира есть коллекционеры пивных этикеток. Как почтовые марки с разной надписью или цветом, одинаковые пивные этикетки отличаются разнообразием. В последнее время обмен ведется сто на сто. Вам присылают сто разных пивных этикеток. Вы откладываете для себя нужные экземпляры, добавляете из своего обмена недостающее количество этикеток до ста штук и отправляете другому коллекционеру.

Пивные этикетки «Старый соболь» сейчас уже большая редкость.

В Интернете на сайте www.molotok.ru проводится аукцион по продаже пивных этикеток. Продаются по одной, две, три, двадцать семь, пятьдесят четыре, по сто восемь и т.д. этикеток. Иногда выставляются на продажу и целые коллекции.

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Фотографии предоставлены автором

Прокати нас, Петруша...

Удивительная штука — история. Порой она открывает нам свои тайны с такой стороны, о которой мы никогда бы не узнали, не смени история ход своих событий.

*По дороге неровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути!
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати!*

Рождение мифа

Нынешней молодежи слова этой песни, так же, впрочем, как имя ее героя Петра Дьякова, ни о чем не говорят. А между тем на истории, отзвуком которой она стала, воспитывалось не одно поколение советских людей. Слова «огненный тракторист», так же, как «Павлик Морозов», стали нарицательными — они символизировали тяжелую, кровавую борьбу нарождающегося передового колхозного строя с косностью и враждебностью умирающего частнособственнического крестьянского хозяйства, олицетворением которого было так называемое кулачество.

...Обратиться к этой давней истории меня заставили случайно попавшие в мои руки воспоминания бывшей работницы комбината хлебопродуктов поселка Голышманово Тюменской области Евдокии Гавриловны Тюстиной: «Шофером у нас, — писала она, — был Дьяков Петр Егорович». Уж не тот ли «огненный тракторист»?!

Но... начнем сначала. В ночь на 2 июля 1929 года на 17-летнего комсомольца Петра Дьякова, работавшего в поле на тракторе, напали кулаки, жестоко избили, облили керосином и подожгли. Во всяком случае, такова первоначальная версия этого исторического события.

А известной она стала благодаря жительнице Усть-Ламенки Вере Соловьевой, которая в то время работала райорганизатором среди женщин и была членом бюро Усть-Ламенского райкома партии. Это она спустя неделю (!) после «кулацкого нападения» — 8 июля 1929 года — сообщила

о нем в Ишимский окружком комсомола: «В ночь на 2 июля в Растегаевской коммуне «Новый путь» на комсомольца Дьякова Петра, работавшего на тракторе в поле, налетела шайка бандитов. Дьякова раздели, облили керосином и подожгли...».

Зачем сообщила? Вопрос риторический. С местным кулачеством давно нужно было расправиться, а тут такой повод...

П. Е. Дьяков

Но запомните эту фамилию – Соловьева. Она еще не раз встретится нам впереди.

История попала на страницы местной газеты и была растиражирована центральными изданиями. Замечу: ни одна газета, включая уважаемую «Комсомолку», на страницах которой появилась первая заметка под названием «Огненный тракторист», не удосужилась направить в Сибирь корреспондента – не то, чтобы проверить, а хотя бы уточнить факты. Может, тогда миф о Петруше не родился бы на свет... А пока читатели всего Советского Союза рыдали вот над этими словами из газеты: «Нет, это не преувеличение. Тракторист Петр Дьяков в самом настоящем смысле слова был трактористом, который пылал на работе огнем энтузиазма и который мученически сгорел у своего трактора».

По всей стране прокатились возмущенные собрания молодежи! А поэт Иван Молчанов написал стихотворение, посвященное зверски убитому комсомольцу.

Тюменский писатель Борис Галязимов вспоминал: «В 1970-м году судьба свела меня с Иваном Молчановым, как раз с тем поэтом, которому принадлежали слова песни «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Опираясь на массивную трость и попыхивая трубкой, он мне рассказывал: «Прочитав сообщение газеты, я искренне поверил, что Петр Дьяков погиб. Эта история так потрясла меня, что я даже всплакнул. Тут же сел за стол и на одном дыхании написал такие строчки:

*Поле, поле, что ж ты замолчало?
Жарко, что ль, от страшного костра?
На заре на утренней не стало
Комсомольца Дьякова Петра.*

Кстати, первым, кто еще в рукописи читал стихи, был Владимир Маяковский. Спустя какое-то время я был вновь потрясен, узнав, что Петр Дьяков жив».

После того, как стихотворение услышал Сталин, новоявленный коммунистический мученик Петр Дьяков стал героем движения за торжество колхозного строя, а имя его оказалось начертанным на знаменах, под которыми партия повела наступление на крестьянство.

А был ли комсомолец?

Петр Егорович Дьяков родился 4 января 1912 года в селе Усть-Ламенском Голышмановского района Тюменской области – название этой маленькой сибирской деревеньки, благодаря песне и вездесущим журналистам, мгновенно стало известно всей стране. (Кстати, небольшая заправка для будущих исследователей: в 2009 году директор Голышмановского краеведческого музея сделала запрос в ГАТО (Государственный архив Тюменской области) с тем, чтобы уточнить дату рождения Петра Егоровича Дьякова. И оказалось, что в период с 1910 по 1914 год ребенок с таким именем не был зарегистрирован в метрических книгах Косью-Дамиановской церкви села Усть-Ламенки. Как такое могло случиться?).

В общем, место жительства – это, пожалуй, вся правда. Остальное – ложь испуганной мальчишки, усилиями пропагандистской машины превращенная в практически неуничтожимый временем миф.

Давайте обратимся к воспоминаниям, которые оставил сам Петр Егорович Дьяков и которые сохранились в архиве Голышмановского районного краеведческого музея.

«Весной 1928 года усть-ламенская беднота решила организовать коммуну. В числе первых десяти семей, вступивших в нее, была и наша семья.

Коммуну решили основать на новом месте. Помню сход, на котором решался вопрос о выделении нам земли. «Дать им самые плохие земли, все равно голодранцы загубят», – надрываясь, кричали кулаки. К радости коммунаров, было выделено 200 га самой лучшей земли, бывшей церковной. Первые дни коллективного труда с шутками, со смехом раскатывали мы свои дома в деревне, перевозили на новое место и ставили их там креп-

П. Е. Дьяков (слева)

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ		ПЕРЕДАЧА:		СОТРЕТ ОДНА ТЫСЯЧА ШЕСТЬСОТ	
го	ч.	м.	го	ч.	м.
Бл. № 94		№ связи		ГОЛЫШМАНОВО ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	
Принял:		Передал:		ОГНЕННОМУ ТРАКТОРИСТУ	

ТЮМЕНИ МОС55/81 МОСКВЫ 55/709 ДЬЯКОВУ ПЕТРУ ЕГОРОВИЧ-

Служебн. 40 13 1330-
отметки:

ДОРОГОЙ ПЕТР ЕГОРОВИЧ НА ДНЯХ МЫ НАПЕЧАТАЕМ ОЧЕРК О ТОМ
КАК БЫЛА СОЗДАНА ПЕСНЯ МОСЧАНОВА ПРОКАТИ НАС ПЕТРУША НА
ТРАКТОРЕ ТЧК ОЧЕНЬ ПРОСИМ ПРИСЛАТЬ ТЕЛЕГРАММУ ВАШИМИ
ГОЛЫШАНИИ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ ЗАТРАШНИИ ТРАКТОРИСТАМ

Приветственная телеграмма П.Е. Дьякову

Цифры, указанные после наименования пункта, означают: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмма от-
правлена: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмма от-
правлена: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмма от-
правлена: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмма от-

РЕКА ВРЕМЕНИ

ко и основательно. Сообща пахали, сеяли, заготовляли на зиму сено.

С утра до ночи, не зная усталости, работали мы на полях в поселке, успевали готовить концерты, обучали стариков грамоте. Сами по вечерам учились в политшколе. Потом, когда коммуна пошла в гору, прибавилось еще у нас обязанностей. Осенью мы собрали хороший урожай, коммуна окрепла, надежда кулаков на то, что она распадется, провалилась, лопнула. От угроз они перешли к действиям, приходилось нам по ночам брать в руки винтовки и охранять свое имущество.

В коммуну поверили, пошли к нам крестьяне других деревень. Крепла коммуна, росла злоба кулаков. Особенно усилилась она после того, как мы отобрали у них трактор...».

На этом остановимся и поговорим немного о тракторе. В 1981 году в газете «Тюменская правда» была опубликована большая статья А. Быкова «У этой песни строй особый», посвященная Петру Дьякову. В отличие от своих коллег, за полвека до того поверивших в историю «огненного тракториста», что называется «на слово», А. Быков в Голышманово съездил, благо, по нашим меркам, 300 километров — не расстояние, и с будущим героем своей статьи повидался. А это значит, что рассказ Петра Егоровича записан с его собственных слов и не является досужей выдумкой журналиста. Вот что вспоминал Дьяков: «В соседней деревне

Оськино кулаки захотели к новым порядкам «приспособиться» — организовали товарищество по обработке земли. Кулацкое, конечно, товарищество. ... Кони, свиньи, овцы — весь скот породистый. Трактор «Фордзон» купили. А механика специально выписали, с Украины приехал. Избушку ему дали, землю: только работой на хозяев.

Нам тот трактор Совет решил передать. Еще больше обозлились кулаки, но куда им деваться, надо отдавать. «Антихристы, кричали, не троньте «наше добро»».

Получается странная картина: если коллективное хозяйство — или товарищество — создают бедняки, это хорошо. Если же — крепкие хозяева, кулаки, которым, чтобы уцелеть, нужно хоть как-то вписаться в новые условия, — все равно враги, и разговор с ними короткий: отнять и поделить.

Но продолжим цитировать воспоминания П. Дьякова.

«... Пятерых посылали за трактором. Гладков (тот самый механик, выписанный с Украины) его повел, а мы кто на подножке, кто на крыльях устроились. Когда приехали в коммуны, все высыпали на улицу железного коня смотреть. Подходят, щупают, что за железо. Гладков заведет мотор — разбегаются в разные стороны: шуму боялись».

За 20 лет до появления статьи тюменского журналиста — в 1962 году, в газете «Вечерний Ленинград» — была озвучена совсем другая история по-

явления трактора в коммуне. И, между прочим, тоже со слов Петра Егоровича Дьякова, который приехал в город на Неве вместе с поэтом Иваном Молчановым для участия в очередном съезде не то механизаторов, не то сельских комсомольцев: «Первым делом коммунары постановили отобрать трактор у местных кулаков. Но те разобрали его по частям и зарыли в землю, а комсомольцам сказали, что «Фордзон» свой продали. Дьяков сразу понял обман.

— Ройте лопатами, — сказал он товарищам. — Кто больше частей найдет, тому быть трактористом».

Ничего, кроме вполне понятной иронии, эта картина не вызывает и вызвать не может. «Фордзон» — все-таки не детский конструктор, чтобы в условиях деревни разобрать его по частям... И потом — для того, чтобы откапывать, надо хотя бы приблизительно место знать... Кулаки сами его шустрим комсомольцам показали? И какой же дошлый оказался 17-летний комсомолец Петя! Взрослых мужиков перехитрил!

Но если бы нестыковка была только в этом. Разнятся подробности и самого ночного (или предутреннего?) нападения на тракториста.

Если вы помните, Вера Соловьева написала в Ишим: «Дьякова раздели, облили керосином и подожгли...».

В 1962 году Ю. Киселев в газете «Вечерний Ленинград» со слов П. Дьякова вновь пишет: «Озверелые бандиты стащили его с трактора, стали бить сапогами и железными прутьями.

— В голову его, насмерть! — кричал чей-то хриплый голос.

Затем кулаки облили Дьякова керосином и подожгли».

А вот голышмановская газета «Ленинец» середины 60-х, автор — ответсек газеты В. Васильев: «Дьякова сшибли с ног. Раздели, избили и подожгли. Ярким факелом пылал тракторист-комсомолец, освещая колосившиеся поля коммуны».

Представьте себе этот жуткий живой факел в ночи... На десятки километров вокруг — никого. Только бандиты — между прочим, односельчане, со злобным торжеством наблюдающие, как горит заживо семнадцатилетний мальчик...

И все-таки он выжил. Железный трактор, между прочим, сгорел, а он выжил... Трудно поверить, но даже если и так...

Ну, давайте же будем реалистами! Кулаки пришли (если пришли), чтобы убить. Глупо, сделав то, что они сделали, если верить всем выше процитированным источникам, оставлять в живых свою жертву. Это же расстрельная статья! Глупо не добить, не убедиться в том, что мальчишка мертв. Тем более, если прозвучали слова: насмерть! Это первое.

Второе. Не надо быть врачом, чтобы не понимать: если человек горит факелом, то шансов выжить у него нет!

А теперь представим: 29-й год. Сибирское бездорожье. В деревне — только фельдшерско-акушерский пункт. До райцентра, а, значит, до ближайшей больницы, — несколько десятков километров. Да и это не ожоговый центр. Ближайший город — Тюмень — в трехстах километрах... На телеге — как минимум, несколько дней, а то и недель пути. И давайте же смотреть правде в глаза: если даже предположить, что выживший в огне Петр Дьяков сумел добраться до родной деревни, — ну, кто бы повез его в Тюмень?..

Но все меняется, если предположить, что ожоги не были столь уж тяжелыми. Если они вообще были... Так же, как и избивание.

Вновь обратимся к воспоминаниям самого Петра Егоровича. В них он пытается объяснить, как же ему удалось выжить. И вот что получается:

«Вскоре ночью, когда я поднимал пары, напали на меня кулаки, содрали они с меня одежду, подожгли ее и стали жечь меня факелом.

В ту ночь, когда кулаки пытались меня убить, я действительно был на волоске от смерти. Обожженный, избитый, я потерял сознание (выделено мной. — О. О.) и очнулся только утром от холодной росы. Идти я не мог, полз домой по холодной и вязкой борозде».

Жечь факелом и пылать факелом — согласитесь, немного разные вещи. Это во-первых. А во-вторых: что значит — пытались убить? Почему же не убили? Препятствий к этому не было никаких. А вот оставлять в живых, повторяюсь, никакого резона: так и так уголовная статья.

А вот теперь снова обратимся к запискам писателя Бориса Галязимова, который в голышмановском музее не был и воспоминания Петра Дьякова в руках не держал: «Дьяков приходил в гости к пионерам и начинал рассказ о своем подвиге заученными словами:

— Вас, конечно, удивит то, что в стихах Ивана Молчанова я убит, а на самом деле я жив. В ту ночь, когда кулаки пытались меня убить, я был действительно на волосок от смерти. Обожженный и избитый, я потерял сознание...»

Обратите внимание на выделенные строчки. Такое впечатление, что однажды они были написаны, возможно, под чью-то диктовку, и выучены наизусть. Чтобы не путался. Чтобы никому не дал повода усомниться в правдоподобности мифа, который живет самостоятельной жизнью вот уже во семьдесят лет.

Все тайное становится явным

Но как же все обстояло в действительности? Неужели мы так никогда и не узнаем правды? Но вот тут Петру Дьякову не повезло. Есть в нашей стране рукописи, которые не горят. И хранятся они в таких надежных местах, что при всем желании уничтожить их невозможно.

Дело о нападении на тракториста и поджоге трактора дошло до суда. Но при всей нелюбви Советской власти к кулацким элементам благополучно развалилось. Вот что пишет в статье «Огненный тракторист» (альманах «Коркина слобода», №5, 2003 год) бывший полковник ФСБ, а ныне писатель-краевед Александр Петрушин: «По уголовному законодательству РСФСР, принятому ВЦИК в 1926 году, злодеям должны были вменить статью 58-8 – совершение террористического акта. Дела такой категории хранятся в архивах КГБ вечно. Но тут произошла осечка...». Оказалось, что фамилии кулаков, напавших на Петра Дьякова, неизвестны. А на нет – и суда нет. То есть «дела». Обратите внимание: нигде, ни разу, ни в одном интервью, ни даже в своих воспоминаниях, Петр Егорович не называет фамилии кулаков. Не видел?

Не узнал? Забыл? Сомнительно... А, может, просто некого было называть?

И все-таки Александру Петрушину удалось выйти на след таинственных «преступников». По словам самого Дьякова, произнесенных им лишь однажды – во время одной из встреч с партийными руководителями (это подлинная информация, поскольку стенограмму встречи А. Петрушину удалось найти в архиве Тюменского обкома КПСС), «это были кулаки Герасимовы, Мельниковы, Родионовы». Дальнейший поиск был делом техники. Вот тут-то и выяснилось, что суд над мнимыми злодеями все-таки состоялся: «О покушении на тракториста Дьякова дело рассматривалось окрсудом г. Ишима и за недоказанностью прекращено, а подозреваемые находятся на свободе». Сохранились и показания одного из главных свидетелей по делу – Григория Анисимовича Митрофанова, председателя усть-ламенской коммуны «Новый путь»: «Дело о покушении на жизнь тракториста коммуны «Новый путь» Дьякова Петра, по которому подозревались Герасимов Петр Егорович, Герасимов Алексей Иванович, Мельников Иван Семенович, Хамов Иван Михайлович, Родионов Павел Абрамович, Мельников Федор Алексеевич, прекращено за составом преступления, так как по ходу дела установлено, что Дьяков симулировал. Благодаря своей неопытности, при смотре керосина посредством освещения в резервуар спичкой, произошла вспышка, которая бросилась на его одежду с последствием ожога тела. Это выявилось на суде, где Дьяков в показаниях спутался и не смог подтвердить свои подозрения».

Вот так в действительности обстояло дело. 17-летний парен испугался, что его обвинят в умышленной порче коммунарского трактора, кстати, конфискованного у Мельниковых, и предпочел свалить свою вину на других.

Дьяков с поэтом Иваном Молчановым

Но Советской власти правда была не нужна. Ей нужны были мученики, прикрываясь которыми, как иконами, она могла бы продолжить борьбу с российским крестьянством.

Но возникает вполне закономерный вопрос: почему, зная, что обвинения с его псевдообидчиков давно сняты, Дьяков не побоялся всего однажды, но все же озвучить их имена? Все очень просто. Год спустя после описанных выше событий все эти люди проходили в числе тридцати шести обвиняемых по делу о подготовке к вооруженному восстанию против Советской власти... Кстати, одним из пунктов обвинения Герасимовых, Мельниковых и Родионова вновь стало мифическое избиение тракториста-комсомольца... За несуществующую вину одни были расстреляны, другие — отправлены в лагеря, третьи — сосланы и умерли далеко от родных краев. Некому было призвать к ответу «огненного тракториста».

Дьякову повезло больше. В 1931 году он уехал из родной деревни на Магнитку. О причинах этого отъезда или бегства, кому как больше нравится, можно только догадываться. Есть люди, которые считают, что тракторист опасался мести со стороны родных тех самых крестьян, которых он подвел под расстрельную статью. Да и в глаза односельчанам стыдно было смотреть. А вот версия Петра Матвеевича Соловьева, жителя Усть-Ламенки и мужа той самой Веры Соловьевой, оповестившей мир о подвиге (хотя — какой там подвиг?) тракториста: «... А не каждый мог оставить тогда отца, мать, братьев, деревню и поехать в неведомую степь. Но страна позвала — и Дьяков поехал». Между прочим, Петр Матвеевич — старый боец за Советскую власть, в 20-е годы был командиром продотряда, ему обманщиков, вроде Дьякова, казалось бы, покрывать ни к чему.

Живее всех живых

А Петр Дьяков прошел Великую Отечественную — ушел, по его словам, добровольцем: «Где народ — там и я». Всю войну провел за баранкой «полуторки». Он и сам говорил: «Мне повезло».

Вернулся, работал в поселке Голышманово на комбинате хлебопродуктов, пережил еще две волны интереса к своей скромной персоне — в пятидесятые, в эпоху освоения целины, когда стране требовалось вспомнить о героях коллективизации, и в семидесятые, когда Л. И. Брежнев написал о нем в своей книге «Воспоминания. Жизнь по заводскому гудку».

Парадокс состоял в том, что никто не удивился внезапному воскрешению комсомольца, о гибели которого писали все газеты Советского Союза. Никто ни разу не задался вопросом: а как он выжил? И почему об этом «чуде» никто не знал в течение двух с лишним десятилетий? Но что произошло, то произошло. «Огненный тракторист»

воскрес, и снежный ком мифологизации покатился все дальше и дальше.

В 1962 году Петру Егоровичу Дьякову вручили орден Ленина за целинный хлеб, хотя на целине он не был... А в 1982-м — орден Октябрьской революции: «за проявленную самоотверженность в период коллективизации сельского хозяйства, трудовую и воинскую доблесть и в связи с семидесятилетием со дня рождения...». Герой, которого не было, спустя пятьдесят с лишним лет продолжал получать награды за подвиг, которого не совершал.

Скромному, ничем не приметному жителю Голышманово приходили тысячи писем, его приглашали на собрания и слеты, ему клялись быть такими же непримиримыми и стойкими, как он, в борьбе с врагами Советской власти... В начале 60-х все тот же поэт Иван Молчанов написал поэму о «Судьбе тракториста». Имя его вошло в историю.

В Голышмановском краеведческом музее хранится интересный экспонат: телеграмма на имя Дьякова, отправленная из Москвы, из редакции журнала «Молодой колхозник», как в свое время письмо чеховского Ваньки Жукова — на деревню дедушке: в строке, где должен быть адрес, написано «Голышманово... Огненному трактористу Петру Дьякову...». И дошла ведь! Почтальоны знали, куда доставить телеграмму.

Есть в музейной папке с надписью «О Петре Дьякове» и письмо композитора Ильи Борисовича Горина, автора песни на стихи Ивана Молчанова, которую несколько десятилетий пела молодежь Советского Союза. Не могу удержаться и не привести его: «В Ишимском округе, во время ночной вспашки, кулаки напали на тракториста-комсомольца Петра Дьякова, облили его керосином и сожгли».

Этой фразой заканчивалось предисловие к поэме Ивана Молчанова «Петр Дьяков», которую показывал эстрадный театр Ивановского пролеткульта в сезоне 1929–30 годов. Не менее полутора раза я лично сыграл на рояле написанную мною музыку, сопровождавшую всю поэму, в том числе и ставшую вскоре популярной по всей стране песню «Прокати нас, Петруша, на тракторе».

Эта песня была мне дорога своей задушевностью, и, как бывает в таких случаях, я не думал об издании ее. А когда товарищи напомнили мне, что песня до сих пор не напечатана — было уже поздно: МУЗГИЗ в 1934 году считал, что тема о борьбе с кулачеством уже вопрос прошлого. Так песня и гуляла по всему Союзу ненапечатанной.

И вдруг читаем в «Комсомольской правде» очерк А. И. Аджубея «Огненный тракторист».

Жив Дьяков! Не сгорел! Ну, потом и песню о нем вспомнили. Редакция журнала «Молодой колхозник» попросила у меня ноты и краткую историю о создании этой песни.

Вы понимаете, конечно, что мне впервые в жизни приходится писать письмо «сожженному» герою своей песни и посылать ему на память ноты песни о нем самом. Поэтому, может быть, нескладно я скажу, но от всего сердца. Живите долгие годы и оставайтесь молодым Петрушей! Не торопитесь стать Петром Егоровичем, хоть вы им и являетесь. Народ помнит и любит своего Петрушу Дьякова, а герои не стареют! Журнал этот, в котором впервые за 28 лет напечатана песня о трактористе-комсомольце Петре Дьякове, примите от меня на добрую память! Желаю многих лет счастливой и радостной жизни!

С приветом!
Композитор Илья Горин».

В августе 2004 года (!!!) газета «Тюменская область сегодня» писала: «Огненный тракторист из деревни Усть-Ламенка Голышмановского района для многих поколений молодежи был символом мужества, стойкости, патриотизма...».

По свидетельствам людей, близко знавших Петра Егоровича, он был скромным человеком и стойко нес бремя не принадлежавшей ему славы. А что ему оставалось делать? По слухам, Дьякова несколько раз вызывали в соответствующие органы и брали у него подписку о неразглашении...

«Скромный человек, мало разговорчивый, не выдающийся какими-то качествами, — вспоминал о нем бывший 1-й секретарь райкома Н. И. Ренев. — Отчество даже не знаю его. Петр Дьяков — и все. Орден Ленина, орден боевого Красного знамени. Трудяга, боевой человек. Жил в Голышманово, работал на мелькомбинате. Конечно, процентов на 50 из него создали легенду. Но эта легенда нужна была молодежи!».

Кому и зачем нужна была такая легенда — вопрос спорный.

— Мужики, которые работали вместе с Дьяковым на комбинате хлебопродуктов, возмущались, — рассказывает директор Голышмановского районного краеведческого музея Надежда Николаевна Скареднова. — Ему некогда было работать — все время то слеты, то совещания. Сделали из него свадебного генерала. Одевали с ног до головы, чтобы выглядел представительно, и возили по всему Союзу.

Мог ли он противостоять пропагандистской машине? Мог ли что-то сделать? Петр Дьяков сам стал жертвой своей лжи. Ошибка молодости стоила ему слишком дорого.

В начале 90-х в редакцию областной газеты (скорее всего, это была «Тюменская правда» — другой областной газеты тогда не было) пришло письмо от земляков «героя»: «Просим, снимите завесу с пресловутого героя-лжеца Петра Дьякова, так ловко оболванившего советский народ... Петра

Дьяков — кавалер ордена Ленина

никто не избивал, тем более керосином не обливал и не жег... У него и на теле нет никаких шрамов — следов ожогов... У Петра бывали ходокотоварищи, предлагали ему отказаться от лжи, но колесо пропаганды уже было запущено...».

Письмо в газету написал Николай Петрович Соловьев, сын Веры Михайловны Соловьевой и бывшего командира продотряда Петра Матвеевича Соловьева — тех самых, с чьей подачи началась и раскручивалась история про «огненного тракториста». Вряд ли его можно заподозрить в происках против истинного борца за Советскую власть и колхозный строй. Просто настало время для правды. Настало время определить истинных и мнимых героев.

Восемьдесят лет прошло с того июльского дня 1929-го года... Нужно ли ворошить прошлое? Нужно ли вспоминать? Может, стоит простить и забыть?

— Нельзя забывать! — уверен писатель Александр Петрушин. — По вине Дьякова погибли невинные люди...

Петр Егорович Дьяков ушел из жизни в 1990-м году в возрасте 78 лет. Умирают люди, а мифы остаются. Миф и сейчас живет всех живых.

... В Ишимском округе, во время ночной вспашки, кулаки напали на тракториста-комсомольца Петра Дьякова, облили его керосином и сожгли!..

Этой фразой заканчивалось предисловие к поэме Ивана Молчанова "Пётр Дьяков", которую показывал эстрадный театр Ивановского Пролеткульта в сезоне 1929-1930 годов. Не менее полутора раза я лично сыграл на рояле написанную мною музыку сопровождавшую всю поэму, в том числе и, ставшую вскоре популярной по всей стране, песню "Прокати нас, Петруша, на тракторе!".

Эта песня была мне дорога своей задумчивостью и, как бывает в таких случаях, я меньше всего думал об издании её. А когда товарищи напомнили мне о том, что песня-то до сих пор не напечатана - было уже поздно: МУЗГИЗ в 1934 году считал, что тема о борьбе с кулачеством уже вопрос прошлого. Так и гуляла моя песня по всему Союзу ненапечатанной.

И вдруг читаем в Комсомольской Правде очерк А.И.Аджубея "Огненный тракторист". Жив Дьяков! Не сторе! Ну, потом и песню о нем вспомнили. Редакция журнала "Молодой колхозник" попросила у меня ноты и краткую историю о создании этой песни. Вот в этом номере журнала всё это и напечатано.

Вы понимаете конечно, что мне, впервые в жизни, приходится писать письмо "сожжённому" герою своей песни и посылать ему на память ноты песни о нём самом... Поэтому, может быть и нескладно я скажу, но от всего сердца: живите долгие годы и оставайтесь молодым душой Петрушей! Не торопитесь стать Петром Егоровичем, хоть Вы им и являетесь. Народ помнит и любит своего Петрушу Дьякова, а герои не стареют!

Журнал этот, в котором впервые за 28 лет напечатана песня о трактористе-комсомольце Петре Дьякове, примите от меня на добрую память!

Желаю многих лет счастливой и радостной жизни!

С приветом!

Композитор

И. Горин

/И. Горин/

20 декабря 1957г.

г. Москва, К-1, Садово-Кудринская
улица дом 19, кв. 17, Илья Борисович Горин.

Письмо композитора
П.Е. Дьякову 1957г.

Олег Хомяков
Фото предоставлены автором

Вася из Хакасии, или Мир не без добрых людей

(Киноповесть)

В киноповести использованы реальные факты из жизни талантливого кинооператора отечественного кинематографа, члена Союза кинематографистов СССР Василия Ильича Киржибекова, снявшего на Свердловской и Одесской киностудиях фильмы: «Пора таежного подснежника», «Длинный день», «Угрюм-река», «Вертикаль», «Белый взрыв» и другие.

СОЧИНЕНИЕ

Цветущая весна.

Поселок городского типа на берегу Енисея.

Средняя школа.

Женщина — дежурная (их в те поры называли «техничками») идет по коридорам и звонит в звонок.

Ученики расходятся по классам.

На дверь с табличкой «10 класс» техничка вешает предупреждение: «Тихо! Здесь пишут сочинение на аттестат зрелости».

...Десятиклассники за партами.

Учительница пишет на доске дату «1952» и темы сочинения:

1. *Моя Хакасия.*
2. *Моя мечта.*
3. *Моя родословная.*

...Марат Туринов выбрал первую.

Это рослый красивый парень с пышным чубом на голове, в лице которого славянские черты, как это бывает у метисов, выгодно сочетаются с азиатскими. Одет в двуцветную, модную в те поры курточку с карманами — молниями.

Его рассказ о земле малой родины иллюстрируется кадрами:

Олег Михайлович Хомяков, писатель, поэт, сценарист. Окончил сценарно-редакторский факультет ВГИКа, работал редактором художественных фильмов на Свердловской и Одесской киностудиях. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Живет в г. Шарья Костромской области. В «Уральском следопыте» была напечатана его киноповесть «70 кадров неснятого фильма» (2008, №5).

...«Моя Хакасия — автономная область на территории Красноярского края. Образована в 1930 году. Ее населяют хакасы, русские, украинцы и другие народы СССР.

Это очень красивая земля, раскинувшаяся по левобережью Енисея. Низменность с ее полями и тайгой соседствуют с хребтами и горами, быстрые реки чередуются со спокойными, текущими по продольным долинам».

В кадре — ландшафты области, поражающие разнообразием. Это и поля с причудливыми травами и цветами, и тайга с густым подлеском и буреломом — включая россыпи валунов, поросших мхами, и деревья, растущие... на камнях. Озера окружены лесами, в которых дремлют великаны-ели или вздымаются к небу сосны.

...«Есть в нашей земле полезные ископаемые, — продолжает школьник, — каменный уголь, руда, мрамор, развита в Хакасии промышленность, настоящим чудом света является Саяно-Шушенская ГЭС. Животноводы у нас — лучшие во всей Сибири!..»

Панораму кадров завершает ферма, не уступающая конезаводу: среди наездников, объезжающих молодняк, можно видеть и Марата Туринова (директор-зоотехник фермы его отец).

А о чем пишут другие выпускники школы?

К примеру, Тася (Анастасия) Кирчакова — первая красавица класса с тонкими длинными косами.

Ее рассказ о девичьей мечте — тоже, по сути, мадригал, посвященный родному краю:

...«Я хочу поступить в сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева, на зоотехническое отделение. «Братьев меньших» нельзя не любить, если живешь в Хакасии! Вокруг нас такой животный мир, которому нет равных по красоте и разнообразию. Конечно, не считая джунглей Индии или Африки. Но встретишь ли там такое: на берегах рек Енисея или Абакана мирно живут марал и россомаха, круторогий баран и кабарга, колонок и белка-летяга? А уж о соболях, глухарях, бурундуках, зайцах и говорить нечего!..»

«Моя родословная» — тема «камчадала», обжившего последнюю парту. Круглолиций юноша, больше похожий на мальчишку-подростка, это Вася Кирбижеков. Он облачен в черную вельветку, — под такого же угольного цвета челку и зрочки косящих «восточных» глаз.

«Я родился на стойбище в северной части Хакасии, — пишет он, — которая для меня самое дорогое место на всем земном шаре. Мой отец, Илья Касимович, был охотником и скотоводом. Он погиб на войне с фашистами. Мамины предки жили в Якутии, верили в добрых и злых духов, приносили им жертвы.

Мама Авдотья Алтыновна пасла оленей, лепила из глины трубочки и курила коренья и табак. Чтобы я мог учиться в старших классах, она привезла меня в районный город и устроилась здесь в школу уборщицей. При школе, в комнате под лестницей, мы с ней живем.

Я хочу поступить в Тимирязевскую академию, чтобы стать полеводом-агрономом...»

В каморке с наклонным потолком, где едва умещаются стол, кровать и сундук, на котором спит Вася, висит на стене портрет солдата-снайпера в красноармейской форме (сын похож на отца) и под стекло вложен «угольничек» с адресом в Действующей Армии — единственная и, как часто бывало, последняя весточка с фронта.

Есть на другом снимке и наездница-пастушка, сидящая на лошади — с глиняной трубочкой-крючком во рту.

А «техничка» опять, гремя колокольчиком, обходит коридоры одноэтажной школы: пишущие сочинение должны закругляться.

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ

Жаркий июньский день.

Двое на велосипедах: Вася Кирбижеков на мужском, Тася Кирчакова — на женском. Одеты по дорожному: в сатиновых шароварах, в парусиновых босоножках. На Васе майка с коротким рукавом и кепочка-восьмиклинка, на Тасе летняя курточка, волосы стянуты косынкой.

Багажники не пустуют: Вася приторочил к нему левую сумку, его спутница — корзинку с провизией.

На окраине города конезавод. За выгородкой, сооруженной из жердей, «шаговик». Это приспособление, в котором лошади, оснащенные легкой упряжью, отрабатывают выездку — красивый, размеренный шаг.

Белого жеребца гоняет по кругу Марат Туринов.

Тася удивлена: говорит, подстраиваясь к мужскому велосипеду:

— Завтра экзамен по физике, а Туринов лошадей гоняет!

— Кто лучше его знает физику? — притормаживает Вася. — Сплошные пятерки в журнале!

— Историю он тоже знал. А получил четверку.

— На билет ответил, но «Кобра» задала дополнительный вопрос, с подначкой.

— Инспектор из области?

— Да, вправду на змею похожа.

...Марат замечает велосипедистов, следит, сгибая короткий кнут, за парой, едущей колесо в колесо.

...А Тася продолжает:

— От директора конезавода нет секретов, и отец Марата узнал, что направлений в Тимирязевскую академию будет всего четыре. Для тех, у кого по физике и химии пятерки.

— Химию ты любишь.

— А физику мне даже на четверку не сдать!

— Это от билета зависит. Повезет — не повезет... Мама мне говорит: никто не знает своего счастья... Быстрее можешь ехать?

Оба прибавили скорости.

Местечко выбрали на берегу Енисея. Неопишуемая красота, течение быстрое, словно в весеннем ручье! Лечь бы на пригорке да любоваться, а не учебник физики листать! Парень готов, а прелестница-одноклассница медлит. Вспоминает, глядя на руку, обняв согнутые колени:

— Помнишь, что сказал режиссер Иван Александрович Пырьев, когда снимал у нас фильм «Сказание о земле Сибирской»?

— «Меня хакасы выберут депутатом Верховного Совета СССР», — Вася шутит, не отрывая глаз от учебника.

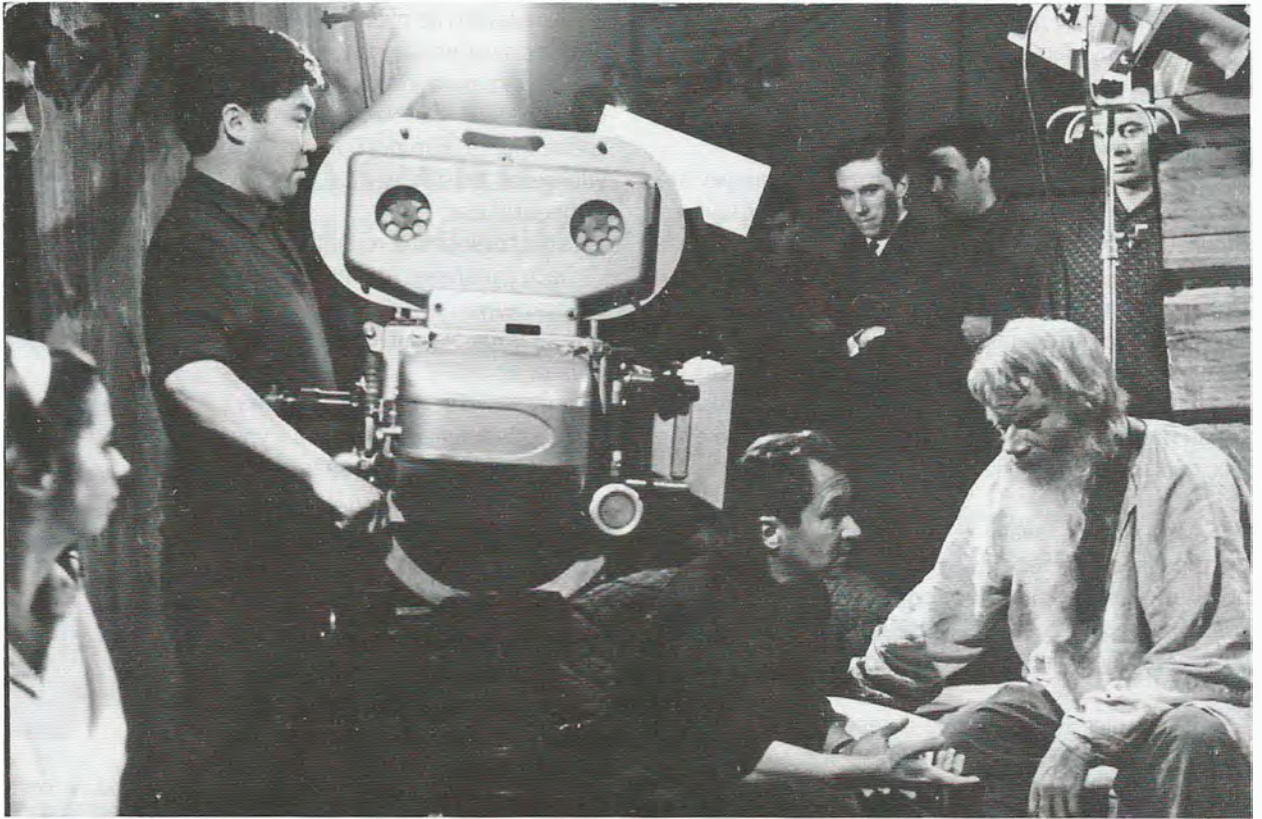
И получает в бок тумак: не мели ерунды!

— Он сказал: «Я сибиряк, родился на Оби, но напишу в завещании, чтобы похоронили меня здесь, вон под той елью», — показала рукой. — Наверное, потому, что она похожа на навигационный знак: ее никогда не срубают!

— А вот тебя с р е ж у т на физике, — Вася тычет пальцем в учебник. — «Кобра», когда работала в школе, преподавала физику. Поблажек не жди...

Юная красавица вынуждена подчиниться.

Говорит, хлопнув ладонью по учебнику:

На съемках фильма «Угрюм-река»: слева направо: оператор В. Кирбижеков, режиссер-постановщик Я. Лапшин, артист А. Кочетков

— Закон Бойля-Мариотта усвоила, фотолюминесценция мне понятна, а вот атомная бомба, как она устроена, — ни в зуб ногой!

— Она проще, чем лапоть! — парень, отвлекшись от учебника, жестикулирует. — Берутся два куска урана, помещаются в корпус...

— Кто это пустил жеребца аллюром? — Тася поднесла к глазам ладонь. — Если белогривого — Туринов. Помешан на белом цвете: портфель, ручка-самописки, лошадь...

— Марат, — подтверждает, всмотревшись вдаль, «атомщик».

ВСАДНИК

Конь не под седлом: Марат потрепал жеребенка по холке, пустил на прибрежный луг. Глянул на составленные шалашиком велосипеды, демонстративно принялся к корзинке.

— Я думал, вы купаться поехали! — сказал, подходя к одноклассникам.

Тася нарочитым вниманием льнет к странице:

— Хочешь окоченеть — нырни!

— Сколько билетов выучила?

— Двадцать.

— Из тридцати?.. На что надеешься? — Марат шутиливо захлопнул учебник, лежавший перед девушкой. — На Васю?

— Не на «что», а на «кого», — поправила та.

— Дай-ка мне твой гребень, — Марат потянулся к девичьей прядке за ухом. — На то мы одна семья, один табун...

Завладев гребнем, отличник учебы начал... отламывать «лишние» зубчики.

— Что ты делаешь?!

— У тебя три таких гребня: красный, желтый, зеленый. «Светофор»...

— Откуда ты знаешь?

— Целый год сидел на парте сзади тебя, любовался... Теперь смотри: ты берешь билет, допустим, 21-й. вынимаешь из волос гребень и — снимаешь с первого зубца бумажную трубочку...

— Шпаргалку?

— Шпаргалку. Всего зубчиков десять — по числу твоих «невыученных»...

Марат показывает, как будут сниматься «трубочки» — прорезанная гребенка удобна для насадок... — В волосах, — добавляет, — их даже «Очковая змея» не увидит. — Он сунул гребень в карман своих спортивных бриджей, подмигнул королеве класса: — У меня мелкий почерк...

— Но лупу все же возьми, — оставалось пробурчать Васе. Хотя ему-то уготовано задание по сложнее:

— Тебе останется прикрыть ее спиной, — сказал Марат.

— Это каким же образом? — раскосые девичьи глаза превратились в еле заметные щелочки. — Так вот встанет впереди меня и — прикроет?!

— Это, Ася, наши заботы, мужские. А ты бы лучше угостила батыров! — Марат повел взглядом в сторону двухколесных «коней».

...Столовских яств хватило на всех: заливное в судочках из фольги, котлеты в миске, компоты — в банках с алюминиевыми крышками.

— Мальчишки! — Тася подняла поллитровую банку, как бокал с вином. — Вот здорово, если мы будем учиться в Москве. Выпьем за «тимирязевку». Каждый Новый год будем встречать на Красной площади, пить шампанское! Ура!

— Ура!!

Компот пошел по кругу.

ЭКЗАМЕН

— Кирбижеков, Кирчакова, Петрич Оксана — приходите!

Учительница физики Беркович Фрида Марковна — в дверях учебного кабинета.

Кому первому ступить на порог?

Самой смелой оказывается Оксана: полнотелая, остроглазая «дивчина» в вышитой украинской кофте. Скрылась за дверь.

А Тася Кирчакова медлит. Может, потому, что Марат Туринов вновь инструктирует Васю Киржибекова:

— Запомнил? Это видеоискатель, — тычет пальцем в фотоаппарат «Смена». — Ты как бы componуешь кадр. Это наводка резкости, установка выдержки: коси глаз на солнце!.. смотри на цифры!..

Тася уже за дверь. Голос: «Где Кирбижеков?»

Вася, сунув камеру в карман пиджака, отзывается: «Здесь я! Иду!»

...Кабинет физики — гордость школы. Стол-кафедра, поднятый над полом, сдвинутые на край приборы, наглядные пособия, парты заменяют длинные столы, окаймленные бортиками.

На кафедре — экзаменаторы. Ф.М. Беркович, директор М.И. Доможаков, представитель облоно М.Ф. Кобрина. Одета строго, партикулярно.

— Двадцать второй! — упавшим голосом называет номер билета Тася Кирчакова. Ушки «фотографа» на макушке.

Оксана Петрич заняла место на скамейке подальше от экзаменаторов, поближе к приборам: хорошее прикрытие! Тася прямо перед глазами учителей, но дальше на один стол, («Фотограф» подмигивает ей: мол, все правильно, все по плану).

На столах чистые листы бумаги, авторучки: пользуйся, готовься к ответу. Но первая красавица класса в явной растерянности...

Из коридора голос: — Директора школы просят к телефону — горком партии! (Марат Туринов сложил ладони рупором, чтобы в голосе звучал «металл»...)

Доможаков встает и выходит из кабинета.

Тася Кирчакова рисует на листочке бумаги зверушек...

— Фрида Марковна! — поднимается со скамейки Вася Кирбижеков. — Можно, я вас сфотографирую на память? И Милицу Федоровну тоже.

«Физик» обменивается взглядом с инспектором облоно.

— Может быть, после экзамена? — спрашивает Кобрина.

— Солнце уйдет, — Вася показывает на окно. — Я быстро!..

— Ну разве что быстро, — дает согласие, еще раз переглянувшись с инспектором, Фрида Марковна.

Вася огибает стол, выбрав для съемки ближнюю точку — прикрыв Тасю спиной. С видимой «поспешностью» готовит камеру к съемке.

Прелестница не медлит ни секунды! Извлекает из пряди волос щербатый гребень, утыканный бумажными трубочками, нанизанными на зубья, снимает со второй по счету. Разворачивает, сличает с билетом — улыбается...

Вася, вперив глаз в видеоискатель, «компонует кадр». Просит учительницу убрать со стола электрическую машину: ему мешает ее тень! Диск прибора, образующего ток, и впрямь большого диаметра, заслоняет часть окна.

Тася спешит: надо перенести текст шпаргалки на бумагу. Да, на счастье, не так легко «физичке» справиться с громоздким учебным прибором — даже с помощью инспектора...

— Милица Федоровна, — просит потом «фотограф», — снимите, пожалуйста, очки, они бликуют.

В кабинет возвращается директор школы, и Вася организует второй «снимок». Говорит: «Лучше, если Манаш Иванович сядет в центр, а Фрида Марковна и Милица Федоровна по краям»...

Атмосфера на экзамене, как в кино на съемочной площадке: располагающая к творчеству.

Наконец, директор школы волевым жестом объявляет Васю вернуться на место за столом.

Его «подопечная», поправляя гребень в волосах, дает знак: она готова к ответу.

ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ

Комнатка уборщицы школы. Над единственным столом лежат в наклон доски «потолка» — лестничного марша.

Вася готовится к экзамену по немецкому языку — последнему в числе выпускных.

Мама его, Авдотья Алтыновна, общается с тотемами, бормоча тихие заклинания. Фигурки из дерева, лоскутки материи — одно. А вот медвежья лапа смотрится, как живая. На прародине женщины, в Якутии, распространены семейные святыни. Но над лапой, над тотемами нашлось место и для православной иконки: мирное существование культов.

Вася бормочет себе под нос немецкие слова — «хабен», «гнаде», «культурелл»...

Мать ставит перед ним кружку молока, накрытую ломтем хлеба. Садится потом на сундучок, инкрустированный цветной жемчужью, застланный домотканым ковриком, и любовно смотрит на сына — отвлекшегося на скромный ужин.

Тот спрашивает:

— Мама, почему Небесный Хан, или Аар-Тойон по-якутски, создал людей неравными? Одни сильные, другие слабые, одни умные, другие глупые?

Слышит ответ:

— Бог Неба хотел, чтобы все было разным на земле, но не мешало бы друг другу. Как на небе солнце, луна и звезды. Все светят, а ведь не скажешь, что свет у них одинаковый.

— Светит одно только солнце, мама, — поясняет авторитетно сын. — Луна похожа на большое зеркало. Ночью она отражает свет солнца, которое на другой стороне земли. Науке это известно давно. То же и со звездами!

— Ты думаешь, что люди были глупыми, когда не было наук?

— Может, они были по-своему умными. Ты вот веришь в существование злых духов, говоришь заклинания, чтобы они отстали от нас... А это, мама, предрассудок! Злые люди есть. А злые духи — фантазия шаманов.

— Вася, сынок! — голос матери твердеет. — Шаманы говорят правду. Злые духи есть. Они наши враги, и мы окружены ими. Они рыщут вокруг нас, разевая свои пасти. Их много, им бы только в кого вселиться!.. Но у русских людей своя правда. Они говорят: «Мир не без добрых людей». Бог-Иисус помогает добрым, а злых он сторонится. Он их и сам боится!.. — последние слова она произнесла шепотом.

— Кто же тогда миром правит?

— Ты у немцев спроси, их книги читаешь.

— Немцы, мама, верят в Бога-Иисуса.

— А кто же тогда Илью Касимовича, отца твоего, убил?

— Гитлер. В которого, если тебе верить, вселился главный злой дух.

Авдотья Алтыновна, бормоча: «Не приведи, Господь!», осеняет себя... крестным знамением.

ПРОЩАЙ, ШКОЛА!

Вручение аттестатов.

— За успехи в учебе, за успешную сдачу экзаменов на аттестат зрелости, — торжественно объявляет директор школы Доможаков, — награждается с е р е б р я н о й медалью Марат Туринов!

Аплодисменты, но и легкий свист в задних рядах. Это Денис Богатыренко, «очкарик», в туго повязанном галстук (За что, мол, отличника лишили золотой медали?).

Днем позже все собрались у двери кабинета директора школы. Входили по одному, выходили, держа в руках проштампованные бланки.

— Академия! — объявляет серебряный медалист, подняв руку с заветным направлением.

...Академия имени К. А. Тимирязева — мечта хакасских школьников, а «направленцы» освобождаются от участия в конкурсе. Им достаточно сдать вступительные экзамены на тройки.

— «Тимирязевка!» — радуется Оксана Петрич, оклавшись в кольцо подруг.

И очкарик Денис Богатыренко гордо, победно те-ребит галстук:

— Москва!

...У Манаша Ивановича отличное настроение, да и толика артистизма есть в его натуре. Потому он пробует поиграть с сыном уборщицы школы, как кошка с мышкой:

— К тебе, Вася Кирбижеков, у меня такой вопрос: где фотографии?

— К..какие фотографии? — недоумевает выпускник, успевший забыть об экзамене по физике.

— Нет, вы посмотрите на него! Снимал учителей, представителя облоно, а обещанные снимки три года жди? Чтоб завтра фотографии лежали у меня на столе!

От бледности в подобных случаях Васю спасала лишь природная желтизна кожи...

— Манаш Иванович! — забормотал. — Мне с теми снимками не повезло... Они не получились... Я выдержку неправильно поставил... композиция удачная, но ...

— «Композиция», — бурчит директор. — А камеру где взял?

— Марат одолжил.

— И фотографировать научил? — смежил глаз Доможаков.

— Просто объяснил, как и что...

— Мне, Вася, тоже предстоит кое-что тебе объяснить. Ты наверняка знаешь, что Тимирязевская сельскохозяйственная академия предоставила нашей Хакасской автономии два десятка мест. Пять из них наши. Это честь школы, но вы с Кирчаковой равны по сумме баллов.

— Пусть Тася едет! — перебил «фотограф».

— Уступаешь?

— Уступаю.

— А сам?

— В Абакан, в педагогический.

— Не бойшься, что Марат Туринов отобьет у тебя Анастасию? Его, серебряного медалиста, примут в академию без экзаменов. Надеюсь, и Кирчакова сдаст без троек... Ладно. Дело твое.

Директор школы извлек из ящика стола бумагу, по цвету и формату похожую на «пропуск» в академию.

— Тебе фотографическое дело нравится?

— Н..не знаю. У меня нет фотоаппарата. Я кино люблю.

— А кино, друг мой, это «движущаяся фотография». Вот и поезжай — по направлению (одно на всю Хакасию!) — во Всесоюзный государственный институт кинематографии!.. — директор разбил длинное слово на слоги, протягивая выпускнику документ. — Факультет «операторский», будешь кинемехаником высокой квалификации. А с Таси Кирчаковой глаз не спускай. Впрочем, я тебе этого не говорил.

ПРОВОДЫ

Каморка под школьной лестницей.

Авдотья Алтыновна, так и эдак повертев направление в руках, говорит сыну;

— Это хлебная работа, сынок — кино показывать! Помнишь Никольское, где мы жили, когда вышли из тайги? Большое, однако, село! — вернула документ сыну, занявшись курительной трубкой. — Кино на телеге или на полупортной машине привозил литовец — из сосланных...

— Витас Дарбашинскас, — поддакнул сын. — Обслуживал кинопередвижку.

— Покажет лишний раз «Тарзана» или «Поезд идет на Восток», ему, как шаману, несут дары: сало, рыбу вяленую, мед. А за «Кубанских казаков» пимы подарили и шапку на оленьем меху.

— Ты ведь хотела, чтобы я агрономом стал?

— Человек предполагает, а Бог располагает, — так, Вася, люди православные говорят.

— Вижу, ты совсем в их веру перешла?

— Свою не забываю, но ведь обратно в тайгу, на стойбище, нам с тобой дороги нет.

Сумма невелика, но скопила сыну на отъезд. Сказала:

— Эти деньги я тебе зашью в трусы. На обратную дорогу, если не поступишь в институт... Кошелек могут и украсть...

Уже с иголкой в руке наставляла:

— Если случится плохое, знай: мир не без добрых людей. Кому-то и напомни при случае. Человек добрее, чем сам себе кажется, чем злые духи о нем думают. Но добычу они видят, чувствуют. Войдешь куда, скажи: «Здравствуйте, люди добрые!» — все тебе улыбнутся. А который не улыбнется — в нем дух зла поселился, как сын в дупле. Уходи от него, сынок.

У автобуса, отъезжающего на железнодорожную станцию:

— Пиши, Васенька! Храни тебя православный Бог и якутский Аар-Тойон!..

«Кто это бежит?» — заметил, прижимая мать к груди.

Тася Кирчакова подбежала, запыхавшись:

— Почему ты не сказал, что уступил мне свое место — в академию? Я узнала только вчера! — щеки девушки пылали огнем.

— От кого? — спросил парень.

— Да не все ли равно, от кого.

— Ты хочешь учиться в «Тимирязевке»? — спросил Вася.

— Хочу.

— Учись. Главное, что мы будем рядом в Москве, если поступим.

ПОЕЗД ИДЕТ НА ЗАПАД

Город АЧИНСК. Вокзал.

На перроне — поезд «Владивосток-Москва».

Пассажиры с фибровым чемоданом садятся в плакартный вагон.

— Абитуриент? — спрашивает проводница.

— Еду в институт поступать.

— Вот я и говорю: абитуриент. Не знаешь такого слова?.. Место у тебя боковое, а до Москвы четверо суток. Если багажа у пассажиров мало, можешь забираться на ночь на самую верхнюю полку. Но без матраца, без белья: не положено!

Слышится удар колокола: отправление.

— Здравствуйте, добрые люди! — приветствует сидящих в купе Вася Кирбижеков.

В ответ — улыбки, злым духам здесь нечем «пожиться»...

Кто-то сойдет в пути — судовой механик Наум Харчевский, женщина со значком «Почетного железнодорожника» на пиджаке, а вот с геологом Павлом Николаевичем Аникиным абитуриенту ехать до конца пути.

...Поезд на перегонах Великой Транссибирской магистрали.

— Карты надоели, — собирает рассыпанную на столе колоду Харчевский. — Давайте анекдоты рассказывать! — в его голосе ощутим южный «одесский» акцент, под расстегнутым кителем морская тельняшка. — Могу выдать политический: на «десятку» с поражением в правах.

— С нами юноша, Наум, — указала взглядом на Васю железнодорожница.

— Он любит виды родины... — но поддел-таки парня: — А что, Вася, в Хакасии «квасят», как и «квасили»? — щелкнул себя ногтем по горлу.

Хакас не откликнулся: заоконные виды и впрямь поглотили все его внимание.

— У пассажира, — снижает голос моряк, — попутчики, чтобы познакомиться, спрашивают фамилию. Тот говорит: «Моя фамилия состоит из двух слов: что обещал народу Ленин и что дал ему Сталин. Пассажиры чешут затылки. А сверху свешивается голова — на носу пенсне, как у Берии, и говорит: «Гражданин Райхер, вы арестованы!»

Поезд тормозит.

— Гражданин Харчевский! — обращается к одесситу Аникин. — Пока вы на свободе, не изволите ли купить мороженого? — протягивает деньги. — На всех!

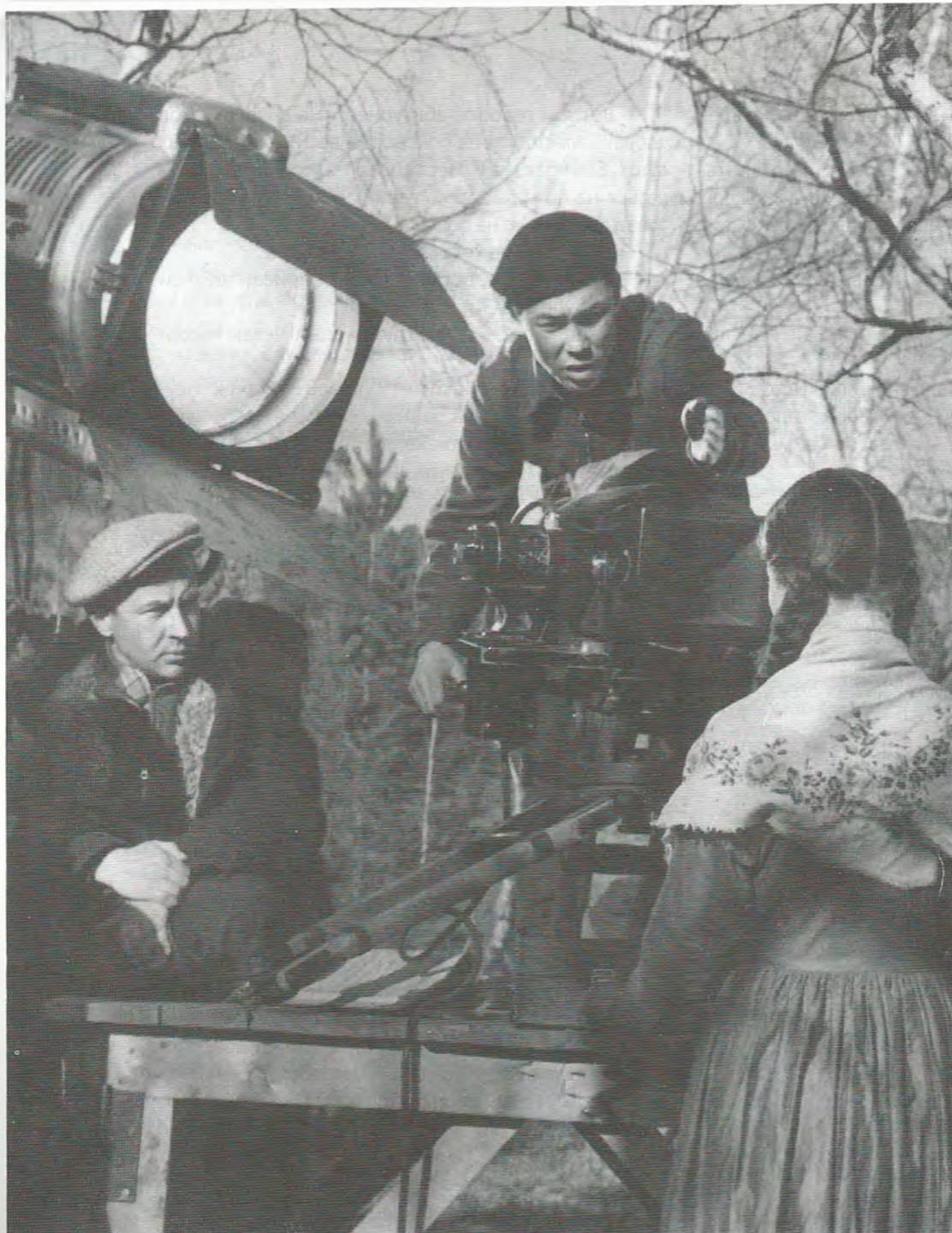
Для Васи эскимо — лакомство. Отвлекся от «видов Родины»...

Харчевский же снова за свое:

— У нас в Одессе главный рынок называется «Привоз» — везут продукты из сел, с лиманов. Тетя Сара встречает там старого еврея и спрашивает: «Извините, конечно, что вмешиваюсь в вашу интимную жизнь, но вы случайно не Ф и л ь ш т е й н?» — И обратясь к Васе: — Ты, «добрый человек», тоже извини: кто будешь и куда едешь?

— Меня Васей зовут. Фамилия Кирбижеков.

— Очень удачная — для контрабанды, — одессит приложил палец к губам. — Говорю тебе как моряк, судовой механик. Заполняя таможенные документы, ты можешь назваться «Кирбижековым», «Каржабековым», «Карабиджековым» — запудрить мозги тамо-

На съемках фильма «Пора таежного подснежника». В центре главный оператор В. Кирбижеков

женникам так, что сам черт не разберет!.. Куда собираешься поступать?

— В институт кинематографии.

— Актером будешь? Это мысли! Кому-то надо японских шпионов играть!..

— Я на операторский!.. — Вася едва управляет с тающим мороженым. — Буду кино крутить!..

Из соседнего купе выглядывает человек в гимнастерке с погонами пограничника:

— Харчевский, как вы насчет того, чтобы поехать с вами в вагон-ресторане?

— Я не против! — обращается к Аникину. — Павел Николаевич, составите компанию?

— Благодарю. Сегодня хажую с «дома».

...Скоро, накрыв стол в купе, геолог приглашает абитуриента разделить с ним трапезу. Вася достает из-под сиденья чемодан, присоединяет к дорожной снеди мамыны ватрушки-шанежки, вареные яйца.

Голоса пассажиров заглушает встречный состав за окном. Аникин открывает бутылку пива, наполняет стаканы:

— Что ж, Вася-из-Хакасии, выпьем за наше дорожное знакомство!.. Я по профессии геолог, работал в поле, как у нас говорят, то есть в экспедиции — на реке Лене, в Якутии.

— Моя мама наполовину якутка! — рад сообщить Вася.

— Еду теперь в отпуск!.. Я москвич, наш моряк — одессит, а рыбу ловил на Курилах. Такая у нас с тобой необъятная страна! Которую, помимо прочего, объединяет и то, что везде, «от Москвы до самых до окраин», к р у т я т одно и то же кино!

— «После вкусного обеда по закону Архимеда полагается поспать!» — москвич, искатель алмазных «трубок», устраивается поудобнее на застланном постелью нижнем плацкарте.

В купе возвращается рыбак, подсаживается к юноше на боковом месте:

— «Что ты, Вася, приуныл, голову повесил?..» — Покажи-ка мне свое направление! Какой-то такой факультет готовит киномехаников?

По коридору проходит проводница с ведром для мусора, объявляет: — Туалет закрывается, санитарная зона!

Вася добыл из чемодана документ и, передав Харчевскому, спрашивает негромко:

— Что за «туалет»?

— Уборная и умывальник, в конце вагона, — моряк, не придав значения вопросу, смотрит на бланк красного цвета. — «Всесоюзный государственный институт..

операторский факультет...» Кто тебе сказал про кино-механиков? Операторы не к р у т я т, а снимают кино. Как фотографы снимают фотографии. Ты фото снимать умеешь, камеру держал когда-нибудь в руках?

— Д..держал.

— Ну тогда у тебя есть шанс. Один из тысячи!

Проводница — теперь с билетным кассетником в руках — подходит к Харчевскому, спрашивает: «Вы остановку делаете в Свердловске?»

— Имею намерение.

— Получите билет.

Позже Харчевский говорит Васе:

— Жизнь — интересная комбинация и всегда из трех пальцев. Я, к примеру, думал, что самый красивый город на земле — Одесса. Ребята, которые ходили за Босфор, в заграничье, утверждали: есть еще «Владик» — то есть Владивосток, есть «Фриско» — то есть Сан-Франциско. А оказалось, что лучше Свердловска человечество ничего не построило! Знаешь, почему? Потому, что там живет самая красивая на свете женщина, у которой только один недостаток: она з а м у ж е м.

Со спутниками абитуриент познакомился, хорошие люди, а вот с устройством вагона?..

Поезд на ходу, дверь с надписью «Туалет» закрыта.

Проводница обомлела, ступив в тамбурный переход: хакас справляет малую нужду на мелькающие под ним шпалы! Стальные пластины под ним трутся друг о друга, скрежещут.

— Ты что делаешь, окаянный?!

Словно нашкодившего кота, схватила за ухо пассажира, повела к туалету.

Пояснила, как работает поворотный диск-указатель «свободно-занято» (Голосов не слышно за грохотом встречного состава). В самом санузле посвятила юного путешественника в правила пользования нехитрыми устройствами.

...Зато спалось ему — на верхотуре багажной полки — в ту ночь, как в комнате под лестницей. А что ни перины, ни подушки — не беда. Вагон мягко покачивался: так, наверное, спится лишь младенцу в люльке!

...Утром, за завтраком, москвич-геолог поинтересовался:

— Ты, Вася, заглядывал в расписание?

Парень отрицательно покачал головой.

— В Москву прибудем вечером. Полагаю, никого в твоём институте «киноматографии» ты не найдешь — кроме вахтера... Не горюй! Поедем ко мне. К великому нашему огорчению, мы с женой моей, Верой Максимовой, люди бездетные. Потому и жильё наше тесное, но в тесноте — не в обиде, верно?..

Долг платежом красен: сибиряки спасли в сорок первом столицу, а с ней и всю Россию, — сочтем за честь принять у себя сибиряка! А?

— Спасибо, Павел Николаевич! — парень расплылся в улыбке. — Я ведь и дороги в институт не знаю. Адрес есть... «3-й Сельскохозяйственный проезд... ВСХВ...»? Где это?

— ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Кино смотрел «Свинарка и пастух»? Это — там...

СОСИСКИ

Перрон Ярославского вокзала столицы.

Вышли из вагона вдвоем, поблагодарили проводницу. Женщина, смеясь, погрозила Васе пальцем, мол, будь на московской земле поосмотрительней...

Вечерело. «Сибирячок», не выпуская из рук фибрового чемодана, вдруг встал как вкопанный. Впереди высоко в небе висели буквы синего цвета, складывающиеся в слова: «Покупайте сосиски мясокомбината имени Микояна!»

Аникин:

— Ты чего?

Вася:

— Как это может быть: буквы на небе?

— Это реклама, Вася. Неоновые трубки закреплены на высоких штангах. Поторопимся: нам в очереди на такси стоять.

Не мог не одарить горожанин «парня из тайги» видами вечерней столицы! Тому только и оставалось, что восклицать: «Красная площадь!.. Кремль!.. Мавзолей!..»

Сообщил, когда проехали Собор Василия Блаженного:

— Павел Николаевич! Мы решили в школе: кто будет учиться в Москве, приходит встречать Новый год на Красную площадь.

— Хороший уговор. А мы, когда кончали учебный год, ездили всем классом в Серебряный Бор. Это берег Москвы-реки. Будешь учиться на операторском факультете, съезди туда с кинокамерой, не пожалей!

— Наум Маркович Харчевский, — откликнулся Вася, — сказал, что у меня шансов поступить во ВГИК один из тысячи.

— Мне он назвал другую цифру: по секрету, — Аникин понизил голос: — Один из м и л л и о н а! Но ты не робей, Васек! Ясно, что даже для твоего тезки, Блаженного Василия, был бы крепкий орешек... туда попасть, но...

— Не боги и не блаженные горшки обжигают! — бросил вдруг, обернувшись, реплику таксист.

Ужин в квартире Аникиных. Хозяйке, угощающей гостя сосисками, Павел Николаевич говорит:

— Вера, добавь-ка нашему сибиряку лишнюю парочку! — очень ему понравилась реклама на Ярославском вокзале.

— Я подумал, — оправдывается гость, — разве Анастас Иванович умер? Ведь именами живых людей фабрики, заводы, улицы не называют.

— Правильно. Но у нас, Вася, многое наособицу, — геолог не прятал улыбки. — Метрополитен носит имя Кагановича, но ведь Лазар-Мосеич жив-здоров. К тому же «реклама» предполагает выбор. Скажем, мясокомбинат имени Микояна рекламирует свою продукцию, потому что ему может перейти дорогу комбинат по производству сарделек имени Бонч-Бруевича...

— Скажешь тоже! — возразила жена. — Кто знает твоего «Бонч-Бруевича»?.. Вот Вася Кирбижеков знает?

— Он Ленину помогал, революционер, — ответил «сын тайги» уверенным голосом.

— Молодец! — похвалил парня геолог. — Триумфальное шествие просвещения продолжается, и это лучшая гарантия того, что наша идея никогда не умрет. Россия, Китай, Монголия — кто следующий?

Васю смутил направленный на него в упор взгляд. Но тут он не растерялся: — Может быть, Индия... или Вьетнам?

Заметив кофейник в руках жены, хозяин тесных, но гостеприимных стен произнес: — Не будем гадать на кофейной гуще, будем кофе пить!

ИНСТИТУТ

До ВГИКа и впрямь не близко от Марьиной рощи: северо-восточная окраина Москвы.

А выйдешь на последней остановке 9-го троллейбуса, обязательно встанешь у ограды, которой обнесен двор студии детских и юношеских фильмов имени А. М. Горького, — превращаемый зачастую в съемочную площадку.

Поглазел на натуральный интерьер и Вася Кирбижеков. Тут и увидел впервые в жизни к и н о к а м е р у: громоздкий аппарат, установленный на тележку, которая скользит по трубчатым рельсам. Интересно — это одно, а с т р а ш н о — совсем другое...

...Вывеска института. Гудящие коридоры. Пестрые, нарядные — по моде начала 50-х годов — одежды, отчего хотелось зажмурить глаза...

На беду, даже сама фамилия пугает — на трафарете, который возвещает, с кем прибывший абитуриент должен иметь дело: «Заместитель председателя приемной комиссии Рогатых Лидия Константиновна».

Расстегнув полевую сумку, «парень из тайги» предъявляет ей свои документы: аттестат зрелости, справки, бланк направления...

— А где ваши фотографии? — спрашивает отнюдь не любезным голосом женщина.

Вася достает спаренные, размером 3х4 сантиметра, «фотки» — на которых черная челка спадает ему на брови.

— Я не об этих. Где художественные фотографии, которые вы должны предъявить, если поступаете на о п е р а т о р с к и й факультет?

— Я по направлению... добрый человек!

— Вы кого называете «добрым человеком»? Меня? Откуда вы знаете, что я — «добрый человек»?! Вы читать умеете, товарищ Кирбижеков? — Властная институтская дама косила взглядом в аттестат зрелости.

— Кирбижеков, — поправил хакас.

— Умеете, товарищ Кир-би-же-ков, читать? — концом авторучки она постукала по трафарету. — Вот если бы здесь было написано: «Рогатых Лидия Константиновна — добрый человек», тогда бы вы имели моральное и юридическое право обращаться ко мне с вашими неуклюжими комплиментами.

— Простите, Лидия Константиновна, у вас есть дети? Мальчики, девочки?

— Есть. И мальчик, и девочка. Что дальше?

— Для них вы — добрый человек?

— Довольно! Перестаньте паясничать и следуйте за мной.

Тут следует заметить, что во ВГИКе есть традиция: устраивать выставку для абитуры, поступающей на операторский факультет, — лучших фоторабот, представленных будущими студентами. Они замечательны, иные соперничают, без преувеличения, с живописными композициями. Отобрать, в сущности, не представляет труда, так как конкурс на факультет — 20–30 человек на место...

«Вася из Хакасии» потрясен, заморожен!

...Пейзажи разных широт, но включая обязательно городские. Разливы рек на русской равнине, но и горные «шумные» речки. Лесные дубравы и причудливые скалы. Мосты и скверы. Портреты людей и «братьев наших меньших»...

Гидом женщину с устрашающей фамилией не назовешь, но, когда Вася обошел выставку, услышал:

— Здесь представлены работы, снятые русскими, украинцами, кавказцами. Однако «направление», с которым вы прибыли, это лишь поблжка на экзаменах — по общеобразовательным дисциплинам. Можете их сдать на тройки: вы — вне конкурса. Но вот к этому конкурсу, — Рогатых обвела рукой стены, — ваш «сертификат» отношения не имеет. Вы обязаны быть на уровне. Пусть с некоторой скидкой...

— Я представлю! — вырвалось вдруг у Васи.

— Когда?

— Ведь до экзаменов еще неделя?

— И что же?

— Я постараюсь.

— «Он постарается...». Если я «добрый человек», то вы — наивный, самонадеянный. И, пожалуйста, не обижайтесь!

— На вас нельзя обижаться!

— Даже так? — губы женщины дрогнули в невольной улыбке.

СОЛОМИНКА

Квартира Аникиных.

Вася в отчаянии:

— Сглазили, дядя Паша! Дали мне отворот — поворот...

— Держи хвост пистолетом! — отозвался геолог. — Фотографии? Сделаем. «Эта службишка — не служба: служба вся, брат, впереди»...

— Своди его к Аскольду Аркадьевичу, — предлагает Вера Максимовна. — Он даст фотоаппарат, научит

с ним обращаться, и пусть Вася, не теряя времени, едет в Серебряный Бор!

— Аскольд Аркадьевич — лучший на всю Марьину Рошу фотограф, — поясняет парню Аникин.

Утром двое — в конурке «фотозабегаловки». На дверь вешается табличка: «Технический пере-рыв».

Аскольд Аркадьевич — облаченный в синий халат, белую рубашку с галстуком-«бабочкой», — не тот ли фотограф, с которого будет списан персонаж комедии «Мы с вами где-то встречались»? Когда клиент, в исполнении С. Филиппова, станет отказываться от фотографии: не я! не похож! Спор разрешится вопросом: «Костюм ваш?» — «Костюм мой». — «Значит, и фотография ваша!».

Фотограф все схватывает на лету, и уже через несколько минут начинается «курс молодого бойца» — борца за счастье. Ему демонстрируют и «фотокор», и кассеты, и штатив, наскоро объясняют азы фотографического процесса...

Серебряный Бор? Не проходит и часа, как Вася — с камерой, треногой и кассетником — выходит из автобуса. Сто шагов — и любимое место отдыха москвичей перед ним, как на ладони.

Пляж переполнен.

Здесь не укроешься — глядя в видеоискатель, уставливая диафрагму — от десятков любопытных глаз.

Лиха беда — начало, хотя вокруг фотографа быстро собирается праздная публика: из лиц преимущественно прекрасного пола: «Снимите нас!.. И нас!.. А теперь вы с нами: пусть кто-нибудь щелкнет затвором!..»

Кассеты расходятся, как карточная колода при азартной игре. В Васе есть-таки нечто экзотическое: желающих сняться рядом с ним все прибывает...

ПИСЬМО МАТЕРИ

Квартира Аникиных. Хозяева вечером у телевизора — с приставленной к маленькому экрану «лупой». Васе не до «Новостей», он пишет письмо:

«Дорогая мама! Я в Москве, доехал благополучно. В дороге познакомился с хорошим человеком Павлом Николаевичем Аникиным. Он геолог, москвич, едет в отпуск из Якутии, где искал и нашел алмазы.

Узнал про институт. Учат в нем на режиссеров, на актеров, на операторов. На киномехаников учат в школах и на курсах. Если поступлю, буду кинооператором.

Ездил я к нашим «академикам». Они живут в общежитии «Тимирязевки», а у нас, в киноинституте, общежития нет, оно только строится. Я пока живу у Аникиных.

Марат Туринов, как медалист, уже зачислен на 1-й курс, помогает готовиться к экзаменам Тасе Кирчаковой...».

МЫТАРСТВА

На дверях «фотозабегаловки» вывеска: «Пляжные фотографии засвечены. Выдача снимков не производится».

Стайка девушек, в которых узнаются купальщицы из Серебряного бора, разочарованно отходит от двери.

...Снимки, между тем, не засвечены, но Аскольд Аркадьевич выговаривает фотографу:

— Вася! Зачем вы дали девицам адрес моего ателье?

— Они спросили, — бормочет тот. — Я думал, они их выкупят за деньги...

— Чтобы я поимел гешефт, да? Мало у меня клиентов?.. Но, во-первых, за такое качество денег не платят, а делают запись в жалобной книге...

Качество групповых снимков и впрямь неважное — кроме тех, где «парень из тайги» снят в группе купальщиц. Те, кто брался щелкнуть затвором, знали фотодело, подправляли фокус, выдержку...

— Во-вторых, — продолжал Аскольд Аркадьевич, — ваши на выходе из Серебряного бора я с трудом «вытягивал» из передержки, недодержки...

— Здорово!

— Что здорово, позвольте вас спросить?

— Ну... хорошие же снимки! Все видно!..

— Да, можно отличить сосну от березы...

Фотограф кладет снимки в светонепроницаемый конверт:

— Если институт устроят такие «виды», считайте, что с задачей вы справились. В добрый час!

ВГИК. Приемная комиссия.

Лидия Константиновна Рогатых вскидывает брови, глядя на девиц в купальниках:

— Это что за герлз?!

— Девушки, — поясняет Вася. — Они там купались.

— Я вижу, что не лошади. Зачем вы их снимали?

— Они попросили... на память...

— В обнимку с фотографом, да?

— Но это же они меня обнимают, Лидия Константиновна, а не я их! — Вася тычет пальцем в фотографии.

— Нашли «аборигена», а тот и рад... «добрый человек»!

Пляжные снимки летят в мусорную корзину.

Пейзажные разложены на столе, застланном бархатной скатертью зеленого цвета, — в тон ему и платью институтской патронессы. Ее вердикт:

— Рано тебе, Вася Кижипеков, упражняться в «на-турелях»...

— Кирбидеков, — вставляет хакас.

— Не обязательно ездить за город, на «плэнер», чтобы найти интересный объект для съемки. Москва — красивый город...

— Я заметил!

— «Он заметил»...

— У меня теперь есть «Смена», — Вася достал из левой сумки камеру. — Мой школьный товарищ дал... на время. Он принят в Тимирязевскую академию.

— Вот тебе бы туда, — посоветовала Рогатых, — Вася Кир-жи-бе-ков! Ты человек восточный, верно, знаешь, что у японцев есть пословица: «Трудно ловить ночью черную кошку в доме, особенно если ее там нет».

— Это китайская пословица, Лидия Константиновна.
— Спасибо за поправку, но дело не в фольклоре. Завтра у нас начинаются экзамены по общеобразовательным предметам. Тебя к ним нельзя допустить, потому что ты не прошел творческий конкурс, нет у тебя интересных, выразительных фотографий...

— Будут!

— Исключение в таком случае может сделать лишь председатель приемной комиссии Игорь Евгеньевич Разумовский,— скосила глаза на наручные часы. — Он пока еще в институте, на втором этаже. Но там... столпотворение!

Иначе и быть не могло — за день до начала экзаменов. Кабинет Разумовского буквально осажден, секретарь — пожилая женщина — бессильна навести порядок...

Приоткрыв дверь в приемную, увидев «непролаз» и «непротык», Вася считает за лучшее — отпрянуть.

Но не отступить, не сдаться! Озорно блестя раскосыми глазами, ходит взад-вперед по коридору.

Придумал! В настенном ящичке, под стеклом — огнетушитель. Штука громоздкая, да силенок парню не занимать.

С баллоном в руках ввалился в переполненную приемную: «Пожнадзор! Откройте дверь!» Секретарша: «Что случилось?» — «Порядка у вас нет, не соблюдаете правила пожарной безопасности! Впустите меня к товарищу председателю».

В кабинете бойкая женщина, явно протезирующая дебильного вида недоросля, вскочила испуганно с кресла, приставленного к столу: «Пожар?! Где пожар??»

— Нет никакого пожара, — твердым голосом проговорил вошедший. — Но может быть!

— Гектор, идем! — женщина увлекла за собой отрока. — Мы будем жаловаться...

— Это ваше право, — спокойно парировал Разумовский, — глядя, впрочем, не на уходящих, а на «пожарника». — Так что случилось?

— Ничего не случилось. Здравствуйте, Игорь Евгеньевич! Мир не без добрых людей.

— Воистину так, а ... огнетушитель при чем? Где вы его взяли?

— Снял со стены, — Вася не сходил с места. — Я вам все объясню! Завтра начинаются экзамены. Я поступаю на операторский факультет. У меня фотографий не хватает...

— Погодите! Вы Карабижеков Василий из Хакасии? — Разумовский глянул на настольный ежедневник.

— Кирбижеков.

— По направлению?

— По направлению.

— Мне говорила о вас Лидия Константиновна...

— Она тоже хороший человек!.. — поспешил вернуться абитуриент.

— «Тоже»? Приятно слышать...

— Она сказала, что только вы, вашей властью, можете допустить меня к экзаменам, пока я сделаю, принесу снимки...

— Допустим, мы решили этот вопрос, — сдержанно улыбнулся Разумовский. — Занявшись разрешающим документом, спросил: — В ваших краях режиссер Пырьев снимал «Сказание о земле Сибирской»?

— Да! Мы ему помогли, — откликнулся Василий, — комсомольцы. Чистили дорогу, по которой проезжала «свадьба». Иван Александрович дал нам десять рублей, сказал: «Вы мои лучшие ассистенты!»

— Есть чем гордиться, — вершитель абитуриентских судеб протянул парню бумагу. — Не забудь поставить печать у моего секретаря, но главное, готовь фотографии. Без них все твоё «по направлению» ничего не будут значить.

«ЧЕЛОВЕК ИЗ ТОКИО»

Облюбовав точку на набережной Москвы-реки, снимал Крымский мост...

...Чья-то рука легла на плечо.

Он обернулся. Перед ним стоял милиционер.

Представился:

— Младший сержант Подопригора.

Фамилия известная на хакасской земле, где проживает немало украинцев. В разные исторические времена они приезжали сюда — в поисках лучшей доли.

— Какая сейчас погода на острове Хонсю? — вежливо поинтересовался страж порядка.

Он молод, этот лейтенант, лунолик, белозуб. Отчего и решил Вася, что его почти сверстник — шутит. Придав голосу «японский» акцент, парировал:

— На острове Ху-Сю, вы хотели сказать?

— Я сказал: на острове Хонсю — где расположен Токио.

— Но историческое название этого острова «Ху-Сю». Разве вам не объясняют — в русских школах?

— А разве в японских школах шпионажа не объясняют, что в столице Советского Союза нельзя фотографировать стратегические объекты: мосты, заводы, фабрики?.. Извините, не знаю вашей фамилии, мистер...

— Твистер, — сменил «японское» произношение на русское фотограф.

— Вам придется назвать ее в другом месте, — побледнел, но жестко приказал: — Сдайте камеру и следуйте за мной.

У начальника отделения милиции в столичном районе города звание — подполковник. Облик его суров.

— Тебя приняли за японского шпиона, а ты и рад повалить дурака, — выговаривает он абитуриенту, глядя в его экзаменационный лист. — Судя по оценкам на экзаменах, ты парень неглупый, а ведешь себя, как скоморох.

— Я думал, что товарищ сержант шутит! — оправдывается Вася.

— Мосты снимать действительно нельзя, — подполковник возвращает задержанному камеру и документы. — Иди в Александровский сад, что у Кремлевской стены, и снимай там налево и направо.

— Спасибо. Мир не без добрых людей...

— И не без дураков тоже — больших шпиономаний.

...Вася в Александровском саду.

Здесь красиво и пусто. Понимая, что пустота омрачит впечатление — не кладбище же! — фотограф просит редких прохожих на минуту присесть. Что они делают без видимой охоты...

Еще неприятность — днем позже. Размотав пленку, Аскольд Аркадьевич констатирует:

— Вынужден вас огорчить, Вася: пленка засвечена! Мог быть фабричный брак, но, учитывая вашу любовь к «стратегическим объектам», могли засветить и в милиции. Я заменил катушку, но хватит ли у тебя времени переснять, чтобы я успел проявить, напечатать снимки? Зачисление в институт — когда?

— Послезавтра, — упавшим голосом сообщает горе-фотограф.

— Думаю, Вася, тебе надо пойти к депутату Верховного Совета, — говорит Павел Николаевич Аникин. — Режиссер Пырьев, можно сказать, трижды Герой Социалистического Труда — если Звезду приравнять к званию лауреата Сталинской премии. Сам товарищ Сталин, выходит, его заслуги отметил... Поезжай на главную московскую студию, найди Ивана Александровича. Он по твоему вопросу звонить Генералиссимусу в Кремль не будет, а министру кинематографии позвонит...

НА «МОСФИЛЬМЕ»

Пырьев — человек с бабьим лицом, с тянущейся вдоль лба жидкой копной волос. Сидит он на вращающемся кресле, что для «парня из тайги» в диковинку. Рассмеялся знаменитый режиссер на Васину вступительную «тезу», что, де, мир не без добрых людей. Но, может, рассмешил-то его телефон, то есть услышанное в трубке, которую парень и не заметил сразу, так как Мэтр сидел к нему боком. А развернул кресло, ослабил плечо, и трубка словно выпала ему в ладонь.

Кладя ее на рычаг, Пырьев — все на той, веселой, волне, — сказал посетителю:

Кадр из фильма «Угрюм-река» слева направо: Петр Гранов — В. Чекмаров, Анфиса — Л. Чурсина, пристав — Е. Весник.

— Мне звонят с проходной: «С вами хочет встретиться ваш ассистент Карманжеков, работавший у вас на фильме «Сказание о земле Сибирской». Я переспросил: «Кармандержиев»? Нет, говорят: не то Карманжеков, не то Карабиджеков...

— Кирбижеков, — привычно поправил хакас.

— Что за «ассистент»?

Вася изобразил лопату, которой разметал снег.

— Но, увидев тебя, вспомнил! Проходи, садись — «Вася из Хакасии»!

— Вы нам дали тогда по десять рублей — комсомольцам школы номер семь.

— Если мало, могу доплатить!

— Нет, Иван Александрович, я не за этим, — Вася присел на кончик стула. — Я поступаю в институт кинематографии...

— Уж не режиссерский ли факультет, пройдя у меня «ассистентскую» практику?

— На операторский.

— Ты умеешь фотографировать?

— У меня есть аппарат «Смена», — Вася полез было в полевую сумку. — Экзамены за школу я сдал...

Зазвонил телефон. Режиссер дал отмашку: чтоб не показывал ему камеру — а в трубку, выслушав абонента, строго:

— У меня как у депутата есть приемные дни, в стенах студии я режиссер-постановщик! — продолжать разговор не стал.

— Я сделаю снимки, которые нужны...

— Снимков ты не сделаешь, — перебил сидевший в кресле-вертушке и Васю. — Кадр щелкнуть ты можешь, но не снять. Извини, что долго разговаривать с тобой не могу! Поезжай домой, я дам тебе денег на билет, — режиссер достал из кармана увесистый бумажник. — Небось рубля лишнего нет?..

— Есть, могу показать!.. Вася поднялся со стула, начал расстегивать брюки... — Мама зашила мне триста рублей в трусы...

— погоди!.. Не смей снимать трусы! Прекрати этот балаган! Г о д у тебя уйдет на изучение основ фотодела, научись хорошо снимать, и тогда...

— Мне не нужно денег, — парень подтянул брюки.

— Он меня до кондрашки доведет!..

— Я его уговорил, дядя Паша, тетя Вера! — гордился у Аникиных своими успехами абитуриент. — Он снял трубку и при мне позвонил...

— Министру кинематографии? — вырвалось у Веры Максимовны.

— Нет, в отдел учебных заведений. Там главный Памфилов... — глянул в памятку, написанную рукой режиссера, — Балтасар Валерьянович: он меня завтра примет.

— Что ж, уповай на Бога, хоть ты и не верующий, — положил руку на плечо юноши Павел Николаевич.

— Я вообще-то комсомолец, — Вася показал на значок ВЛКСМ, украшающий вельветку, — но мне иногда кажется, что Бог есть. А в Москве столько церквей и церквушек, что просто нельзя... не задуматься.

В МИНИСТЕРСТВЕ

Вывеска министерства кинематографии. В Гнездиновском переулке, рядом с улицей Горького, ведутся дорожные работы: вскрывается асфальт. Шум, гул...

Вася в бюро пропусков спрашивает:

— Есть на меня пропуск — моя фамилия Кирбижеков?

Вахтер — пожилой человек с морщинистым лицом, острыми, внимательными глазами — орденоседец. Планки в три ряда на сером пиджаке. Надев очки, убедился, что заявка есть. Спросил только:

— Паспорт с собой?

Вася протянул главный документ.

— «Кирбижеков Василий Ильич». Все верно! — Парень было за турникет, но слышит:

— Ты, похоже, впервые получаешь пропуск в министерское учреждение? — протянул бумажный квиток, рассеченный красной полосой.

Вася кивнул.

— Пропуск ты обязан подписать у лица, к которому идешь. На выходе вернешь мне... Скажи теперь: отец твой не был на Финской войне?

— Он в Великую Отечественную погиб.

— У нас в дивизионе был артиллерийский разведчик. С хакасской фамилией, кончается на «беков». Храбрец из храбрецов! Вот я и спросил...

— Я в киноинститут поступаю, — объяснил Вася. — Но у меня недобор фотографий!..

Принялся объяснять ситуацию. Вахтер задумался:

— Знаешь, Вильям Шекспир по этому случаю сказал: «Как мухам дети в шутку, нам боги любят крылья обрывать». Чинуша, к которому ты идешь, трус и перестраховщик. Он тебе откажет. А ты ему пригрози: «Я п о й д у в ы ш е». Куда — не уточняй. Выше этажом находится кабинет министра. «Страхосеря» сообразит, что ты — «национальный кадр», с тобой можно в историю влипнуть... Понял? А теперь иди, да на паркете не скользи!

Пол на этажах и впрямь паркетный, скользкий, но больше всего Васю удивила ручка двери, похожая на белый многогранный бриллиант круглой формы. Взялся за «бриллиант», словно минер за незнакомый ему взрыватель, приоткрыл украшенную золотыми позументами дверь, вошел.

За громадным столом, на котором ничего, кроме телефонного аппарата, не стояло, не лежало, сидел еще совсем моложавый человек — с головой, обритой наголо.

Костюм на чиновнике с иголочки, руки моржовыми лапами сложены на столешнице.

— Здравствуй, Балтасар Валерьянович! — проговорил вошедший. — Мир не без добрых людей.

Пауза.

— Вы — юридивый? — спросил сидевший за пустым столом.

— Нет. Я поступаю во ВГИК.

— Одно другого не исключает.

За окнами послышалась дробь отбойного молотка. Вася «пустился» в жестикуляцию.

Увы, ответ чинуши не порадовал:

— Режиссер Пырьев Иван Александрович ввел меня в курс ваших экстраординарных обстоятельств. Они удивили меня: как мог председатель приемной комиссии выдать вам экзаменационный лист?! Это нонсенс. Сдавать экзамены на операторский факультет — не представив фотографий? Ставить телегу впереди лошади! Дайте сюда ваш пропуск!

Черкнул закорючку-подпись, вернул абитуриенту.

Вася даже не осознал толком, как оказался в коридоре. Шел, еле переставляя ноги, по красной ковровой дорожке.

И вдруг, словно глас с небес, голос вахтера: «Он — страхосеря, а над ним кабинет министра кинематографии...»

Вася, сделав крутой разворот, вернулся к двери с «бриллиантовой» ручкой, приотворил ее:

— Я пойду выше! — сказал и засеменил на лестничную площадку. Показалось — сзади прозвучал... милицейский свисток!

На самом деле Памфилов лишь выглянул из кабинета, позвал:

— Каржанбеков — вернись! Ты прямо... как ваша корова Груня по льду... — достав из стола бумагу с гербом министерства, стал что-то писать на ней.

— Какая «наша» корова? — насупился парень.

— Газет не читаешь! Груня из Хакасии по надоям молока — украшение павильона вашей автономии на ВСХВ... Вот ее бы тебе снять и представить в институт... Возьми! — протянул через стол бумагу.

ВСХВ

Вася шел по территории ВСХВ (ныне — ВДНХ) и снимал фонтаны. Чашу, окаймленную позолоченными фигурами — фонтан Дружбы народов, — обошел не один раз.

В памяти всплыли кадры из фильма режиссера Пырьева «Свинарка и пастух», в ушах звучала незабываемая песня: «Хорошо на московском просторе! Светят звезды Кремля в синеве. И как реки встречаются в море, так встречаются люди в Москве...»

...Дошел фотограф и до павильона «Восточная Сибирь», в который родная Хакасия — часть экспозиции Красноярского края.

— Вам, наверно, Груня нужна, корова-рекордистка? — спрашивает человек в фетровой шляпе.

Вася кивает, не отказав себе в привычном балагурстве:

— Я спецкор «Пионерской правды»...

— Ее уж столько раз снимали: наши журналисты и зарубежные... Пройдемте со мной!.. В час утренней дойки она вряд ли согласится позировать.

Вася радостно глазел по сторонам.

— Вы хакас?

— Да.

— Будем знакомы: мы с вами — земляки. Горобец Петр Иванович. А вот и наша Груня.

Корова поражала своими размерами — от рогов до вымени: этакая живая цистерна на четырех ногах!

Девушке в белом халате, занятой дойкой, Горобец сказал предупредительно:

— Тася, не отвлекайся! Товарищ спецкор снимет сначала тебя для газеты, а потом — корову.

И как-то незаметно упорхнул в сторону. Когда доярка выпрямилась во весь рост, Вася обомлел: перед ним стояла... Тася Кирчакова.

Бывшие одноклассники обнялись — пролетавший над павильоном спортивный «Як» заглушил голоса...

Позже Вася услышал:

— Петр Иванович — директор нашего павильона, хороший человек. Он приходится дядей Марату Туринову.

— А «Тимирязевка»? — насторожился Вася.

— Я завалила физику. Тебя не было — никто не прикрыл. Что было делать?.. — Тася приласкала корову. — Тихо, Грушенька, тихо!.. Домой ехать — со стыда согреть. Петр Иванович помог, устроил сюда. На ВСХВ есть общежитие для обслуживающего персонала... Подготовлюсь зимой и поступлю в академию, как все — без шпаргалок... А твой ВГИК совсем рядом, будем встречаться...

— Так он и даст нам встречаться!

— Кто?

— Марат.

— Я что, в наложницах у него?!

— Для него ты — слабый пол, а он — сильный.

— Не ревнуй. Я очень по тебе скучала, В а с я! — тронула пальчиком фотокамеру. — Так ты будешь меня снимать?..

ПИСЬМО МАТЕРИ

«Дорогая мама! Мне разрешено учиться в киноинституте. Есть трудности, но с ними можно справиться. Живу в деревне Мамонтовка. Под Москвой, где институт расселил студентов по избам. В самой Москве общежитие только строится.

Как проходит мой день?

Встаю в 6 утра. Завтракаю и бегу на электрический поезд...»

Васе и впрямь достался угол в покосившемся доме, где помещались в тесноте, но не в обиде за те трудные, послевоенные времена две кровати.

Завтрак — кружка чая с сахаром или овсяный кофе. Кусок хлеба с повидлом — сливочное масло «условно принятый» позволит себе покапать лишь после первой сессии, когда будет получать стипендию...

Бег на электричку...

Езда в переполненном вагоне — без «сидячих» мест...

Выход на платформе «Яуза», от которой до института «всего ничего» — около 3-х километров пешком.

«Лекции начинаются в 9 часов. Я что-то записываю, а что-то фотографирую — на доске, чтобы лучше усвоить: просто и удобно...»

Так все и было! Ведь проявить в институтской фотолаборатории пленки, напечатать карточки труда не составляло...

«После лекций занимаюсь в читальном зале при институтской библиотеке...»

На столе «25 уроков фотографии» — в добавление к тем фотоконспектам (основы оптики, физические и химические процессы с рядами формул и схем), которые изготовил сам...

«Обедаю, а заодно и ужинаю в столовой ОРС, которая рядом с институтом, цены доступные... Все же я устроился работать, мне платят зарплату. Так что денег мне не посылай! Береги себя, милая моя, одинокая мамочка! Работа не тяжелая: обхожу пути, по которым ездят поезда метро. После ночной смены двое суток отдыха, а для меня — учебы в институте...»

Да, труд подземного «смотрителя путей» внешне прост, не надсаден. Молоток с длинной рукояткой в руки и — пошел! От Комсомольской до Белорусской через Ботанический сад и Новослободскую...

Тук-тук, тук-тук!.. Но отчего же тогда здесь именно в системе метрополитена постоянная текучесть кадров — так что приходится «заманивать» даже студентов под землю?

А все потому, что и физически, и психологически это тяжело — когда попробуешь сам стать ходоком по пустым ночным туннелям. Тук-тук, тук-тук!..

НЕ ВЗЯВШАЯ РАСЧЕТ

— Кирчакова у нас больше не работает!

Ответ уборщицы павильона «Советская Сибирь» —обескураживает Васю. Он недоумевает: — Как это? Вчера работала, а сегодня не работает?!

— Она еще третьего дня собрала вещички и подалась в город. Даже постельное белье не сдала коменданту общежития...

...Петру Ивановичу Горобцу оставалось только добавить:

— Даже расчет не взяла: исчезла, «как мимолетное видение»!

— Мы с ней в зоне отдыха на карусели катались — неделю назад.

— «Женская душа — потемки», Вася! — покачал головой директор павильона. — Жизнь проживешь, сам убедишься... Может быть, с племянником моим повздорила? Их-то на уборку должны отправить, «тириязевцев» — в подшефные колхозы. Может, ждал от девушки «напутственной ласки», да не дождался! Оба, как я успел убедиться, с характером: коса на камень...

Как было знать виковцу про разговор у Марата с А с е й (как он ее называл) — тоже недавний, тоже на территории Выставки, в кафе «Мороженое». Тогда и впрямь нашла коса на камень:

— Я все про этот киноинститут узнал! — Марат оттянул пальцем ворот белоснежного свитера, слишком душный для дня бабьего лета. — Он не для нас, провинциалов. Слышала такое слово «коллоквиум»?

— От Васи нет.

— А для тебя имеет значение только то, что Вася говорит?

— Что люди говорят — не со зла.

— Он, значит, добрый, а я злой?

— Ты — сильный, а сильные — только не думай, что я имею в виду тебя! — сильные люди часто злые.

— Ася, мир построили сильные люди. И еще умные! А коллоквиум — это собеседование. Когда проверяют уровень развития человека. Только не думай, что я ревную! Но Вася... «Приют убогого чухонца»! Он не пройдет собеседование, его отчислят.

— Он уже ходит на лекции...

— Это ни о чем не говорит. У него нет студенческого билета, есть справка, разрешающая посещать лекции...

Потом они гуляли по городу-сказке, воплощенной мечте о колхозном счастье. Но ни настоящее, ни перспективы колхозного строительства не радовали сегодня молодых людей. И разговор все о том же:

— Вася вернется домой, его призовут в армию, — Марат пробовал взять девушку под руку: она не давалась. — Здоровый парень — иди на флот на четыре года. На четыре, Ася!..

Вышли к фонтану Дружбы Народов. Засмотрелись на водяной фейерверк струй.

— Отслужит, вернется, — отвергла все доводы Тася. — А ты вот даже плавать не умеешь: воды боишься!

— Я боюсь воды?! Хочешь, в фонтан прыгну: только дай тебя поцеловать!

Ухватил «доярку» за плечи, развернул к себе, впился губами в ее губы. А потом с каменного края чаши прыгнул-таки в фонтан! Слово батыра!

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Встревоженный Вася поспешил на другой конец Москвы — в общежитие «Тимирязевки».

Благоустроенный корпус опустел: выезд на поля Подмосковья обязателен для всех курсов.

Но стучат-таки чьи-то каблуки по коридору первого этажа. К столу дежурной по корпусу выходит студентка и — всплескивает руками:

— Вася? Кирбижеков?!

— Оксана?? — обрадовался и тот. — Вот уж не ожидал... Говорят, все ваши в разъезде: «уборка дело сезонное», как нас учит товарищ Сталин...

— И я была на уборке — на картошке! — говорит Петрич. — Но узнала, что Марат Туринов заболел, приехала... Пойду в магазин. А он в 117-й комнате на третьем этаже. С температурой! — Дежурной вахтерше: — Пропустите, пожалуйста! Это наш земляк, студент института кинематографии!

— Пока еще полустудент, вольнослушатель. А что с Маратом?

— Осложнение после ангины.

Вид у Марата, лежащего на кровати, и впрямь болезненный, горло стянуто компрессом. Не здороваясь, сказал — как огрызнулся:

— Хочешь спросить, где Кирчакова? Не знаю.

Вася проглотил пилюлю, вынул из все той, школьных времен, полевой сумки на ремне фотоаппарат. Сказал:

— Я бы все равно к тебе приехал: вернуть камеру, навестить, — положил «Смену» на тумбочку у кровати. — Спасибо, Марат... Кассета была засвечена, но я ее заменил.

— Может, я ее засветил?

И это Вася стерпел, хмыкнул:

— «Может»... Засветили, скорее всего, в милиции. Мосты через Москву-реку снимать нельзя.

— Хорошо, что не в МГБ.

— К тебе вот Оксана Петрич приехала, когда заболел, а если бы меня, «японского шпиона», услали куда подальше — кто бы для меня сухари сушил?

— Сам виноват. Ася мне сказала, что ты проходишь ей не давал на Выставке. Пользуясь тем, что институт рядом.

Такое Вася стерпеть не мог:

— Ты свое имя «Марат» пока еще не сменил на «Махмуда»? Так не ври! Как М а р а т не врал, когда на трибуну выходил... — Сбавив тон: — Мы с Тасей всего три раза виделись — пока она не пропала... не ушла с Выставки. Может, другую работу нашла?

— Не знаю.

В комнату вошла Оксана:

— Мальчики, будем обедать! — открыла увесистую сумку, полную продуктов.

Но вгиковец порывисто встал:

— Спасибо, Оксана. Я сыт.

Протянул руку бывшей однокласснице, прощаясь, а «героя французской революции» удостоил лишь беглым взглядом.

ГЕНЕРАЛ

Киноинститут. Аудитория с надписью на двери: «Военная кафедра».

Ящик с песком для занятий по тактике, планшеты на стенах с изображением оружия и военной техники.

Вася Кирбижеков обращается к начальнику кафедры генерал-майору Зайцеву, седовласому старикану в кителе, густо усыпанном перхотью. В руках у завкафедрой части разобранного гранатомета:

— Разрешите, товарищ генерал, пригласить вас в фотопавильон: хочу снять вас... сделать хороший фотопортрет. На память!

— Фамилия?

— Кирбижеков.

— Оператор?

— Так точно.

— Первокурсник?

— Так точно.

— То-то лицо мне твое незнакомо, — генерал начал собирать тогдашнюю новинку стрелкового оружия. — Оператор, может, и получится из тебя, а в дипломаты не годишься. «На память»... А то я не знаю, что для операторов фотопортрет — это первое учебное задание. Приведет в павильон какого-нибудь ханыгу, пьяницу, нигде не работающего, обрядит в тельняшку, напялит на него зюйд-вестку и готов «Портрет рыбака». Так ведь?

— Натурщикам платят-то всего три рубля за сеанс! Кто, кроме ханыг, к нам пойдет?

— Ну да! — Генерал вскинул «Фауст-патрон», глянул на студента через прицельную рамку. — Ты же нашел дурачка на военной кафедре!.. Ладно, приду — на «портрет генерала».

Фотопавильон. Генерал сидит на стуле, установленном на невысоком подиуме. Вкруг — «бэбики», малые осветительные приборы: кисти и краски светоживописи. «Оператор рисует светом».

«ФЭД» на штативе, Вася, то и дело прикивая взглядом к камере, в творческом горении, в хлопотах.

Не сразу обращает внимание на человека в кожаной куртке. А заметив, представляет его «натурщику»:

— Товарищ генерал, это декан нашего операторского факультета, но вы, конечно, знакомы!

— Не имею чести знать, — роняет начальник военной кафедры.

— С юмором у тебя, Василий, проблем нет, — хмурится человек в куртке, — это я давно заметил. А вот со вкусом... Работаешь над «Портретом генерала».

— Так точно!

— Но разве это генерал? Где, у какой распивочной ты его нашел? Вахлак в мундире, а не полководец победоносной Советской Армии!

Не были тогда в бытовой да и в письменной речи в употреблении слова «шок», «стресс». У Васи, если вспомнить тогдашний словарь, отвалилась челюсть...

Начальник военной кафедры встал, одернул мундир:

— Вы кто такой? — спросил мэтра, облаченного в черную тужурку заграничного фасона.

— Я кинооператор, лауреат Сталинской премии...

— А я боевой генерал, — тихо, но властно перебил ветеран «мастера света». — Кавалер трех орденов и семи медалей. Участник боев за Ржев...

Декан, хоть и побледнел, а нашелся:

— Но Ржев вы так и не взяли!

— Мы взяли потом Берлин.

— Я уважаю ваши седины, но...

— Нам не здесь по-мужски объясняться! — генерал указал на студента. — Мешаем молодому человеку выполнять учебную работу.

— Согласен... Простите...

Декан ретировался. Ветеран вновь занял место на подиуме:

— Кто вахлак, а кто дурак, надо еще посмотреть, что хуже!

ПЕЛ СОЛОВУШКА ПОД ЗЕМЛЕЙ

Туннель метрополитена.

Тускло блестящие головки рельс.

Вася Кирбижеков на обходе участка. Стук молотка гулко разносится по пустому туннелю.

Из-за поворота выезжает дрезина. Обходчик сходит с полотна.

Дрезина тормозит. С прицепленной к ней платформы слезают ремонтники, электрики, уборщики помещений. Они в спецовках, женщины в черных беретах на головах.

Васю, когда он, продолжая свой путь, обходит дрезину, останавливает звук... губной гармошки. Это широко известная на просторах «великой семьи народов» песня «Сулико». «Кто-то и слова вспомнил»:

— *«Я могилу милой искал.*

Но ее найти нелегко!

Долго я томился и страдал:

«Где же ты, моя Сулико?»

Сменился на светофоре запретительный красный огонь на разрешающий зеленый: свистнув, дрезина, дав короткий свисток, продолжила свой путь.

Перед Васей — когда он подошел к женщинам — стояла с прижатой к губам гармошкой... Т а с я К и р ч а к о в а.

С работы шли вместе, взявшись за руки, по безлюдной предрассветной Москве.

— Марат Туринов, — рассказывала Тася, — прилип ко мне, как банный лист. Сначала просил переехать к его дяде: легче заниматься по школьным предметам... Я не согласилась: дядя — одно, а он, Марат, с его «силой воли», — другое...

— Наглой воли! — вставил, сдерживая гнев, Вася.

— Потом начал лезть с поцелуями, в фонтаны прыгать... Я сказала себе: лучше буду уборщицей в метро, чем дояркой! И ушла.

— Даже не взяв расчет?

— Не думала об этом. В метро, ты сам убедился, люди нужны всегда.

— А живешь где?

— В общежитии. У Метрополитена их несколько. О себе скажи! Как ты?..

— По-разному. Срочно нужно сделать хороший фотопортрет. За «Генерала» меня похвалили, но...

— Сними меня! Только вот хорошего платья у меня нет..

Васю осенило:

— Это мысль!.. Приходи завтра в институт. Ты красавица и без платья... я в том смысле, что в любом платье! Во ВГИКе есть костюмерная: выберешь, что тебе понравится.

СТУДЕНТ

В нарядном платье, сидя на подиуме, Тася Кирчакова смотрится «звездой Востока».

Вася уточняет композицию, работая с «бэбиком», потом просит натурщицу улыбнуться и — щелкает затвором аппарата.

Кабинет ректора ВГИКа.

— А это кто? — спрашивает Головин, отложив в сторону «Портрет генерала».

— Уборщица в метро, — избегает прямого ответа Вася.

— Не землячка твоя? Как зовут красавицу?

— Тася. Анастасия Кирчакова.

— Я прихраню этот снимок, — ректор кладет фотографию в стол, из которого вынимает словно взамен — документ. — С заданием ты справился, а уговор дорожке денег. Получай!

На вожденной книжечке тиснуто золотом:

«ВГИК. Студенческий билет».

Проводив новоиспеченного полноправного студента, Головин поднимает телефонную трубку, набирает номер:

— Это справочное «Мосфильма»? Как мне связаться с Иваном Александровичем Пырьевым?.. Благодарю.

Новый ряд цифр, и один «киношник» радуется другому:

— Иван Александрович, приветствую вас! Это Головин Анатолий Николаевич... Мне всегда доставляло удовольствие хотя бы в чем-то быть участником вашего творческого процесса. Слышал, что вы ищете актрису — новую, не насмотренную — на роль девушки-табунщицы в фильм «Дочь степей». Пришлите ко мне во ВГИК своего ассистента по актерам... Случай, как известно, судьбы господин!..

НЕ УДЕРЖАТЬ ДУШИ ПОРЫВЫ

Осень выдалась теплой, всей работы на полях не переделаешь, но и учебный год в академии им. К. И. Тимирязева ждать не будет. Пришла пора уезжать, селяне провожали студентов. Не обошлось без гармоней, плакатов: «КОЛХОЗНОЕ ТРУДОВОЕ СПАСИБО ШЕФАМ-ТИМИРЯЗЕВЦАМ!» «ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ В НОВОМ УЧЕБНОМ ГОДУ!»

Марат Туринов, Оксана Петрич, Денис Богатыренко тряслись потом на заднем сиденье автобуса.

Оксана, что ни колдобина, валится со смехом на Марата, словно просясь ему на колени. Но тот лишь помогает ей занять прежнее положение. «Очкарик» Денис запеваёт: «У московских студентов горячая кровь! Неподкупные души и светлые лица»...

Песню подхватывают:

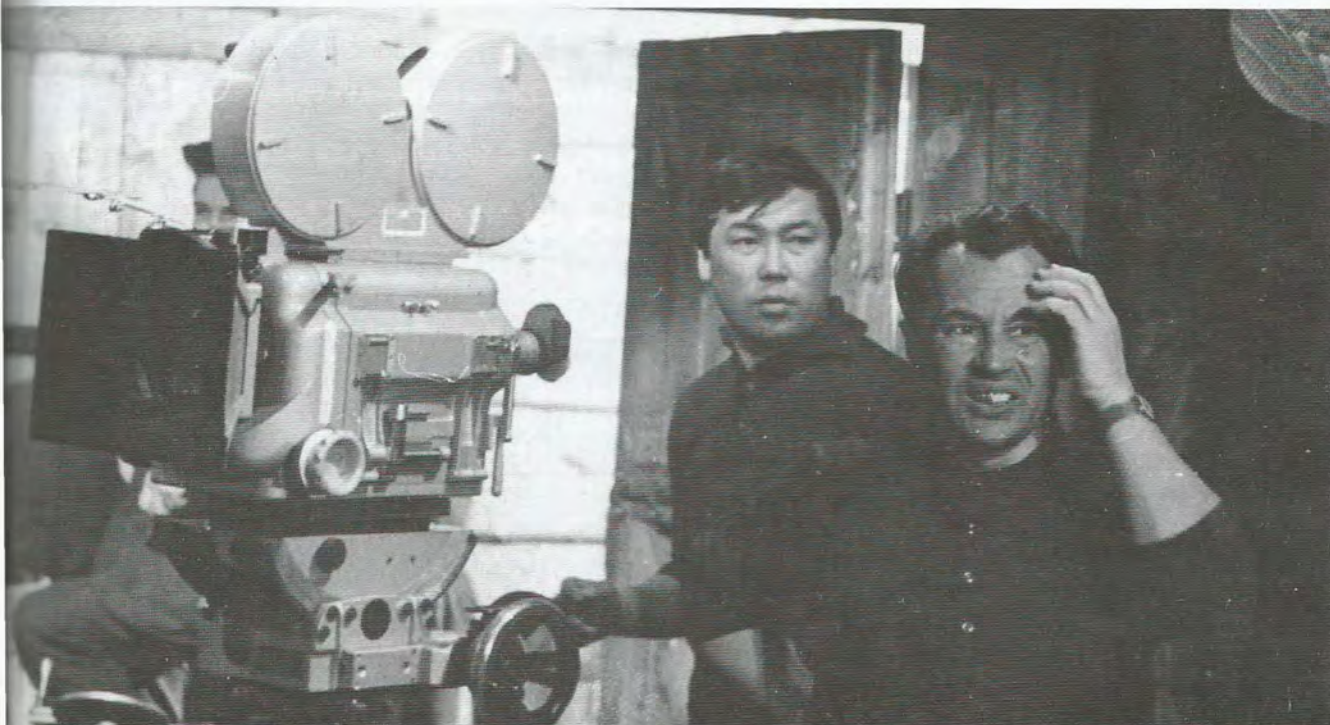
«От днепровских садов

И сибирских лесов

Собрались мы в твою

Общежития, столица!»

А далеко впереди, в Подмоскovie, работает съёмочная группа.

На съемках слева направо: В. Кирбижеков, Я. Лапшин

«Хлопушкой» в кино называется дощечка, окрашенная в черный цвет, с планкой над ней, снабженной рукояткой. На дощечке белой краской пишется название фильма, а помреж — помощник режиссера — мелом ведет счет отснятым кадрам. Помрежи — они, как юнги на кораблях: в женских юбках. Такая девушка начинает съемку: громко произносит номер кадра и, пользуясь рукояткой, хлопает планкой по дощечке. Звук пишется на черную фонограмму, чтобы режиссер, когда дело дойдет до монтажного стола, имел под рукой и изображение, и «подложенный» к нему звук.

...На «хлопушке» с названием фильма «ДОЧЬ СТЕПЕЙ» читается в скобках слово «К и н о п р о б а». Знак того, что пока ведется лишь подбор актеров — с выездом на натуре. Героиня-степнячка немыслима без коня, а того не заведешь в павильон. Вот и нашли под Москвой поляну, образ степи. Конь расседланный, актриса на нем — в расшитом национальным орнаментом кафтане, с «пастушьей дудкой» в руке. Постановщик будущего фильма Иван Александрович Пырьев всматривается пристально в претендентку на главную роль...

Автобус с «timiразевцами» проезжает мимо развернутого возле шоссе «табора киношников»...

— Да ведь это Кирчакова — на коне! — вскрикивает, узнав землячку, Марат Туринов. — Это Ася!..

И, не мешкая ни секунды, устремляется к кабине водителя:

— Эй, друг! Останови — выпусти меня...

— Марат! — меняется в лице Оксана Петрич. — Мы ждать не будем...

Но тот вряд ли даже имя свое расслышал, а уж предупреждение ему вовсе нипочем. Со всех ног бросился к съемочной площадке!

Из окна автобуса видно, как, подбежав к «степнячке», парень окликнул сидящую на коне, как Т а с я улыбнулась ему — обомлев: «Откуда взялся?!»

Видно и то, что всполошились кинематографисты: бросились к пассажиру автобуса, сорвавшему съемку кадра...

— Вот псих!.. — вырвалось у Оксаны Петрич.

Да и впрямь: как назвать парня, который и на коня вскочил — на глазах у изумленных киношников! — и поводья перехватил у сидевшей верхом, и, сжав всадницу локтями, лихо, по-кавалерийски, развернул коня в сторону темнеющего на горизонте леса.

Только и осталась от «дочери степей»... пастушья дудка!

ЩЕНОК

Для путеобходчика Васи Кирбижекова рабочая смена кончалась так:

...сдал мастеру молоток и измерительный инструмент;

...принял душ;

...переоделся;

...двинулся к выходу на улицу.

Но в тот день его внимание привлекла «хвостатая парочка» — сука и похожий на нее щен.

Как они попали в метро, на станцию? Пассажиров в такую рань мало, прошли безбоязненно турникеты, эскалатор?..

Вслед уже бежала женщина-контролер: «Где псы?!».

Четвероногие были уже посреди платформы.

Подошедший поезд открыл двери...

Сука — в вагон, а «малыш» не успел!

Поезд тронулся, щенок испуганно вилял хвостом...

Вася поспешил к бедолаге, а тот — спрыгнул на полотно!

Оказавшись между рельсами, растерялся: вперед ему бежать или назад?

А гул очередного состава уже слышен.

Контролерше охать да причитать со стенки платформы — а парень, долго не раздумывая, устремился на помощь.

Не хватало, чтобы «малыш» зацепил контактный провод!

Догнал щенка, схватил его, швырнул — под визг тормозящего состава! — на платформу.

А сам увернуться от вагона-локомотива не успел: с б и л о на рельсы...

ПИСЬМО МАТЕРИ

Его пришлось вгиковцу-путеобходчику диктовать сидящей у больничной койки медсестре:

«Дорогая, горячо любимая мама! Почему ты так мало пишешь о своем здоровье? Зачем послала деньги, хотя я просил не посылать?

У меня все хорошо. Лежу в больнице с сотрясением мозга, но скоро выписываюсь.

Тася Кирчакова тоже работала в метро. Уборщицей, мы часто виделись, но она непоседа. Опять уволилась. Или домой вернулась? Скажи, если встретишь, что я очень по ней скучаю. Я ее люблю, очень люблю, только не знаю, как ей об этом сказать?..»

СВЕТ КРЕМЛЕВСКИХ ЗВЕЗД

Это очень красивая, многолетняя — для горожан, для гостей Москвы — традиция: встречать Новый год на Красной площади!

Не скажешь, что яблоку негде упасть: площадь велика, но ликующая, праздничная толпа тем гуще, чем ближе к Спасской башне, Собору Василия Блаженного, памятнику Минину и Пожарскому.

Из вгиковского фольклора: ученый — головаст, боксер — рукаст, кинооператор — глазаст. Видеть окружающий мир в рамке кадра, с т а в и т ь на него свет — шестое чувство профессии.

Почему и увиделось Васе Кирбижекову лицо любимой девушки — в ореоле лучей «бэбиков». Отчего показалось сказочным образом: как в него поверить.

— Тася? Кирчакова?!

Бросились друг другу в объятия...

— Я загадал: если ты в Москве, придешь сегодня сюда, на Красную площадь!..

— Я тоже была уверена!..

Рядом послышалось: «Тише! Караул идет!..»

Это — к выходу из ворот Спасской башни почетного караула, что направляется, чеканя шаг, к Мавзолею.

Зрелище завораживает.

Вася полушепотом:

— Где ты работаешь?

Тася ему в тон:

— В зоопарке.

— А кино? «Дочь степей»?.. Я все про тебя узнал. И то, что Марат Туринов умыкнул тебя...

— Он сломал ногу, когда спрыгнул с коня в лесу. Мне пришлось везти его на шоссе, а после на попутной в травматологию...

— Допрыгался!..

— Не говори так... Смотри!!

Тася увидела земляков первая. В нескольких шагах от них стоят, наблюдают церемониал двое — Марат Туринов (на костылях) и поддерживающая его Оксана Петрич.

Бой курантов. Счет ударов.

Слившиеся стрелки часов.

Всплеск торжества на площади! Хлопанье пробок шампанского!

Тут никто не укроется ни от кого, и скоро один хакас тискает в объятиях другого:

— Марат, чертяга! — Вася и обнимает, и поддерживает земляка на костылях, чтобы не упал на скользкую брусчатку.

— Махмуд, — поправляет, однако, тот.

Девушки, слившись в объятиях, подпрыгивают на месте от возбуждения!

А тут еще круглолицый, щекастый отрок — с фотоаппаратом на груди. Представляется по-мальчишески:

— Извините! Я корреспондент «Пионерской правды». Можно задать вам вопрос: чего вы ждете от Нового года?

— Счастья, коллега! — прищуривает глаз Вася.

— Вы фотограф?

— Бывший. Сменил «лейку» на кинокамеру.

— А вы? — обращается спецкор к Махмуду.

— Хочу избавиться от костылей, — бурчит тот.

— Девушки, наверное, ждут любви? — как-то слишком по-взрослому спрашивает юный спецкор.

Оксана потрепала его по голове: — Ты еще пионер, а уже знаешь про главное человеческое счастье?

— Я ВЛКСМ, — без тени улыбки отвечает «интервьюер».

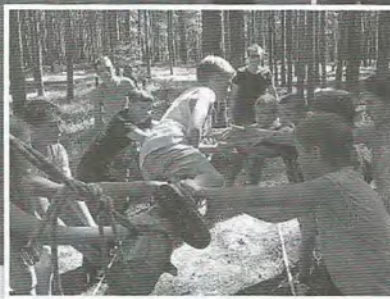
— Комсомолец? — Тася чувствует подвох.

— Моя мама говорит, что «ВЛКСМ» расшифровывается так: «Вино Любви, Которое Сохраняет Молодость». Можно, я вас сфотографирую всех вместе?

Камера у спецкора со вспышкой.

Уроженцы далекой, равноправной в семье народов и народностей СССР автономии, встав тесным рядом на фоне Спасской башни, горящей над ней Звезды, превращаются в фотографию, венчая правдивую экранную историю.

Специальные программы отдыха для школьников на базе отдыха «Хрустальная»

Доброй традицией становятся выезды групп школьников разных возрастов на базу отдыха «Хрустальная». Школьники и их родители получают удовольствие от пребывания на базе в любое время года, совмещая активный отдых на свежем воздухе, с посещением бассейна, проведением семинаров и тренингов.

Почему родители и педагоги все чаще выбирают базу отдыха «Хрустальная»? Мы провели опрос среди родителей и педагогов отдыхающих школьников. Оказалось, что на выбор «Хрустальной» повлияли следующие факторы:

- Расположение базы: «Хрустальная» находится в всего в 30 км от города по московскому тракту. От ТЦ Мега до базы на машине можно добраться всего за 20 минут. Дорога отличная! Заказать комфортабельный автобус сейчас не проблема.
- Некоторые группы предпочитают добираться на электричке (более экономичный вариант). От железнодорожной станции до базы можно добраться пешком за 10 минут
- Охраняемая территория базы отдыха и весенняя обработка от клещей. Многие родители считают, что в наше время нет мелочей — нужно минимизировать все риски, связанные с активным загородным отдыхом детей.
- Внимательные и заботливые сотрудники базы, которые делают все и даже чуть больше, чтобы обеспечить комфортное пребывание на базе каждого гостя.
- Инфраструктура базы: наличие разных по вместимости залов от 30 до 150 человек, спортивных площадок для игры в волейбол, футбол, пейнтбол, аппаратуры для проведения внеклассных семинаров и тренингов.
- Наличие полноценного 25 метрового бассейна с артезианской водой и финской сауной.
- Высокое качество питания (завтраки, обеды, ужины, кофе-брейки, фуршеты, банкеты)
- Специально разработанные веревочные тренинги и интерактивные игры для школьников разных возра-

тов, которые проводятся под руководством опытных инструкторов. Программы ориентированы не только на активный отдых и физическое развитие детей, они еще включают в себя командообразование, сплочение коллектива, вырабатывают у детей ответственность и развивают воображение. Что немаловажно, педагоги и родители могут получать удовольствие от отдыха и не включаться в организационный процесс.

Большой популярностью у родителей отдыхающих школьников пользуется спа-центр в бассейне, где за очень не большую плату можно получить разнообразные массажи и косметические процедуры.

Относительно новое направление на базе — творческие мастерские (лепка из глины, декупаж, подарки своими руками), где ребята под руководством опытных художников могут реализовать свои таланты. Каждый школьник, посетивший мастерскую, увезет домой, помимо хороших эмоций и заряда бодрости, сувенир, сделанный своими руками.

Все участники опроса отметили, что одним из ключевых моментов в выборе базы отдыха «Хрустальная» для отдыха школьных групп является экономическая составляющая: все услуги можно получить по очень доступным ценам, но с достойным уровнем сервиса.

Так, например, проживание для школьников в номерах эконом-класса стоит 350 рублей с человека, 3-х разовое питание — 400 рублей, посещение бассейна 140 рублей, веревочные тренинги или посещение творческой мастерской от 150 рублей.

Специалисты службы бронирования базы отдыха «Хрустальная» ждут Ваших вопросов по организации отдыха для детей по тел.:

(343) 213-76-16, 213-76-26

и подберут для Вас оптимальный вариант с учетом Ваших потребностей и пожеланий.

www.базахрустальная.рф

Всеволод Липатов
Фото Людмилы Липатовой

Русский бог — спаситель язычников

Путешествие по Уралу. ЯНАО

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Духовная жизнь кочевников (так до революции называли кочевников), живущих на полуострове Ямал, до сих пор полна загадок. И это несмотря на целые поколения этнографов, изучающих их взаимоотношения с окружающим миром.

Многие бы хотели узнать что-нибудь из их религии — что-нибудь такое-эдакое, тем более что шаманизм и язычество сейчас стали модой. Но лезть со своим уставом в чужой монастырь опасно, можно и по роже получить. Однако ямальские аборигены — народ спокойный, в подобных случаях любопытным элементарно дают отворот-поворот. Нет, никто не будет приезжих ругать и посылать куда подальше, просто-напросто с ними никто не будет разговаривать, отделиваясь ничего не значащими фразами.

А этот ларчик открывается легко: надо прожить с ними не один день, съесть немало сырого мяса и рыбы, выпить горячего чая, разговаривать честно и по душам, и тогда кто-нибудь из них согласится приоткрыть завесу их духовной жизни.

Но совсем не обязательно ехать в тундру и там лезть с назойливыми расспросами к оленеводам, когда можно взять в библиотеке книги путешественников и исследователей, благо, многие из них оставили после себя вполне солидные научные труды, которым можно доверять.

Это было небольшое вступление, прежде чем начать рассказ о событиях, которые в XIX веке потрясли многих людей до глубины души, вызвав немало разговоров и слухов.

Сразу отметим, пантеон богов у ненцев и ханты весьма большой, и, чтобы его изучить, потребуется много времени. И это несмотря на то, что большинство из них крестились. Впрочем, до революции православие принимали лишь те, кто хоть какое-то время прожил рядом с русскими поселенцами. А потом уж пришло время совсем другой религии, и только в конце XX века все стало возвращаться на круги своя.

Вообще, отношения с язычеством и православием у ненцев и ханты сложились весьма интересные и своеобразные. И все же по большому счету кочевники до сих пор являются язычниками, несмотря на то, что в каждом чуме есть иконы, так что усилия миссио-

Всеволод Липатов — писатель, историк, пишет сценарии, режиссер, снимает документальные фильмы, ведет передачи на радио. Он передал нам много интересных творений, которые ранее нигде не публиковались.

неров все же не пропали втуне. Вот только привели к совершенно непредсказуемым последствиям.

Здесь надо бы особо отметить, что эти дети тундры практически не умеют врать и придумывать, они всегда рассказывают только то, что видели собственными глазами. Но в XIX веке произошло нечто, трудно объяснимое с научной точки зрения. Кочевники стали свидетелями и невольными участниками событий, к огромному сожалению, навсегда оставшимися скрытыми от глаз русских. Неожиданно оленеводы стали все чаще упоминать о появлении в их жизни нового персонажа. Причем он был неразрывно связан с православной религией. Добавлю, он появился не только в ямальских тундрах, упоминания об его непосредственном и чудодейственном участии в делах человеческих начали поступать даже с русского Дальнего Востока.

Сохранились документальные свидетельства, записанные со слов кочевников, видевших странные, никогда невиданные ими дотоле явления. Царские чиновники и православное духовенство проверяли перепроверяли их, но в итоге официально были вынуждены признать, что христианские чудеса начали появляться в среде язычников.

Об одном таком случае было напечатано в миссионерском журнале «Православный Благовестник», от 1916 года, №12. Привожу краткое содержание событий.

На южном берегу острова Вайгач стояло два самодских чума, где жили семьи Пыерерко и Тайборей. Для своих костров они собирали плавник, выбрасываемый на берег морскими волнами.

10 июня 1916 года за топливом отправились два сына Тайбери: тринадцатилетний Филипп и Прокопий, которому исполнилось всего пять лет. Братья поехали на собачьей упряжке по льду, который сплошной массой лежал вдоль берега. По льду было ехать удобнее, так как берег был изрезан многочисленными ручейками, которые приходилось объезжать. Но зато лед таил в себе трещины и промоины, провалившись в которые, самостоятельно вылезти обратно было затруднительно. Вот на такую ледяную ловушку наткнулись братья. Ширина этой трещины была почти в аршин, а глубина более сажени. В глубине ее темнела холодная морская вода. Не надеясь, что маленький Прокопий перешагнет эту пропасть, Филипп решил перенести его на себе. Вот тут-то и случилось несчастье.

Легко и свободно перескакивая налегке через подобные щели без ноши, Филипп не смог ее преодолеть с братом. Он выпустил Прокопия из рук, и тот упал вниз. Спасла его от неминуемой гибели только широкая малица, она надулась, как пузырь, поэтому он остался на поверхности воды.

Но утешительного было мало. Выбраться обратно нечего было и думать. Напрасно Филипп опускал харей (тонкий длинный шест для погона собак и оленей), малица Прокопия уже впитала в себя

морскую воду, и он стал медленно погружаться в пучину.

Помощь пришла оттуда, откуда ее никто даже не мог ожидать.

Неведомо откуда рядом с коварной расселиной появился человек. Это был седой старец. И хотя он был бос, но в ризе и с православным крестом на груди.

Склонившись над водой, он захватил своими пальцами капюшон малицы и поднял вверх уже бесчувственного мальчика. Нежданный спаситель положил его рядом с Филиппом и исчез так же внезапно, как и появился.

Пораженный этим чудесным спасением, мальчик хотел спросить старца, что же ему теперь делать с бесчувственным братиком, но того уже нигде не было. Тогда он положил Прокопия на нарты и стрелою помчался домой. На стойбище он подробно рассказал о произошедшем чуде. Родители сначала занялись младшим сыном, приводя его в чувство. А потом Филиппа жестоко и нещадно избили. Видимо, за то, что не усмотрел за братом и за вранье.

Согласитесь, поверить в такое трудно.

Потом отец братьев, Иван Федорович, все же решил проверить слова сына, видимо, тот слишком реалистично все описал, а может, уже рассказы о неких странных событиях доходили и до него. Во всяком случае, он немедленно поехал к месту чудесного спасения и внимательнейшим образом осмотрел все следы, которые остались на снегу. Здесь он убедился в истинности слов своего старшего сына.

Эту уверенность Тайборей в нежданном чуде вполне полностью разделили местные чиновники, работавшие на радиотелеграфной станции, расположенной на Вайгаче.

Вскоре молва о чудесном спасении Прокопия Тайборей разнеслась по всему Вайгачу. Правда, язычествующие ненцы хотели было объяснить все это по-своему. В таинственном старике они попытались признать одного из своих языческих богов. Но когда

Иконостас в школе. Фактория Лаборовая

им подробно рассказали, что неведомый старец был одет в православную ризу, а на груди у него висел святой крест, то «молчаливо поникли головами и согласились с неизбежным».

Прочитав эту статью, я, выросший во времена воинствующего атеизма, с невольным подозрением отнесся к этому материалу. Ну мало ли что придумают церковники для пропаганды своей веры! Неожиданно цепь событий подбросила мне в руки книгу Константина Носилова «Таинственное из жизни самоедов. На Новой Земле: Очерки и наброски».

Константин Дмитриевич на рубеже XIX — XX веков изучал горы Северного и Полярного Урала, Ямал и архипелаг Новая Земля. Он был страстным охотником, фотографом, талантливым журналистом и литератором. За время своих путешествий в совершенстве изучил ненецкий язык. В 1887 году он основал колонию на Новой Земле и прожил там три года. За это время он настолько сблизился с местными жителями, что они без боязни рассказывали ему о своих встречах с Николаем Чудотворцем. Трудно сказать, как относился к подобным повествованиям сам Николай Дмитриевич, но несколько событий заставили его поновому взглянуть на происходящее и поверить, что эти необъяснимые случаи проявления божественных чудес — достоверный факт. Во всяком случае, все аборигены верили, что встреча с этим святителем — дело вполне возможное, но... труднообъяснимое.

Длинными зимними вечерами охотники рассказывали ему немало подобных историй. Бесхитрый же рассказ старика Уучея был из ряда вон выходящим и накрепко запомнился Носилову.

В тот год Уучей впервые зимовал на Новой Земле и потому даже не догадывался, что здесь уже основана колония. К тому же старик еще плохо знал особенности местной природы, а зима в тот год выдалась особенно суровой, все заливы забило льдом. Ни оленей, ни морского зверя добыть было невозможно. На стойбище наступил голод, дошло до того, что пришлось варить шкуру нерпы. Чтобы выжить, мужчины пошли искать залив, свободный от морского льда в надежде, что там попадется хоть какая-нибудь добыча.

Старик вспоминал: «Идем мы день, другой, воды все не видать. Товарищи уже роптать стали, куда ты нас, старик, ведешь? Пропадать что ли? Погода совсем испортилась. Вдруг видим, старик какой-то на льду стоит, весь в белом, и машет нам рукой на север, вдоль берега. Мы к нему идем, а он от нас. А далеко от него было, где-то верста будет, а может, больше. Потом мы видим, он вышел на берег и пошел в ту сторону, куда рукой махал. Мы дошли до того мыска, куда он вышел со льда, смотрим, его не видно. Мы подумали, что, наверное, недалеко чум стоит. Стали его следы искать, но ничего не увидели. Мы даже подумали, уж живы ли мы или нам все это показалось. Но пошли на север, куда он рукой нам показал. Три дня шли вдоль берега. Вдруг видим, дымок из трубы

подымается. Мы даже глазам своим не верим. Вот так мы в колонию вашу попали. Так и спаслись в ту пору».

После этого Носилов спросил старика-самоеда:

— Кого же вы видели на льду?

Тот спокойно ответил:

— Кого же, как не Николау Святителя? Он и на море показывается. Самоеды часто его в тундре видят. Ты разве об этом не слышал?

Носилов приводил еще несколько дивных встреч с Николаем Чудотворцем, от которых зависела жизнь тундровиков. В 1893 году ненец по фамилии Яптик рассказал о своем чудесном спасении.

Как-то поздней осенью, в непогоду, оленевод ехал по берегу Карского моря. Ветер был настолько сильным, что его не раз сбрасывало с нарт, олени выбились из сил. Он заблудился и неожиданно оказался на льду. Плутая в метели, несколько раз чуть не оказался в морских волнах, подлые полыньи поджидали человека среди замерзших торосов. Яптик догадался, что льдину оторвало от берега и относит прочь от спасительного берега. Безумный ветер, трещащий лед, холодные и безжалостные волны, окружившие его хрупкую ледяную спасательную твердыню, заставили многоопытного оленевода совсем пасть духом. Он стал плакать. И молиться.

И когда надежды, казалось, не осталось никакой, Яптик увидел перед собой высокого седого старика в белой, как снег, одежде. Он сразу догадался, кто явился перед ним в его смертельный час. Человек пал на колени перед загадочным старцем.

Позже счастливо спасшийся рассказчик поведал:

Разрушенная икона

— Мне так страшно тогда сделалось, что я не смел поднять на него глаз. Помню, что как во сне он повел меня. А я шел за ним с оленями, боясь потерять его из виду. Он вывел меня на берег и неожиданно скрылся. Я поклонился ему вслед до самой земли за свое спасение. И когда целовал снег, то неожиданно увидал свежий снег от нарт, и по ним выбрался в чум одного самоеда. Как вот сейчас его вижу: высокий, седой, борода длинная, весь в чем-то белом, как снег. Я тут же поехал в Обдорск, поставил ему рублевую свечу и трех оленей привязал к его церкви.

На иконе он сразу узнал лик святителя Николая. От одного взгляда на образ у него даже руки задрожали, да так, что едва поставил свечу. С тех пор у него есть икона святителя Николая Чудотворца, которую ему тогда дал местный священник.

Константин Дмитриевич вспоминал, что этот бесхитростный рассказ старого ненца произвел на него такое впечатление, что он даже мысли не мог допустить, что его обманывает человек, у которого при одном воспоминании на глазах навертывались слезы. К тому же не только он один видел подобное в своей родной суровой тундре. Ведь похожие случаи происходили и в Архангельской тундре, и на берегах Оби. И что еще удивляло исследователя, эти истории повторялись чуть ли не каждый год.

Кстати, о том что кочевники сразу узнавали лик Николая на иконах, говорили многие миссионеры, наблюдая, как кочевники приходили в церковь. Лично для меня многие иконы на одно лицо, уж простите за такую бестактность, а ведь я не раз ходил в церковь и даже крещен. И это косвенно подтверждает их утверждение, что они кого-то видели, сильно похожего на этого святого. Иначе трудно объяснить тот факт, что, ни разу не бывая в церкви, имея лишь самое смутное представление о православии, бес-

хитростные инородцы узнавали своего спасителя на иконах.

Правда, русских коробило, как они поклонялись святому. К иконе они обращались так же, как и к своим идолам, мазали губы лика оленьей кровью, кидали монеты и шкуры. Даже бывали случаи, что возле церкви приносили в жертву оленя. Миссионеры как могли боролись с таким почитанием, но тогда язычники просто переносили обряд в более уединенное место, стараясь не раздражать православный люд.

Впрочем, судя по всему, были и другие причины. Например, лично мне было бы обидно, как так, христианский святой, и вдруг помогает каким-то инородцам. Ведь русским-то он не являлся.

Если прочитать внимательно другие свидетельства, то неожиданно задаешься вопросом, нет, не поиск объяснений этим загадочным случаям, а почему именно Николай Чудотворец стал хранителем северных аборигенов. Этот же вопрос не на шутку интересовал и миссионеров, столкнувшихся с подобным проявлением любви инородцев к этому святому.

Настоятель православной миссии в Обдорске игумен Иринарх (И. С. Шемановский) этому вопросу посвятил немало часов размышлений.

Ведь кочевники далеко не такие наивные, как это может показаться на первый взгляд. Что-то ведь их привлекло в Николае Чудотворце. Причем так сильно, что он стал у них едва ли не самым главным в пантеоне их божеств. «И ведь их никто за язык не тянул, — как метко высказался один современный историк. — Они сами приезжали в Обдорск и рассказывали о своих встречах и об его чудодейственной помощи».

Но как бы там ни было, местные народы стали видеть в святителе «русского бога». Они даже нарекли его по-своему, ханты стали его называть Торым Никола, ненцы — Нум Никола, а вогулы — Нум Торым Никола. И все это были синонимы слов — Бог русский, то есть Бог Николай.

P.S. Уже заканчивая эту статью, я невольно вспомнил одну жутковатую историю, которая в конце XX века буквально потрясла всех обитателей тундры.

Так сложилось, что у меня есть знакомые среди кочевого народа, моя мама часто ездит к ним в тундру, у нее там много друзей, так что последние события из жизни оленеводов мы знаем. Несколько лет назад знакомые ненцы рассказали, что у одного оленевода дела пошли как-то наперекосяк, черная полоса неудач слишком затянулась. Хозяин стойбища просил о помощи и своих богов, и Николу Чудотворца, но помощи почему-то так и не дождался. Здесь надо бы отметить, что зачастую со своими идолами тундровики общаются довольно бестактно, если он не помог, то могут и наказать. Похоже, разгневанный мужчина совсем потерял голову, решив поступить точно так же с иконой. Впрочем, ненцы никогда не рубили своих идолов. Но не в этом случае. Оленевод схватил топор

и разрубил образ на несколько кусков. Успокоившись, он спохватился и кое-как собрал икону, но... Прошел всего год, и в драке его самого зарубили топором. Внимательные ненцы с ужасом увидели, что рубленные раны на теле в точности соответствовали порубам на иконе с ликом Николы Чудотворца.

Что это — случайность, совпадение или чья-то фантазия, сказать невозможно, но уж слишком много всего странного связано с именем Николая Чудотворца в ямальских тундрах. Лично у меня не поднимается рука, чтобы беззаботно отмахнуться и сделать вид, что этого не может быть, потому что не может быть никогда, хотя любопытство не дает забыть об этих чудесных проявлениях.

Впрочем, в порядке научного бреда я могу предположить, что Николаю Чудотворцу очень понравились северные народы, и, видя, что местные боги и духи плохо справляются с поставленными задачами, он решил сам помогать людям в трудную минуту.

Дарина Дашкова

НА ЖЕСТКОЙ СЦЕПКЕ

О достоинствах и трудностях доступного туризма

В октябре прошлого года началась история команды «Восхождение» — группа любителей активного отдыха людей с ограниченными физическими возможностями. В предыдущем номере мы рассказывали о подвигах команды во время «Ледового штурма». На этом спортсмены с активным зимним туризмом «не завязали». Следующая цель — поход за снегоходами на Чертово городище. О своих грандиозных планах рассказывают «отцы» движения.

Анатолий Вязовцев, альпинист:

— Мы с Александром Быковым поделили обязанности. В его компетенцию входит работа с металлом и механизмами, а я, поскольку являюсь альпинистом, разрабатывал систему страховки для инвалидов. Как вы знаете, нижним конечностям и корпусу пассажира необходима жесткая надежная фиксация. Поэтому она осуществляется на нескольких уровнях. Во-первых, ноги крепятся в районе колен и стоп. Поскольку люди бывают разной комплекции, я сделал ремни ре-

гулируемыми по длине. Тем более, в холодный период, когда человек в зимней обуви и обычно еще закутан в спальник, оба кольца обхвата должны свободно менять диаметр. Фиксация корпуса происходит на трех точках: за поясом, на груди и на плечах. Если сделать только поясную привязку, то спортсмен съедет с сидения, ведь он лишен опоры в ногах.

Доступный туризм

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Об авторе: Дарина Дашкова – внештатный корреспондент журнала «Уральский следопыт». Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета им. Горького по специальности «Международная журналистика».

«Для инвалида преодолеть какое-то расстояние самостоятельно или покорить даже малую вершину — это подвиг. Глаза первопроходцев загорелись желанием путешествовать и покорять новые вершины. Желание определило успех. Однако обычные инвалидные кресла, откровенно говоря, оказались малопригодны для активного туризма. Я попросил друга, Александра, механика-изобретателя, а также кузнеца в седьмом поколении, как-то модернизировать обычную коляску. Вскоре был готов первый экземпляр изобретения...» — с гордостью говорит Анатолий Вязовцев, альпинист, руководитель «Восхождения».

Александр Быков, механик-изобретатель:

— Главная причина, по которой я принялся разрабатывать новый тип коляски, — это то, что я из-за серьезной травмы позвоночника на своей шкуре испытал, что значит быть инвалидом, ущербным человеком. Когда я проходил лечение в госпитале ветеранов войн, я познакомился с доктором Киневым, который объяснил мне идею нового реабилитационного подхода. Конструкция первого изобретения представляет собой кресло, закрепленное на горизонтальной продолговатой плоскости, где также присутствуют две специальные подставки для поддержки ног инвалида. К сожалению, этого было недостаточно для безопасного передвижения, но мы учли это при создании второй коляски.

Первое, что мы изменили, — это рама. Мы сделали ее немного изогнутой. Дело в том, что инвалиды-колясочники не чувствуют ног, и первое, в чем они нуждаются, — в надежном закреплении нижних конечностей. Для этого мы снабдили коляску держащими ремнями. На этот раз вместо сидения мы установили ряд эластичных лент, на которые каждый пассажир кладет свою личную подушку под бедра. Таким образом, мы решаем две задачи: с одной стороны делаем сидение более комфортным, с другой — уменьшаем вес коляски, что делает процесс

движения менее затруднительным. Вместе с Анатолием мы тщательно продумали, где и как расположить ремни для фиксации корпуса человека. Это особенно важно, чтобы во время движения не допустить падения и вредоносных движений в спине. Чтобы предугадать различные чрезвычайные ситуации, мы присоединили два ручных тормоза к задним колесам. При нажатии на рычаг колесо полностью блокируется, и коляска останавливается. Также, для защиты от попадания камней, грязи или снега в лицо, мы добавили специальный щиток.

Разумеется, присутствует ряд отличий. Зимний вариант мы нарочно сделали ниже, так как коляска движется по снегу по проторенному пути за снегоходом, не встречая особых препятствий. К кузову мы прикрепили лыжи. В месте, где крепится колесо, мы установили крепление для лыж. Так что можно за пять минут легко «переобуться» из лыж в колеса и наоборот. Кроме того, коляска снабжена жесткой сцепкой, которая представляет собой металлическую трубу. При этом первая коляска крепится к снегоходу за шаровый узел, предназначенный для буксировки прицепа. Благодаря этому, можно «паровозиком» протаскать коляски по лесу, не опасаясь столкновения «вагонов».

РАЗБУДИТЬ ИНИЦИАТИВУ

Беседа с Олегом Киневым, заведующим психоневрологического отделения екатеринбургского госпиталя ветеранов войн.

— Олег Юрьевич, Вы осуществляете медицинский контроль над участниками команды «Восхождение». Как осуществляется отбор пациентов в команду?

— К первому организованному подъему на Волчиху я допустил не всех желающих. Несмотря на то, что их было достаточно, причины для отказа у меня весомые. Во-первых, необходимо знать характер травмы, ставшей причиной того, что человек оказался в инвалидном кресле. Исходя из этого, нужно рассчитывать, на какую мышечную область производится нагрузка, и следить, чтобы занятия активным отдыхом не повлекли за собой каких-то осложнений, негативных последствий. На сегодняшний день мы имеем около двухсот заявок от инвалидов, желающих заниматься спортивным туризмом. Среди них есть люди из соседних регионов — Челябинской области и Пермского края.

— Вы готовы взяться за новых желающих?

— Готовы, но все же наша деятельность осуществляется на общественных началах, и поэтому от новых участников мы также ожидаем посильной поддержки. Ведь во все, что мы делаем, вкладываются личные средства. Посильную помощь нам оказывает фонд «Город без наркотиков».

— Тем не менее, Вы совершаете благое дело. Участники команды называют Ваш вид реабилитации подлинным чудом. Это выглядит бесспорно, особенно в настоящих условиях существования так называемого туризма на Урале, где как таковой активный отдых толком пока не представлен...

— Вы знаете, сейчас главной причиной сокращения различных социальных программ называют кризис. Однако, я считаю, что проблема в данном случае заключена в сознании, а не в кошельке.

— Но даже в создавшейся неблагоприятной ситуации Вы умудряетесь поддерживать и обеспечивать Ваших «туристов» всем необходимым. Существует ли список правил и рекомендации для занятий активным отдыхом для людей с ограниченными возможностями?

— Безусловно. Во-первых, в любом походе турист берет с собой стандартный набор медикаментов, приобретенный в аптеке. Во-вторых, перед подъемом на вершину особенно важно по возможности тщательно обследовать самочувствие туриста. Необходимо, чтобы его состояние было удовлетворительным для совершения предстоящей нагрузки. Если никаких препятствий в этом случае не встреча-

ем, то допускаем реабилитируемых до физической активности.

— В перерывах между спортивными мероприятиями нужно делать какие-то специальные упражнения для поддержания формы?

— Ничего особенного делать не нужно. Все инвалиды-колясочники знают элементарные правила, как себя поддерживать. Все они уже выучили наизусть инструктаж поведения человека, оказавшегося в их положении. Это люди, страстно цепляющиеся за жизнь. Для здорового человека порой даже утренняя зарядка выглядит непосильным и напрасным трудом. В то время как инвалид никогда не пренебрегает этим, ведь каждое самостоятельное движение придает ему уверенности в том, что когда-нибудь он сможет встать на ноги. Главное — это внутреннее желание, которое они возвращают внутри. Именно оно является мощнейшей движущей и исцеляющей силой. Помню, в самом начале перед первым подъемом на Волчиху с нами рвался один человек. Но характер его травмы никак не позволял ему участвовать в задуманном. Позже он сам подготовил себя физически и морально и в следующий раз обязательно присоединится к команде. На недавнем «Ледовом штурме» мы также стали свидетелями чудесного явления — инвалид смог передвигаться на коленях даже без коляски.

— То есть ваш вид реабилитации можно с уверенностью назвать эффективным?

— Конечно. Иначе смысла во всем этом нет. Просто возить на природу людей с шашлыками? Они сами прекрасно могут обеспечить себе такого типа отдых. Средства автобус, погрузи их туда и вперед. Мы же делаем концептуально обратное — относимся к колясочникам как к самостоятельным людям и, тем самым, помогаем разбудить в их душах инициативу, столь несправедливо утраченную.

— В данном номере мы знакомим наших читателей с особенностями спортивного снегоходного туризма. Как Ваша команда реализует себя в этом виде активного отдыха?

— Происходит все следующим образом: коляска движется за снегоходом, прикрепленная к нему на жесткой сцепке. Мощность снегохода позволяет потянуть друг за другом три-четыре коляски. Сначала мы использовали обычные деревянные лыжи, которые нам любезно подарила одна из воинских частей. Они были до того пересушены, что вскоре сломались. После этого мы обратились в горнолыжные комплексы на Волчихе и на Флюсе с просьбой передать нам в постоянное пользование часть титановых горных лыж из проката. Сконструированная на жесткой опоре, близко к земной поверхности, коляска плавно следует за снегоходом на скорости около десяти километров в час, и таким образом риск, что перевернется, минимален. Человек на-

ходится в безопасности и может сосредоточиться на приятных ощущениях от путешествия.

— Как справляетесь с проблемой низкой температуры? Ведь холод инвалиды переносят значительно тяжелее, чем здоровые люди.

— Иннервация нижних конечностей — это особенно болезненный вопрос для колясочников. В данном случае трудно что-либо придумать, кроме горячего чая и теплой одежды. Понимаете, инвалиды зачастую не в состоянии купить себе непродуваемый, скажем, горнолыжный костюм. По этой причине они одевают те теплые вещи, какими располагают. У некоторых есть спальные мешки, неплохо удерживающие тепло.

— Кресло, в котором находится спортсмен, отвечает требованиям безопасности?

— Обычные повседневные инвалидные коляски не подходят для занятий активным отдыхом. Тогда мы обратили внимание на спортивные коляски. Однако даже они не отвечали нашим требованиям. Мы нуждались в более устойчивой конструкции. Вы знаете, изобретение, позволившее воплотить наши планы в жизнь, изготовил бывший колясочник. Таким образом, он знаком с проблемой передвижения инвалидов, так сказать, на практике, что оказало колоссальную помощь в разработке его проекта. Однако первый вариант предполагал, что пассажир располагается в кресле сидя на прямой горизонтальной поверхности, вытянув ноги. Позже решили, что коляска должна стать более физиологичной. Теперь человек находится в положении полусидя-полулежа, что значительно облегчает передвижение и смягчает нагрузку на опорно-двигательный аппарат.

— Как я понимаю, при передвижении по земле и при подъеме на гору инвалид передвигается только благодаря усилию своих рук. Наверняка, в этом случае оказывается колоссальная нагрузка на спину..

— Во всех случаях мы используем специализированное оборудование, а также страховку. Чело-

век поднимается с помощью специального приспособления — жумара, благодаря которому он подтягивается с помощью силы своих рук на определенную высоту. На одного туриста приходится минимум три волонтера, которые следят, чтобы коляска не перевернулась. Опять-таки хочу подчеркнуть, что многое зависит от харак-

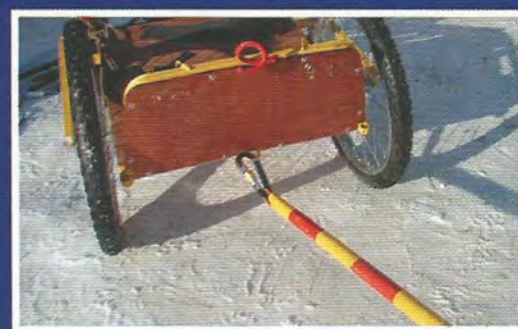
тера травмы. Если у человека имеется повреждение позвоночника на уровне плечевого пояса, тогда ему категорически запрещается создавать нагрузку на эту область без предварительных тренировок. На сегодняшний день мы работаем с немалым количеством пациентов с подобным недугом. Травма поясничного отдела позвоночника создает меньше сложностей. Таких людей мы допускаем до подъема.

— Возможна ли полная реабилитация?

— Все зависит от индивидуального настроя и состояния реабилитируемого. Однако есть одно неоспоримое условие: при наличии разрыва ствола спинного мозга, у человека практически нет никаких шансов снова начать ходить. И что прикажете делать при такой перспективе? Десятки инвалидов заперты в четырех стенах и не видят жизни. Разумеется, они хотят себя попробовать в качестве путешественников и любителей экстрима. Мы готовы контактировать со всеми и оказывать посильную помощь. Бывает, что человек доживает до тридцати-сорока лет, а до сих пор не видел красот родного края. Попав в инвалидную коляску, он имеет еще меньше шансов на это. Поэтому члены команды «Восхождение» подбирают маршруты, чтобы люди могли насладиться великолепием Урала.

ВЕРНУТЬ ЗАБЫТЫЕ ЧУВСТВА

В заключение, в качестве краткого вывода, на наш взгляд, справедливо привести мнение одного из активных участников команды, Ивана Спиридонова, о данном виде туризма: «Я по своей натуре активный человек, не люблю прозябать. Но, когда из-за травмы жизнь моя кардинально изменилась, я пережил колоссальный стресс. Просто трудно за раз осознать, что жил ты, жил нормальной жизнью, а тут в одно мгновение прикован к коляске. Позже я осознал, что жизнь все-таки, на этом не заканчивается, и стал активно заниматься спортом. Неоднократно участвовал в веломарафонах на колясках по Свердловской области. Жизнь стала активнее, интереснее. Вскоре появилась возможность пройти реабилитацию в госпитале ветеранов войн, где я и познакомился с будущими участниками команды Анатолия Вязовцева. Поначалу мне было сложно представить, как колясочник, которому порой бордюр преодолеть тяжело, может забраться на возвышение? Оказывается, можно. Кресло на четырех больших колесах с жесткой рамой, готовое к использованию и зимой, и летом, меня просто поразило. Летом ставишь колеса, а зимой — лыжи и превращаешься в активного туриста. Хочу сказать, что этот новый вид реабилитации работает на сто пятьдесят процентов. Ты не просто отдыхаешь на природе с рюмкой чая и шашлыками, но добиваешься чего-то, чувствуешь себя самодостаточным человеком. Я настолько концентрируюсь на том, что происходит, что все мои болячки как будто пропадают, перестают существовать. Например, когда мне предложили участвовать в «Ледовом штурме», я не особо обрадовался, так как самочувствие мое тогда оставляло желать лучшего. Но в ожидании этого события я стал чувствовать себя значительно лучше. Все зависит от психологического настроя. Я сказал себе, что приму участие в «Ледовом штурме», и тело само настроилось на грядущее. Радость от пережитого — лучшее для меня лекарство. Пилюли и таблетки — это еще не все. Нужно, чтобы душа тоже переживала и возвращала себе забытые чувства».

Юрий ДОНСКОЙ

Хроники ожидания второго пуска

На страже родины

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Декабрь 2005 года. Лариса Викторовна Бучинская жалуется, что не может вырваться в отпуск. Кто везет, на того и грузят, а медали, как обычно, лицам непричастным. С последним утверждением я не согласен. Валентин Петрович Волков и Николай Александрович Иванов ой как причастны, хоть и получили награды через год после первого старта «Союза-2». У нас все причастны.

В кабинете Волкова никогда не обращал внимания на антураж. Валентин Петрович всегда концентрирует интерес на себе. А тут зашел в отсутствие хозяина, и взгляд остановился на трех часах, висевших на стене на самом видном месте. Под первыми написано «Байконур», под вторыми — «Плесецк», под третьими — «ГКЦ». Они показывают тамошнее время. Если с первыми двумя все ясно, то третья подпись озадачила. Народ объяснил, что это Куру, которая в южной Америке — Гвианский Космический Центр. Ба, об этом пуске я совсем забыл.

Еще раз вдогонку — ба! Наша фирма, судя по часам, что-то в этом мире значит.

Среда, 21 декабря. Первые новости по НТВ. «К-30» удачно запустился и долетел в заданную точку на Камчатке. На экране эта новость появилась через три минуты после прямого репортажа в кабинете Бельского.

К вечеру по телевизору министр обороны и президент высказали свое удовлетворение. Теперь ожидаем возвращения тех наших, что были на Севере во главе с генеральным директором.

Телеграммы с грифом «правительственная», банкеты, прием у губернатора. Оторвались ребята красиво. Заслужили. А потом дрожь в теле прошла, наступили будни. Это до следующего ожидания старта, а оно уже началось без трепета, обыденно, похоже, вошло в привычку. Теперь мы не будем особо дергаться при команде «Пуск». Хотя...

Все разбрелись по космодромам, по ракетным базам. Начинать вроде бы мучиться ожиданием пуска «Союза-2» из Байконура, а тут северные старты подоспели, и еще не ясно, что раньше выстрелит, и вроде бы ожидание раздвоилось.

Об авторе: Юрий Сергеевич Луговцов (псевдоним Юрий Донской) сотрудник пресс-службы НПОА.

Время «Ч» на подходе. Байконур кипит. Уже весь мир знает, что 17 июля 2006 года в отрыв идет «Союз-2» с полезной нагрузкой. Скажем этому факту «тьфу-тьфу». И еще раз «тьфу». Посчитаем, что нас послали к черту. Да мы и сами черти.

Да? Почему к черту? Понимаю, когда что земное творится, но мы-то рвемся в небо, к Богу. Ай-я-яй, неуважочка.

Леонид Николаевич Шалимов уезжает в пустыню за неделю до старта. Ему в августе 60. Зачем ехать? Ан, нет.

Пятый день после озвученной первой даты пуска никак не закончится. Зазвонил телефон. Что за слон? Оказалось, информагентство не может никого вычислить, чтобы проведать что-либо по отложенному пуску. Доходчиво разъяснил, что все идет по плану, что ракета не серийная, а сделана для испытаний, что не пуск плановый, а испытания плановые, что они будут идти, сколько потребуется. Для них это было откровением. Сенсации не случилось. Ну, что поделаешь, брат.

Сегодня пятница. Доживем до понедельника. Случится возвращение Валеры Жажигина, и узнаем подробности.

Эта пятница бесконечна. Встретил Володю Хохрякова. Пацану двадцать шесть лет, а уже руководит отделением. Если брать армейские мерки, то выходит полновесный полк. А чего? Запросто. Аркаша Гайдар, поговаривают, в шестнадцать годков полком командовал по ликвидации крестьянских бунтов.

Володя поведал, что в первый день наши теоретики неверно выставили азимут, и ракета заблудилась в пространстве. Ко второму дню все исправили, но дала знать жара. Вины фирмы нет. Спустя десять минут это подтвердил Бельский. Он тоже летал на Байконур, вернулся вместе с Леонидом Николаевичем. Ракету увезли в Самару на повторную проверку. Впереди месяц.

Понедельник, как и положено, день тяжелый, ничего нового не принес.

Вторник вроде бы легче понедельника, но тоже не кончается.

Вот такой июль получился. Сначала жара, потом холода. Народ назвал холодный период морозами. Так и говорят: еще до морозов. В июле!

Обратимся к научному обоснованию вроде бы неудачных пусков на Байконуре. Заместитель гендиректора по ракетно-космической тематике Лев Николаевич Бельский рассказал о предчувствии космоса.

Попытка первая: СИСТЕМА УМНЕЕ ЕЕ РАЗРАБОТЧИКОВ

С Леонидом Николаевичем Шалимовым мы прилетели на Байконур в четверг, 13 числа, к этому моменту на технической позиции завершили все проверочные работы с положительным результатом. Выявлен

Шалимов и Волков с ракетой на стартовой позиции

неустойчивый дефект в согласующем коммутационном устройстве (СКУ) одного из боковых блоков, который самоустранился, но мы все же рекомендовали заменить это СКУ.

Пятница, 14. Впервые воочию наблюдал вывоз изделия на стартовую позицию, так как и на Байконуре оказался впервые. Зрелище захватывающее. Хоть и нет оркестра, но все обставлено достаточно торжественно, при большом стечении публики. Процесс, однако, скоротечный, расстояние от «технологички» до старта можно измерить шагами. Даже вертикализация до момента, когда ракету обхватывают фермы обслуживания, происходит достаточно быстро.

Генеральные испытания на стартовой позиции прошли без замечаний по наземной аппаратуре. Возник один вопрос по борту: отсутствие резерва в СКУ одной из боковых шпек.

Домашний анализ показал, что цепи этого прибора не участвуют в реализации полетных программ, они используются только для организации проверок, и можно гарантированно утверждать, что полет состоится в трехканальном варианте, и нет необходимости заменять прибор. Приняли решение считать результаты генеральных испытаний успешными.

Суббота и воскресенье для нашего коллектива объявлены выходными. Смежники занялись проверкой разгонного блока «Фрегат» и космического аппарата.

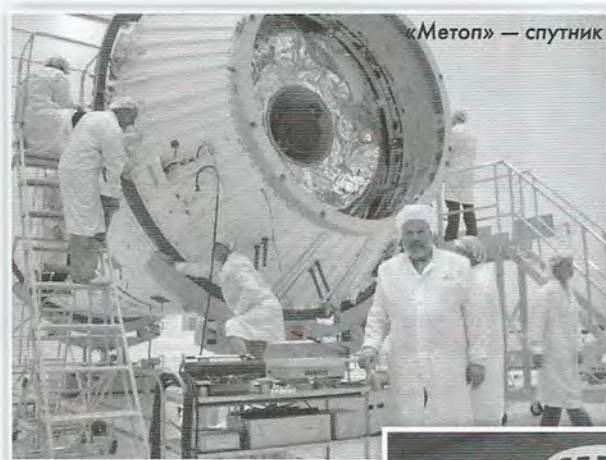
17 июля — день старта. Температура воздуха 38 градусов. Термометр на корпусе одного из наших приборов в подпольном помещении показывал 32 при допустимой 35 градусов. Возникли некоторые опасения. После консультации с домом мы заверили госкомиссию, что и 40 градусов для нас не предел. Напряжение осталось.

В 15.00 начался ввод полетного задания.

В 18.30 госкомиссия заслушала доклады о готовности систем и комплексов и подвела итоги работ.

В 18.54 мы приступаем к циклу автоматической предстартовой подготовки.

В 19.05 на фоне нашей циклограммы началась заправка ракеты, она занимает более двух с половиной часов. Для нас это испытательный пуск, но с ответственной нагрузкой в виде космического аппарата «Метоп», потому ожидание получилось напряженным. Оно пре-

рвалось через полтора часа автоматической отменой режима с признаком неисправности комплекса командных приборов. На «Союзе-2» комплекс КП — это две трехосные гиросtabilизированные платформы. Представить себе отказ двух платформ одновременно было очень сложно, поэтому госкомиссии высказали версию, что причина в чем-то другом.

Домашний анализ дал ответ: в составе фрагментов полетного задания введен неправильный азимут положения плоскостей ракеты. Последний анализ показал, что на наш запрос об азимуте правого рельса, по которому подвозят ракету к стартовой позиции, Байконур выдал азимут изделия.

С некоторой долей юмора участники экспедиции на Байконуре отмечали, что система управления оказалась умнее ее разработчиков, выявив даже такую ошибку, классифицируемую как человеческий фактор.

Попытка вторая: КИПЕНИЕ КИСЛОРОДА

18 июля не предвещало неприятностей. Все шло по тому же графику, что и накануне. В 18.30 госкомиссия заслушала доклады постов и служб. В 18.54 мы начали цикл автоматической предстартовой подготовки. Изделие стояло заправленным, лишь в 19.05 добавили столько топлива, сколько успело испариться за сутки. И тут же мы ушли в автоматическую отмену с диагнозом «неисправность преобразователя информации (При)».

На оперативном заседании госкомиссии я рвал на себе рубаху, убеждая, что дело не в неисправно-

сти При. Отказать два или три канала преобразователя не могли. Тем более что и генеральные испытания, и первую попытку пуска этот При на боковушке прошел успешно.

Все дни команда НПО автоматики работала слаженно, грамотно. В основном это были молодые ребята, но у них уже появились опыт, хватка, они быстро ориентировались в ситуации, предлагали выход из положения. Евгений Морозов, Дмитрий Ханевский, Евгений Ноженькин отработали безукоризненно. Искусству Димы Ханевского можно только поражаться: работу, которую нужно выполнить мгновенно, он успевал сделать еще до того, как была четко сформулирована задача.

Оказалось, что к эталонной частоте подмешивается паразитный сигнал, вызванный естественным вращением датчика расхода кислорода. Кислород кипит в заправленном баке. Пузыри пробулькива-

ют и вращают датчик, потому суммарный сигнал не совпадает с эталонным. До этого все проверки шли всухую, согласно технологии. В итоге было принято решение идти на третью попытку с пустыми баками.

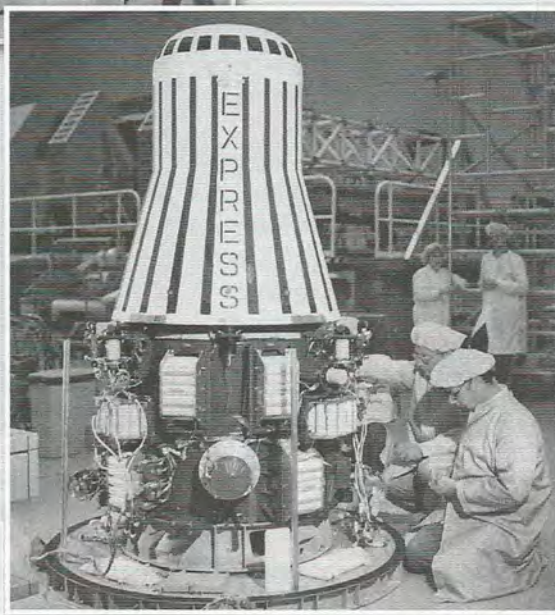
Попытка третья: ПОДОБНО ШОКУ

Плотное взаимодействие дома и космодрома дало положительные результаты, и утро 19 июля мы встре-

тили во всеоружии. В 11.30 прогнали «технологичку» с положительными результатами. Подтвердили устранение ошибок первых двух дней. К 15 часам считали себя полностью готовыми к пуску.

Все процедуры проходили в назначенное время. В 19.05 началась заправка. Все участки проходили проверку без замечаний, что вселяло уверенность в наши диагнозы и принятые решения.

Завершающей операцией для ракетного комплекса является срабатывание контакта подъема, когда сооружение в 54 метра длиной и под 320 тонн весом отрывается от стартового стола. До этого есть один момент, созвучный по идеологии с авиационной «точкой взврата», — команда «ключ на дренаж». Ожидание этой команды накаляло атмосферу в бункере ежесекундно. На лице Шалимова читалось волнение на грани сердечного приступа. Я уже отвернулся от наших мониторов и смотрел на тот экран, где стояла ракета без ферм об-

служивания, где парил кислород, где мелькали секунды обратного отсчета. До старта оставалось три минуты.

— Ключ на дренаж! — прозвучало по громкой связи. Все команды подаются с упреждением на 8–10 секунд, чтобы оператор успел ответить и выполнить команду.

— Есть ключ на дренаж!

И сразу в эфир пошла информация: «Отмена автоматического цикла предстартовой подготовки».

Это было подобно шоку. Счастье, казалось, так близко, и не улетели.

Обидно и досадно, что не состоялся запуск второго в истории нашей разработки изделия, да еще с полезной нагрузкой. Но есть, разумеется, в этих событиях положительное зерно. Мы выявили влияние человеческого фактора, недочеты в технологии работ с заправленным изделием, не отраженные ранее в документации головной организации, и ошибки в программе управляющего комплекса систем измерения. В нашей стройной идеологии разработки, отработки, проверок есть какая-то брешь, через которую проникла ошибка. Это принципиально важно.

Октябрь 2006 года. Не успел перевернуть страницу памяти, как сообщили, что пуск на Байконуре перенесен на неделю. Теперь до него не четыре, а десять дней. Заполняем перерыв внутренней, а подчас и личной жизнью.

Не успел поставить точку, как сообщили, что на Байконуре во время стыковки уронили европейский спутник. Потом, правда, уточнили, что пострадал лишь обтекатель. Пуск перенесли еще на несколько дней.

Завтра пуск с Байконура. Мне заседать в штабе. Штаб — это нечто вроде Центра управления предстартовой подготовкой во время испытательных пусков. Он, конечно, ничем не управляет, но внимательно отслеживает все этапы, анализирует и вмешивается в случае сбоев. От меня толку ниже плинтуса, зато в истории останутся сам факт присутствия и записи, сделанные в процессе.

Сегодня все внимание на Байконур.

До начала заправки ракеты три часа.

На своем столе нашел телеграмму начальника плесецкого космодрома Башлакова. Он поздравляет с днем начала Космической Эры. Это про первый спутник, про 4 октября 1957 года.

Боже (прости, что всуе), на следующий год полтинник Эре.

До начала заправки ракеты две минуты.

В 19 с нулями был в штабе. Народу собралось прилично. От каждого прибора свой представитель.

С Байконура позвонил Валентин Петрович Волков, главный по нашему направлению. Началось!

БАСУ (бортовая аппаратура системы управления) проверена. Перерыв 20 минут на заправку.

На экране размером с хрущевскую кухню написано «Предпусковая подготовка» и «Нагрузка Фрегат».

Проверка ДУС (датчики угловых скоростей).

Проверка При.

Михаил Борисович Трапезников уткнулся глазами в бумаги. Он сегодня главный.

Наиль Шарипович Бадретдинов волнуется.

Незнакомая молодежь шастает. А вот и знакомая. Волода Хохряков.

Мне стало ясно, что 20 минут как 200 лет.

Народу натекает. Говорят, в 21.30 яблоки перестанут падать.

20 минут истекли. Экран забит терминами и зеленым цветом. Но это для специально обученных людей.

— Третий этап прошел, — это Андрюша Берстенов. — Судя по экрану, пошел четвертый.

Станислав Литвиненко и Владимир Уксусов вспомнили старое, которое в любой миг может стать новым. Приборы в ящиках на Байконур декларируются. Обрато — в ближайший ящик и так же. Но... Ящик попадает не к нам и не в Самару, а в Москву на центральный склад, а там в это время внезапная проверка на предмет контрабанды сотовых телефонов, и комиссия долго выясняет, что за хрень в наших ящиках. Так что Иванов, начальник испытательного стенда, хорошо через месяц получит прибор на исправление.

— Привет, Иванов!

— Чего так официально?

— Так редкая фамилия.

— Минут через восемь закончится этап. Позвонят, — это Козлов. Тоже редкая фамилия. У нас их три всего. Этот Андрей Вадимович. Его отец жизнь положил на фирму.

Все уставились на экран. Нервные смешки. Надпись «Тарировка».

— Наверно, можно пойти погулять. Это дело такое...

Дали бумагу со схемой. Тарировки ККП (комплекс командных приборов), решение задач СВНУ (система выработки начальных условий) и гирокомпасирование — 1ч. 52 мин. 29,2 сек.

— Первый этап тарировок прошел! — это Волков с Байконура.

Стас открыл шторы и выключил свет.

— Звезд не видно. Трасса над нами. Погоды нет. Ракету не увидишь...

Думал, шутит. Оказалось — нет. Все серьезно.

— Небо чистое. Увидим...

— После выхода в космос надо час ждать, пока «Метоп» выйдет. Это не болванка, — нервничает Бучинская о своей части программы. — То, что мы уронили «Метоп», — ерунда. Он не на такие перегрузки рассчитан. Главное, обтекатель, чтобы стабилизацию не нарушить.

— Ерунда? Машины вон сколько бьются, — это Анатолий Михайлович Ананьин.

— Не опешлите. Я наивен и во все поверю, — это Стас. Он сидит у окна и смотрит в темное небо.

Народ полнится. Яблоки дрожат. 21.12.

Звонок: — Пятый этап хорошо.

Смирнов: — А чо вы окно открыли?

— Смотреть, как полетит...

— А, железяка...

21.55. Девятый этап тарировок пошел (16 мин.).

Команда НПО в бункере управления на Байконуре 2006

Подготовка к старту

Гаркнула громкая связь. Все рванулись. Нормально. Просто Самара пролаяла, что через десять минут прямой репортаж.

Бучинская: — Что, Толя! Твое уже улетело.

Стас кому-то по телефону: — Полетит с Юга на Север строго по меридиану. Минут через двадцать выходите смотреть.

Тишина в кабинете. Не буду писать, какая. Тьфу-тьфу! Человек сорок.

— Пять минут готовность!

Оказывается, Трапезников изучал документы на подпись. Сейчас весь внимание.

— Готовность систем.

— Минутная готовность.

— Ключ на старт...

Александр Константинович Леонтьев ретранслирует команды.

— Ты кому?

— Дерюгину. Он на водах отдыхает.

— Протяжка один.

— Наддув.

— Протяжка два.

— Дренаж...

— Наддув...

— Прошла команда «Отбой!» Перенос на сутки. Непонятно по какой причине...

Вопросы градом.

Бучинская: — Если на сутки, то им понятно. До необратимых не дошли.

Все кинулись звонить.

— Давай Ханевскому...

— Да он в бункере...

Громкая связь: — Самара дергает. Что случилось? Тридцатая секунда.

Трапезников: — На борт еще не перешли.

— Звони Зажигину!

Трапезников: — Валентин Петрович, что?

Волков: — Пока не знаю.

Леонтьев: — Секунд за тридцать.

— Наддув общий не сказали.

Никто не расходится.

Через пять минут звонок от Бельского: две возможные причины — ошибка в программе или кабель.

В полночь я выпил и поел без удовольствия.

Сегодня новая, пятая по общему счету, попытка. Меня не будет.

В сторожке сквозняком открыло дверь, и второй налет ветра вырвал ее с корнем. Почему-то вспомнились французы, что были на фирме в сентябре. Тогда они спросили у Литвиненко: а поправку на ветер вы вносите?

Вопрос не праздный. Давно заметил, что зря ничего не всплывает.

Отвлекся от темы другими делами. После обеда позвонил на всякий случай. Выяснил, что сегодня пятой попытки не будет — ветер превышает норму в полтора раза, и Бельский на госкомиссии рекомендовал перенести запуск еще на сутки.

Мы с Байконуром на одном меридиане. А не есть ли это открытие: ветры дуют по меридианам?

19 октября началось так, что непонятно было, а начался ли день вообще.

В штаб попал к команде «Есть отход мачты».

— Пуск!

— Зажигание!

— Предварительное...

— Главное.

— Подъем!

В этом месте обычно следует вздох облегчения и аплодисменты, но только не в этот раз — на борту европейский спутник.

— Двигатели работают нормально.

— 50 секунд. Давление в камерах сгорания в норме.

— 70 секунд. Полет нормальный.

— 110 секунд. Тонгаж, рысканье, вращение в норме.

— 120 секунд. Есть разделение. Боковушки.

Репортаж отмечает каждые десять секунд.

— 160 секунд. Параметры в норме.

— 190 секунд. Двигатели второй ступени в норме.

— 200 секунд. Параметры СУРН (система управления ракетой-носителем) в норме.

— 210 секунд. Полет нормальный.

— 290 секунд. Есть запуск третьей ступени.

— 310. Стабилизация изделия устойчивая.

По еле заметному вздоху облегчения понятно, кто занимался системой стабилизации.

— 460. Параметры разгонного блока в норме.

— 520. Параметры СУРТ в норме.

— 530. Есть отключение двигателей третьей ступени. Есть отделение космического аппарата...

И тут гулкую тишину взорвали аплодисменты. Народ зашумел, задвигался, стал обниматься, поздравляться. Их часть работы справилась, срослась, и, казалось, никого не интересует, что будет дальше. Откуда-то вынырнул Трапезников.

— Под это дело надо...

Не успел и глазом моргнуть, а стол был полон. Скатерть-самобранка, похоже, тоже изобретена в нашем НПО, а уж потом стала всенародным достоянием.

— С пятого захода, но мы его вытолкнули.

— Горючки не хватило на две секунды...

— Дотянет! — это Стас.

— Керосину в обрез, — это Мурашкин.

— Ничем не разбавляли? — это Смирнов.

— Час ждать, пока «Фрегат» выведет, — это Бучинская. — Мне коньяк. Ольга, мы запустились! Неизвестно. Гулять буду всю ночь.

— За успех нашего предприятия! — это Смирнов. — Гип-гип!

— Ура-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а!

— Юго-запад. Никто не едет?

— Еще рано! — это Бучинская.

— За то, что она дала сегодня поработать! — это Трапезников. — Она сильнее нас. Пока еще сильнее.

— Ракета сделана по классической схеме: долго запрягает, но быстро едет.

— У русских женщин большая голова, но короткие руки. Голова пухнет от забот, а руки не доходят...

— Русский долго запрягает и никуда не едет...

— За правильно введенный азимут!

— Роскосмос нас поздравил, — это Трапезников. — Американцы видели первый этап работы разгонного блока. Через час будет второй этап.

— Включите телевизор...

— Они не дадут новости, пока разгонный блок не работает.

— У нас ракеты потому летают, что мы понимаем все буквально, — это Смирнов. — Написано так и будет так.

— Все штатно, Сергей Николаевич, — это Трапезников на Север. — Желаем и вам там!

— Вы можете представить миллиард евро в космосе?!

— Я удивляюсь французам, — это Трапезников, — на второй полет отдать такую полезную нагрузку. У них хорошо развит страховый бизнес.

Козлов по ноутбуку показывает «Метоп».

— Какое страшилище!

— Когда я пришла домой после первого неудачно-го раза, — это Бучинская, — дочь мне сказала, что ВПК совсем погибло.

— Вы что, в Карпинске все рыщут в поисках ступени, — это Владимир Михайлович Зеленин. — Это же драгметаллы.

— Казахи уже в том месте, где упала первая ступень, добычу делают, — это Козлов.

— Гармония личного масштаба, — это Бучинская. — Вчера я еще думала уходить. Хрен вам!

— «Каро» в ноябре, «Меридиан» в декабре.

— Или наоборот?

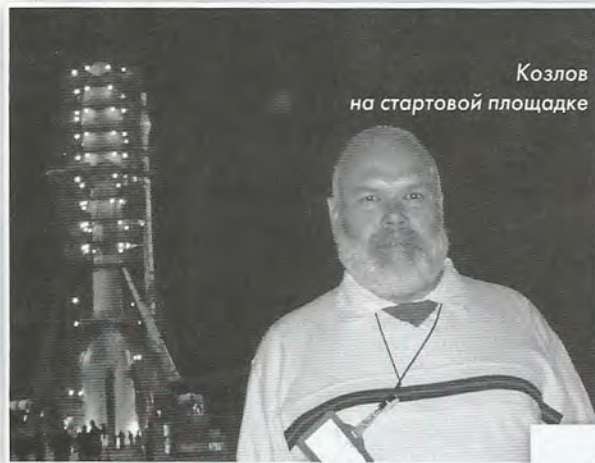
Звонили с Байконура: экспресс-анализ показал, что вывели туда, куда надо.

— Включите «Эхо Москвы».

— У нас все о-кей, а им это не интересно.

Дома в час ночи я выпил и поел с удовольствием. За-сыпал долго, но спокойно.

В понедельник генеральный директор НПО автоматики Леонид Николаевич Шалимов вышел из кабинета в приемную неимоверно счастливым.

Козлов
на стартовой площадке

P.S. Описанные события относятся к концу 2005 и к 2006 году. Остальные испытательные пуски ракеты-носителя «Союз-2» прошли менее драматично и менее эмоционально, включая десятый пуск 26 февраля этого (2011) года с космодрома Плесецк со спутником нового поколения «ГЛОНАСС-К».

19 октября 2006 года личная космическая эра НПО автоматики из разряда разовой перешла в разряд регулярной. Запущено 20 полезных грузов (спутников).

— У нас ракеты потому летают, что мы понимаем все буквально, — это Смирнов. — Написано так и будет так.

— Все штатно, Сергей Николаевич, — это Трапезников на Север. — Желаем и вам там!

— Вы можете представить миллиард евро в космосе?!

— У нас ракеты потому летают, что мы понимаем все буквально, — это Смирнов. — Написано так и будет так.

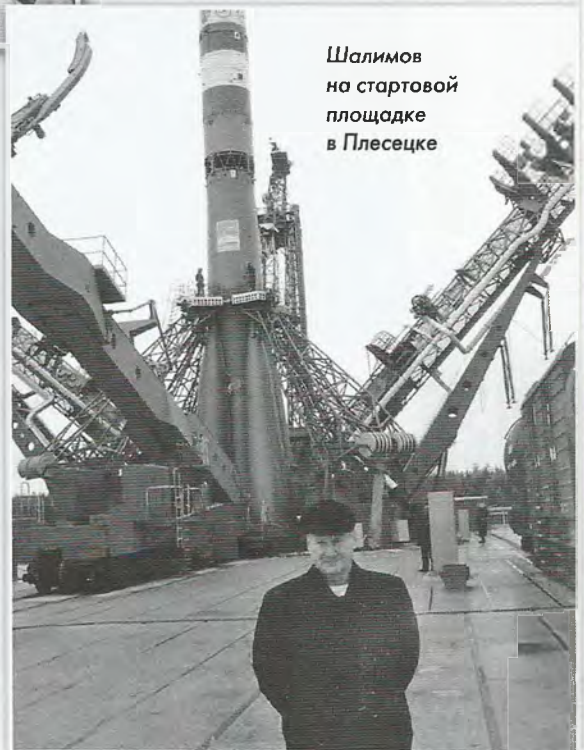
— Все штатно, Сергей Николаевич, — это Трапезников на Север. — Желаем и вам там!

— Вы можете представить миллиард евро в космосе?!

— Я удивляюсь французам, — это Трапезников, — на второй полет отдать такую полезную нагрузку. У них хорошо развит страховый бизнес.

Козлов по ноутбуку показывает «Метоп».

— Какое страшилище!

Шалимов
на стартовой площадке
в Плесецке

Рубрику представляет Уральский геологический музей

Владимир АВДОНИН

Фотографии предоставлены автором

Космические пришельцы

*«Многие легковверные люди думают,
якобы на некоторые места
падают из туч камни»*

Ломоносов М.В. 1761 «О слоях земных»

Камни Урала

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

О падении с неба камней было известно давно. Известия об этом помещались еще в летописях и старинных хрониках. Однако долгое время эти сообщения не находили научного объяснения и даже могли сопро-

вождаться совершенно неправдоподобными баснями. В XVIII в. часть ученых и вовсе перестали доверять подобным известиям. Как видим, к числу их принадлежал и М. В. Ломоносов. Внеземное происхождение падающих с неба камней долго оспаривалось.

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

А старейшим достоверным считается падение метеорита Энзисгейм (Эльзас) 14 ноября 1492 г.

Это первое в мире надежно зарегистрированное «падение из воздуха» огромного камня (масса 127 кг), сопровождающееся «громовым треском», но никто не понял тогда значения случившегося.

Римский император Максимилиан (1459–1519) распорядился приковать камень к стене храма, «чтобы он не смог улететь обратно, и сделать надпись: «*de hoc lapide multi multa, omnes aliquid et nemo satis*» (лат.) — «об этом камне многие знают много, каждый что-нибудь, но никто достаточно». Куски этого камня широко распространены по коллекциям, но главная часть все еще находится в ратуше Энзисгейма (Б. Мейсон, 1965).

Ныне нам известно, что из межпланетного пространства ежегодно на Земной шар падает множество, может быть, сотни или даже тысячи метеоритов — железных или каменных обломков небесных тел. Падение их сопровождается эффектными световыми, звуковыми явлениями. Так, ночью, при безоблачном небе, можно наблюдать стремительно несущийся по небесному своду огненный шар, называемый болидом, за которым тянется огненный хвост и сыплются искры. В тех случаях, когда очевидец заметил болид в самый момент его появления, он имеет вид яркой звезды, но уже через секунду она превращается в огненный шар. До недавнего времени метеориты представляли собой единственное космическое вещество, поступающее на Землю из межпланетного пространства. (Кринов Е. Л., 1981).

В 1749 г. произошло падение огромной метеоритной глыбы на Енисее, близ деревни Медведевой. Местный житель — любознательный кузнец Медведев разыскал метеорит на горе Темир между реками Сисим и Убей, перевез 687-килограммовую глыбу в деревню и бережно хранил эту удивительную находку в течение двадцати с лишним лет. В 1772 г. академик П. С. Паллас перевез уникальный экземпляр метеорита в Петербург и опубликовал подробное его описание. Паллас еще не верил в возможность падения камней с неба и считал енисейскую находку редким экземпляром самородного железа земного происхождения.

Железная глыба «Палласово железо» положила начало метеоритной коллекции Российской академии наук.

В 1794 г. Эрнст Флоренс Фридрих Хладни (1756–1827) — физик, член-корреспондент Петербургской академии наук вопреки скептикам в науке

доказал космическое происхождение уникальной глыбы, привезенной из Сибири.

А. Ф. Гебель в 1868 г. писал: «От нее около 74 лет назад благодаря Хладни получило свое начало новое воззрение на сущность метеоритов; с нее, благодаря Берцелиусу, около 34 лет тому назад началась эра научного исследования метеоритов». На месте ее находки в 1980 г. установлен памятник — единственный в мире памятник метеориту (Назаров М. А., 1999).

Хладни не был химиком. Тождественность химического состава метеоритов впервые установлена в 1802 г. Говардом, и тогда же Г. Л. де-Бурнон выявил их минералогические особенности в отличие от минерального состава земных пород. Метеориты, попадающие на Землю извне, подобно земным горным породам, представляют агрегаты минералов, большинство которых встречается и в земных горных породах. Немногие являются минералами, свойственными только метеоритам.

Например, **криновит $\text{NaMg}_2\text{CrSi}_3\text{O}_{10}$** — минерал, носящий имя Е. Л. Кринова — председателя комитета по метеоритам АН СССР, инициатора и вдохновителя многих работ, посвященных взаимодействию космического вещества с Землей. Минерал образует редкие включения в графитовых модулях железного метеорита Canyon Diablo (США). Найден и определен Э. Олсенем и Л. Фуксом в 1968 г.

Карта падений и находок метеоритов на Урале

- Железные
- Каменные
- ◐ Наблюдавшиеся болиды

Ежедневно на Землю падает около 100 тонн космического вещества. В основном это очень мелкие пылинки намного менее одного мм в поперечнике. Более крупные — от одного кг и более — приземляются мало, да и большинство из них тонут в водах мирового океана. Статистика такова: за последние 200 лет камни весом порядка 100 кг падают на Землю примерно раз в четыре года. Самый большой найденный метеорит — «Коба» — его масса 60 т. Его обнаружили в 1920 г. вблизи Фрутфонтейна в Намибии. Земной возраст его 80 тыс. лет.

В истории отечественной метеоритики самое яркое впечатление оставило нам XX столетие.

Три уникальных космических события привели жителей Советского Союза в благоговейный трепет.

Это:

Падение Тунгусского метеорита. Это произошло более ста лет назад — 30 июня 1908 г., примерно в 7.15 утра местного времени; в районе Подкаменной Тунгуски в Красноярском крае севернее села Ванавара.

Прошло более ста лет со дня падения Тунгусского метеорита, а явление это все еще до конца не исследовано.

В 1927 г., проделав утомительный путь через тайгу, Л. А. Кулик и его сотрудники увидели раскинутые до горизонта поваленные и обугленные стволы деревьев. Опрокинутые ударной волной, деревья лежат вершинами в направлении от эпицентра взрыва. Более 2000 км² восточносибирского леса было уничтожено взрывом огненного шара.

«Результаты даже беглого осмотра, — записал начальник экспедиции Леонид Кулик, — превосходят все рассказы очевидцев и мои самые смелые предположения».

До 1939 г. изучение проводилось Л. А. Куликом на основе представления, что Тунгусский метеорит относится к числу гигантских, принадлежащих железному классу, и в результате его падения в грунте должны оказаться многочисленные крупные массы весом в десятки тонн (Фесенков В. Г., 1978).

1949–1969 гг. — это были годы, вероятно, наиболее высокого общественного интереса к знаменитому событию. В эти годы возрождается гипотеза о кометной природе Тунгусского метеорита, в эти годы традиционные представления вошли в противоречие с новыми фактами.

Акад. В. Г. Фесенков в 1949 г. провел оригинальные исследования и вычисления и оценил массу метеорного тела порядка 106 т. Впоследствии эта цифра была подтверждена независимыми методами.

В 1948 г. после получения первых данных о падении Сихотэ-Алинского метеорита В. Г. Фесенков заметил: «**Падение Сихотэ-Алинского метеорита 12 февраля 1947 г.**, при всей своей грандиозности, существенно отличалось от падения Тунгусского метеорита 30 июня 1908 г. Последний двигался со скоростью значительно большей и совершенно распылился, еще не достигнув Земной поверхности...».

Имеющиеся данные о траектории Тунгусского метеорита дают основание предполагать, что он летел навстречу Земле с большой скоростью и, следовательно, имел обратное движение в солнечной системе. Но это свойственно только кометам, а не метеоритам, обычно падающим на Землю и представляющим собою обломки астероидов. «Будучи ядром кометы, Тунгусский метеорит не мог представлять собрания крупных глыб, способных достигнуть земной поверхности, а, по-видимому, состоял из очень компактных пылевых облаков (диаметром в несколько километров), испытавших огромное сопротивление в земной атмосфере».

Тунгусское явление 1908 г. представляло собой падение на Землю какого-то космического тела. Было бы нелепо считать это явление радиоактивным взрывом космического корабля с другой планеты при неудачной попытке его приземления» (Фесенков В. Г., 1978).

Каждый метеорит при падении на Землю разрушает, прежде всего, самого себя. Тунгусская комета должна была полностью разрушиться, еще не достигнув поверхности Земли.

12 февраля 1947 года наблюдалось еще одно уникальное явление природы — в этот день утром в Приморском крае Советского Союза выпал железный метеоритный дождь. Как отмечает Е. Л. Кринов — ученый секретарь Комитета по метеоритам АН СССР, такие падения происходят не чаще, чем раз в несколько столетий.

В газете «Вечерняя Москва» от 17 февраля 1947 г. была помещена заметка:

«Падение метеорита»

Жители таежного Красноармейского района 12 февраля явились свидетелями весьма редкого явления. В 10 часов утра на небосводе был замечен гигантский пылающий метеорит, пронесшийся с огромной скоростью в направлении отрогов Сихотэ-Алинского хребта. Падение метеорита сопровождалось громовым шумом, вызвавшим сотрясение воздуха, от которого в окнах многих зданий разбивались стекла, разрушались трубы, как в сильную бурю, качались вековые деревья. В ряде мест огромные дубы и кедры были вырваны с корнями. При падении метеорит оставил за собой густой дымный след коричнево-красного цвета, державшийся в воздухе длительное время. Были слышны взрывы. Установить место падения метеорита пока не удалось.

Гигантский метеорит 12 февраля 1947 г., упавший в отрогах Сихотэ-Алинского хребта между Владивостоком и Хабаровском, представлял совершенно исключительное явление. Он произвел единственный в истории железный дождь, покрывший площадь в десятки квадратных километров, причем отдельные железные «градины» достигали веса до 300 кг. Самый крупный индивид имел массу 1745 кг. Общий вес метеорита до вступления его в атмосферу был, по-видимому, порядка тысячи тонн.

Мы уже отметили, что любое космическое тело при падении в атмосфере Земли разрушает самого себя.

Даже на последнем участке траектории метеорита происходила значительная потеря его массы.

Однако наибольшая потеря массы происходила в более высоких слоях атмосферы вследствие большой скорости движения метеорита и, соответственно, большой работы силы сопротивления. Укажем, что линейные размеры головы Сихотэ-Алинского болида достигали 600 м, а эффективная температура этой головы, состоящей из метеоритных масс, перемешанных с газами, была порядка 6000°.

Из наблюдений многих очевидцев установлен объем дымового следа, оставшегося после метеорита, который держался в воздухе несколько часов... Общая масса мелких частиц железа, образовавших этот след, по расчетам В. Г. Фесенкова, должна составлять 200 т.

Учитывая общую энергию, затраченную при образовании кратерного поля в целом, можно считать, что общая масса метеорита, фактически упавшего на Землю, составляет около 100–150 т.

По существу, этот метеорит можно считать мелким астероидом – одной из малых планет, движущихся в пространстве между орбитами Марса и Юпитера и случайно столкнувшимся с Землей. Он мог наблюдаться как отдельно приближающееся к Земле тело еще на расстоянии лунной орбиты. Скорость метеорита в момент его падения была по приблизительной оценке 500 м/с. Эта скорость превышает звуковую, вследствие чего перед массой метеорита должно было образоваться воздушное уплотнение, переносимое вместе с ним.

В 1947–1950 гг. были проведены четыре экспедиции для изучения обстановки падения и сбора метеоритного дождя. Работами руководил Е. Л. Кринов. В последующие годы (1967–1975 и 1977–1978) эти исследования продолжались. По прибытии на место падения экспедиция обнаружила большое количество кратеров и воронок. Общее число метеоритов, собранных за эти годы, составило 6072 индивидуальных экземпляров, с общей массой около 40 т.

Вернемся на родной Урал. На предлагаемой карте, составленной В. Н. Логиновым – многолетним ученым секретарем Комитета по метеоритам УрО

РАН, показаны места падений и находок метеоритов на Урале. С начала XIX века известен каменный метеорит «Карагай», время находки – конец XIX – начало XX века; железный октаэдрит – метеорит «Ильинская станица» – известен с 1915 г. – найден на реке Урал, в 100 км ниже города Орска.

В восьмидесятые годы XX в. на Урале открыто 5 новых метеоритов: «Мокроусово», «Урал», «Озерное I», «Озерное II», «Свердловск». Все они относятся к наиболее распространенной группе обыкновенных хондритов. Наибольший интерес представляет метеорит «Свердловск» – первый метеорит, найденный в Свердловской области.

Недавно мы отметили 60-летний юбилей самого крупного космического пришельца на Урале.

11 июня 1949 г. в 8 часов 14 минут по местному времени в небе над Кунашакским районом Челябинской области с севера на юг пролетел огненно-белый шар с красновато-огненным хвостом. От головной ча-

фото Виктор Байдуков

сти болида в сторону хвоста отлетали искры и языки пламени.

Болид в течение 8–10 секунд наблюдался на обширной территории Челябинской и Свердловской областей. На высоте 27 км болид разлетелся на три светящиеся части, на высоте 17 км свечение прекратилось, и обломки болида стали свободно падать на Землю. Кунашакский метеоритный дождь рассеялся на площади 194 км². Собрано 20 экземпляров метеорита общим весом более 200 кг. Наиболее крупный экземпляр образует воронку диаметром 1,8 м, глубиной 1,9 м.

Во время удара метеорит разбился на 5 больших кусков, самый крупный из которых весит около 50 кг. В 2-х километрах севернее упал второй экземпляр, весом около 40 кг. В коллекции УГМ хранится 8 экземпляров общим весом 1342,5 г.

Самое последнее поступление в метеоритное собрание УГМ — метеорит, получивший название «Свердловск» (масса 4,505 кг), найден в октябре 1985 г. инженером одного из научно-исследовательских институтов В.Ф. Коротеевым. Место находки — Камышловский район Свердловской области, в 120 км восточнее г. Свердловска.

На свежем изломе метеорита визуально наблюдается большое количество мелких включений троилита и никелистого железа размером до 1–2 мм. Вкрапленность в одних участках сгущается как бы в прожилки, в других — происходит обеднение троилитом и никелистым железом. Один такой своеобразный «ксенолит» наблюдается среди сплошной вкрапленности металла и троилита в краевой части метеорита.

Метеорит слабо окислен в земных условиях. В метеорите определены минералы: оливин, ромбический пироксен, плагиоклаз, троилит, маггемит, камасит. Химический состав камасита определялся с помощью микрозонда (масс.%): Fe — 87,14; Ni — 6,44; S — 0,001. Явно выраженная хондровая текстура и химический состав дают основание отнести метеорит к высокожелезистым хондритам (Коротеев В. А. и др.).

Мы уже отметили, что каждый метеорит при прохождении через атмосферу Земли разрушает себя.

На его поверхности возникает кора плавления и образование метеорной пыли, которая теряется в осадочных горных породах. Земли.

Впервые сферические оплавленные микрочастицы («космические шарики») были обнаружены в глубоководных отложениях Тихого океана во второй половине XIX столетия, но широкое изучение их началось только во второй половине XX столетия.

При минераграфическом исследовании мелкодисперсного вещества, собранного в районе падения метеоритного дождя Кунашак, выделены частицы в виде шариков, диаметр которых 0,05–0,01 мм. Они состоят из силикатного стекла с включениями мелких зерен (1–5 мкм) магнетита.

Древняя (ископаемая) метеорная пыль установлена в пермских, силурийских и кембрийских отложениях (Юдин, 1987).

Пермская метеорная пыль — Магнитная фракция, состоящая в основном из метеорной пыли, была выделена из сильвинитовой толщи пермских отложений Приуралья. При растворении сильвинита получены частицы размером сотые и десятые доли миллиметра; они имеют форму угловатых зерен, шариков и обломков сферических образований. При минераграфическом исследовании в аншлифах установлено, что угловатые зерна состоят из магнетита, в той или иной степени перешедшего в лимонит; шарики и их обломки, а также некоторые угловатые оплавленные частицы не относятся к экзогенным образованиям. По своему сложению они плотные, пористые, а иногда пустотелые.

Размеры шариков колеблются от сотых долей до 0,2 мм в диаметре. В зависимости от минерального состава эта метеорная пыль подразделяется на две группы. В первую группу входят частицы, состоящие из силикатного вещества, магнетит в них обычно образует мелкие скелетные кристаллики размером несколько микрометров и иногда изометрические зерна. По структуре и минеральному составу эти частицы отвечают коре плавления каменных метеоритов.

Ко второй группе относятся частицы, состоящие из одного магнетита или же из магнетита и иоцита, в том и другом случае не содержащие силикатного вещества. Размеры зерен магнетита и иоцита не превышают нескольких микрометров. Частицы этой группы по минеральному составу и структуре почти аналогичны коре плавления железных метеоритов

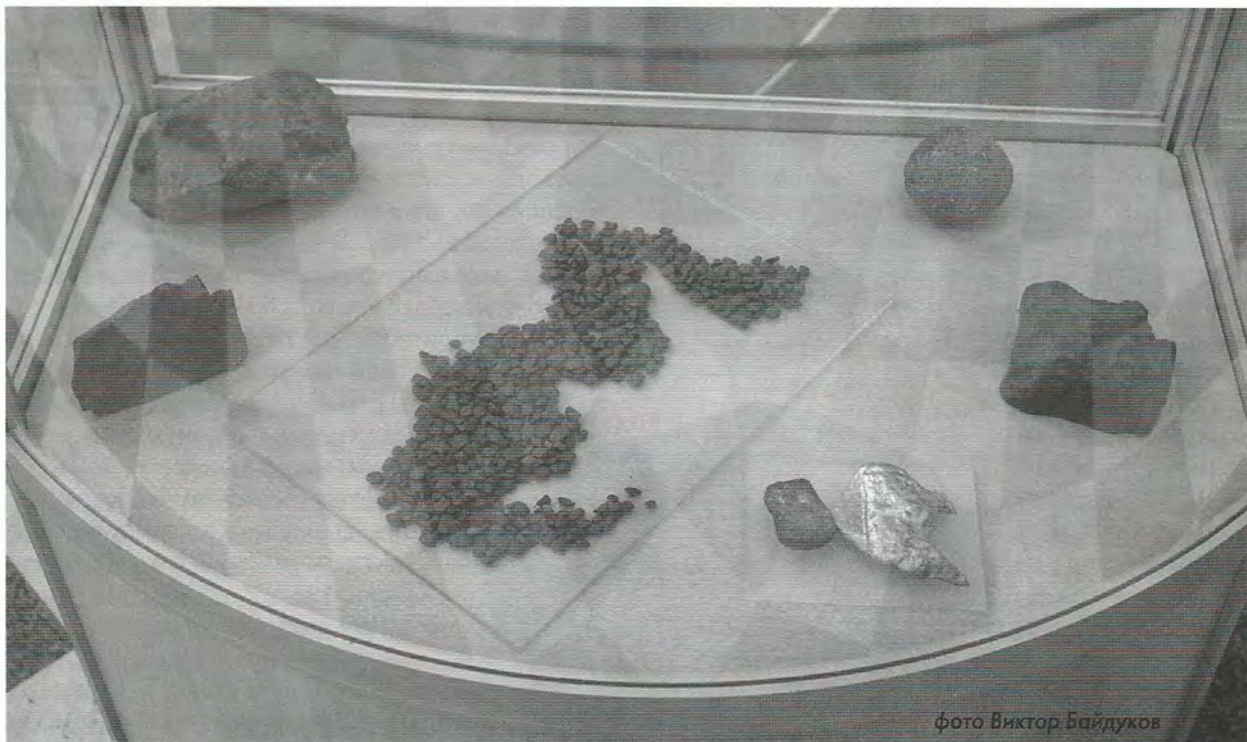

фото Виктор Байдуков

(Юдин И. А., 1970 //Микроскопическое исследование вторичных минералов//Метеоритика. 1970, вып. 30, с. 158–168).

Аналогичная метеорная пыль была выделена из каменной соли Артемовского соляного месторождения нижнепермского возраста. Количественный подсчет метеорной пыли из названного месторождения дает величину ежегодного выпадения космических шариков диаметром 10–100 мкм по всей поверхности Земли в раннепермское время $\approx 1,1 \cdot 10^5$ т.

Из вышеизложенного достаточно убедительно звучит мысль о том, что в изучение метеоритов определенную лепту внесли и преподаватели Свердловского горного института.

В 1947 году при УГМ, в только что созданном по инициативе К. К. Матвеева Уральском геологическом обществе, начала работу комиссия по метеоритам (пред. комиссии проф. К. К. Матвеев, ученый секретарь И. А. Юдин).

И. А. Юдин совместно с В. Д. Коломенским (Ленинградский горный институт) создали обстоятельный справочник «Минералогия метеоритов» (Свердловск, УНЦ АН СССР, 1987, 200 с.), в котором детально описаны минералы (более 160), обнаруженные в метеоритах до 1987 г. Вечный труженик и энтузиаст, он внес существенный вклад в изучение метеоритов, метеорной пыли, им же создана и коллекция метеоритов УГМ.

В одном из залов Уральского геологического музея выставлена коллекция метеоритов – космических пришельцев. Метеориты – это «камни», возникшие где-то в солнечной системе в течение

последних 4,5 млрд лет и недавно попавшие на землю. Некоторые из них, например метеорит «Каргаполье», значительно древнее любых земных горных пород («его возраст» – 4,5 млрд лет).

Коллекция УГМ довольно скромная – она насчитывает около 60 экспонатов, представляющих все главные группы метеоритов. Открывает ее октаэдрит – железный 12-килограммовый фрагмент Сихотэ-Алинского железного дождя с оплавленной поверхностью (Подарок Кримова Е. Л.).

«Мы были очень рады увидеть среди чудеснейших образцов богатейшего собрания сокровищ Урала и пришельцев из космического пространства – метеоритов. Мы надеемся, что созданная при Свердловском геологическом музее при непосредственном и активном участии И. А. Юдина метеоритная коллекция будет расти. Мы хотели бы, чтобы состоявшийся в стенах Геологического музея пленум Уральской комиссии по метеоритам послужил дальнейшему развитию на Урале исследованию метеоритов».

20 июня 1959 г.
Кримова Е. Л. (1906–1984).

Коллекция пришельцев из космоса понемногу пополняется. Л. А. Гузовский – бывший директор музея – передал представительное собрание тектитов. Недавно приобрели 32-килограммовый типичный экземпляр Сихотэ-Алинского метеорита с резко выраженным регмаглиптовым рельефом.

И когда мы проводим экскурсию по музею и остаемся около метеоритной витрины...

...«Держа в руках обломок каменного метеорита, состоящий из шаровидных минеральных крупинок — хондр, мы должны преисполняться трепета, представляя, что эти крупинцы — начало начал, от которого родилась планета Земля и в конце концов мы сами. Там за ними — только вечность, пространство, движение космических частиц, атомов, ионов и волновых полей...»

(Л. Д. Мирошников, 1989, с. 22).

Евгений Бородин,
фото предоставлены автором

«Северная подкова» Урала.

«Северная подкова» — это группа треков, объединяющая в один маршрут Кваркуш, Жигаланы, Ольвинский камень, Конжак. Добротный поход для квадроциклов, снегоходчиков и джипперов. Не скажу, что простой — требует бдительности пилота. Но при должном уважении к дикой природе и технике безопасности, «Подкова» подарит незабываемые впечатления как новичку, так и бывалому путешественнику. И что самое важное — даст шанс насладиться приключениями, а не измучить себя и технику.

Итак, наши путевые заметки.

День 1. Северный Колчим — изба под Кваркушем — Цепельские поляны (70 км).

Выехали из Перми в полночь на автобусе. Квадроциклы предварительно отправили на кран-борте в Северный Колчим. Дорога 420 км, и в 8 утра мы на месте. Здесь заканчивается цивилизация: магазины, мобильная связь, свет. В квадроциклетную экипировку переоделись в автобусе. Очень советую облачаться не в ватные штаны и робу, а именно в экипировку для

ATV, поскольку все время придется находиться в контакте с природой. Грязь, дождь, ветки, пыль — все это встретится в избытке. Распределили поклажу, проверили рации на коннект. Договорились с водителями, что на связь будем выходить со спутникового телефона «в случае чего». Провели оперативку, в 10 часов тронулись в путь.

Направление на Золотанку. Солнце, гравийная дорога — 45 км пролетели на одном дыхании со скоростью 60–80 км/ч. Свернули с трассы, перешли первый «брод». В кавычках потому, что из-за засушливого лета Ошмас мало похож на реку. В 13 часов сделали привал, пообедали. После этого началось бездорожье — сплошная колея от разнообразной техники: от УАЗиков до танкеток. Освежили навыки вождения квадрата по колее. До первой ночевки еще 25 км —

Покупая квадроцикл, каждый грезит о драйве и красивых снимках с довольным лицом, а отнюдь не представляет себя часами наматывающим лебедку на сук и вырубаящим лес. «Фан-клуб BRP» рассказывает о ярком маршруте «Северная подкова»: пройдя этот маршрут, вы избавитесь от аллергии на фразу «внедорожный поход». Будет время достать камеру, сходить в баню и обсудить происходящее с напарниками.

Маршрут: Кваркуш – Жигаланы – Ольвинский камень – Конжак (330 км)
Техника: квадроцикл, снегоход, внедорожник
Длительность похода: 5 дней
Состав: 6 квадроциклов Can-Am BRP
С собой: GPS-навигатор, радики, спутниковый телефон, палатки, спальники, костровой набор, питание, комплект сухой одежды, экипировка для ATV, шлемы, ГСМ, камера
Старт: Северный Колчим
Финиш: Кытлым

это 3,5 часа с остановками на перекур и фотосессии. Навстречу попадаются охотники. Говорят, выслеживают дичь и задают 3 самых распространенных вопроса про квадроцикл: сколько стоит, сколько км/ч едет, сколько расходует топлива. Люди в тайге, как на подбор, доброжелательные. Когда проезжали привал у костра, они приглашали на чай. Неизменно просили сфотографироваться с техникой. Для них это диковинный «зверь».

Часам к шести вечера добираемся до Цепельских полян. Вожденная изба может вместить 5–7 человек. Есть баня по-черному. Как правило, избы строят у ручья или реки, так что вода и теплая ночевка нам обеспечены. Входим – избашка явно занята, но хозяева где-то поблизости. Располагаемся, готовим еду. Вот и хозяева – мы угощаем их, они – нас. Слово за слово... Часть туристов отправляются на хребет – до Кваркуша буквально 100 м, фотографируемся, готовимся ко сну.

День 2. Изба под Кваркушем – Кваркуш навсквозь до Жигаланов (30 км), Жигалан – база «Звезда» (30 км).

После завтрака осмотрели технику, заклеили колесо. На улице туман, морозящий дождь. Извлекаем теплые варежки, дождевики. В полдень, проверив снаряжение и радики, двинулись в путь через Кваркуш в сторону Свердловской области к реке Жигалан и Жигаланским водопадам. Мой навигатор с зимним треком подсказывает, где будет спуск с хребта (зимой проще: все, в том числе курумник, занесено снегом). Но меня

увлекает колея, и я решаюсь на эксперимент – провести группу по ней. Вышли к реке Жигалан под Вогульским камнем и к избе на 3–4 человек. Все экспедиционеры там бы не разместились. Ветер усилился, начался град, но оставалось каких-то 5 км, и мы рванули на Жигалан.

Кваркуш – это 927 м над уровнем моря. Спускаешься до 760 м, и туман рассеивается. Спускались по камням и воде – вон он, естественный триал. Рядом маршировали глухари. Присутствие людей на квадроциклах гордых птиц не смущало. Через 1,5 км спуска мы очутились на перекрестке дороги Свердловской области. Направо – на турбазу «Звезда», налево – на водопады. Конечно, на водопады! Не обращаем внимания на дождь и температуру плюс пять, мы ради них сюда ехали. Жигаланы не разочаровали. Вновь фотографировались, пили чай, общались. Под впечатлением быстро пролетели еще 30 км до базы.

На «Звезде» ждал теплый дом, горящий камин, баня. Разложили сушить вещи. Палатки и спальники не понадобились, спали на кроватях с бельем. Персо-

Об авторе: Евгений Бородин, руководитель «Фан-клуба BRP» (Пермь)

К нему и направились. Проехали избу Тулайка. Видели настоящих геологов. Там доступна техпомощь: трактора, сварка, болты. Трасса на языке квадроциклов и джипперов — «проезжаемая», лебедиться не пришлось. Насколько нам известно, по этому участку дороги из Перми еще никто не ездил. Так что разведку проводили on-line. Вот и Ольвинский камень.

С погодой подфартило: ясно, солнечно. Сделали кучу снимков. Виды впечатлили всех, сравнили с Альпами. Предыдущие дни пути ушли в никуда. Открылось второе дыхание. Каждый вдохнул полной грудью, и появилось ощущение подвига, захотелось приключений.

Через 70 км устроили привал, подкрепились, погнали дальше. Смеркалось. Дорога превратилась в заросшую тропу. Вооружившись картами GPS, опытным взглядом экспедиционеров наметили путь и начали по нему двигаться. Проехав 500 метров по «вырубам», оказались на квартальной просеке, которая вела вниз и вверх. В темноте решили не рисковать и разбили лагерь у гигантского кедра.

на базе 3 человека — они же администраторы, дворники и сторожа. Базу содержат достойно. Мы пригрелись и обсудили пройденный материал. Осмотрели технику, позвонили по спутниковому телефону в ближайший населенный пункт, заказали камеру для колеса одного из квадратов. Добрые люди привезли 3 камеры — «вдруг понадобится». И водки — «вдруг закончилась» (контактные лица маршрута предоставляются по запросу).

День 3. Отдых.

С утра достали пенки, лежали на улице, принимали солнечные ванны. День удался. Вечером травили байки у костра.

День 4. База «Звезда» — поселок Кытлым (170 км).

На этом участке в программе значился Ольвинский камень (1043 м) как главная достопримечательность.

День 5. Финиш.

Утром, пока товарищи собирали палатки, поспешил на разведку. Не терпелось найти правильную дорогу. На выбор было несколько направлений. После их анализа группа была отправлена по маршруту. В правильности того, что это дорога, а не тропа,

убеждала колея. Здесь лет десять никто не ездил. Через 20 км трасса стала улучшаться, тем самым увеличивая скорость. На предложение сделать привал был дружный ответ: «Ждем на Кытлым!» Уже в 15 часов мы были под горой Конжак. По пути заехали в магазин. Не удержались от пенного напитка, мороженого, шоколада, а кто-то просто захотел пельменей. В рацион добавили мясо для шашлыка, посекунчики и отправились на базу, у которой пока нет названия. Назовем ее «У Алевтины».

На там ждали двое суток. В цивилизации началось общение в лучших туристических традициях: баня, восторженные тосты, лица напарников, приятная усталость. Сделали звонок на «Большую землю» — сообщили о нашем финише водителям автобуса и кранборта. Ребята приехали к утру. Мы загрузились и отправились домой. В Перми были уже в 22 часа. Еще какое-то время пожимали руки, обнимались и клялись друг другу, что непременно съездим куда-нибудь в том же составе.

P.S. Во время разведки намотал лишних 30 км. В остальном расчет ГСМ был настолько точным, что 15 л осталось. Бензином мы выручили товарища, встреченного случайно. Где ж увидеться пермякам, как не на севере... Он обсох по дороге и вышел на знакомый флаг «Фан-клуба BRP». Мы ему флаг и подарили, чтобы пламя не угасало.

В общем, маршрутом мы довольны. К тому же, он абсолютно проезжаем на автомобиле. Желающие

продлить «отшельничество» могут увеличить трек еще на 150 км, посмотреть Ослянку и достичь Кизела. Скучать точно не придется.

В этот раз поход носил исследовательский характер. Но и в дальнейшем правило будет неизменно — новичок должен ехать под контролем опытного экспедиционера. С нами был парень, который за рулем сидел первый раз, но спортивная подготовка держала его наравне со всеми. Одним словом, попутешествовали все в удовольствие. Трек «Северная подкова» доступен на сайте www.d-x.ru и совершенно бесплатен.

Евгений Бородин: «В тайге человек в гостях: здесь еще можно увидеть вековые кедры, которые и втроем не обхватить, прогуляться рядом с величавыми птицами и встретить непуганых животных. По отзывам путешественников, подобный уход от цивилизации дает им «эффект перезагрузки».

Комментарии:

Ольвинский камень (1043 м) — обзорный, с него открывается вид на Главный Уральский Хребет, Сосьвинский камень, Казанский камень, камень Буртым. Камень покрыт различными видами цветного мха, ягелем.

Кваркуш — главное плато в Красновишерском районе Пермского края. Длина 30 км, ширина 16 км. Самой высокой точкой хребта является гора Вогульский камень (1066 м). Склоны хребта обеспечивают питанием несколько рек: Западный и Восточный Молмыс, Жигалан, Пеля и др. На реке Жигалан находится знаменитый каскад водопадов.

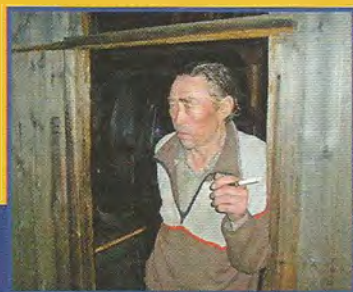
УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Алексей Слепухин, путешественник, врач, действительный член Русского Географического Общества

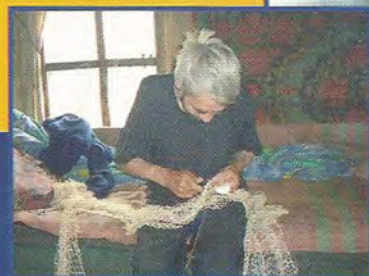
Здоровье вогулов. Продолжение разговора

В августовском номере за прошлый год в статье «Здоровье вогулов» мы начали разговор о медицинских проблемах современных вогулов. Одной из тем был туберкулез. Заболевание известно давно, лечится успешно, но только в том случае, если диагностика своевременна. То есть тогда, когда у пациента в ранней стадии выявлены признаки данного заболевания. Туберкулез или чахотка — болезнь социальная, в современном мире она нашла свою «нишу». Коренной народ не является в этом случае исключением.

Проживая на севере в удаленных поселках или еще дальше в своих паулях (родовых поселениях), где получить квалифицированную медицинскую помощь и современные лекарства, приобрести витамины (а наравне и продукты содержащие их) очень непросто. До ближайшей больницы в Ивделе — около двухсот километров. Отсутствие традиционного уклада жизни — оленеводство ныне сведено на «нет» — тоже не способствует высокому иммунитету, т.к. в прежние времена манси употребляли наравне с мясом и кровь животных, что позволило им находиться в «состоянии равновесия жизненных сил». Добавим к этому еще недавно существовавший на севере нашей области ГУЛаг, доступность мансийской территории современным охотникам и иже с ними — картина получается безрадостной. Ныне туберкулез процветает у вогулов почти повсеместно. Умер от чахотки Петр Андреевич Хандыбин

Пётр Гаврилович Куриков,
слепой музыкант, шаман

Хандыбин Пётр Андреевич
чинит сеть

(герой наших повествований и фотосюжетов), хозяин Урай-ультема-пауля в верховьях Пельыма. Чуть выше против течения того же Пельыма также «сгорели от палочки Коха» Семен Гаврилович Куриков из Овунья-пауля, а прошлым летом уже во время

публикации нашей статьи «Здоровье вогулов» и его брат Петр Гаврилович Куриков, слепой музыкант из Урай-пауля. Поскольку Петр Гаврилович давно потерял зрение, поездка в Ивдель для него было делом непростым, а значит, и обследовался он также давно. В этих двух последних указанных нами паулях продолжают проживать и другие манси, контактировавшие с больными. Их также необходимо обследовать!

С осени 2005 года мы постоянно говорим о необходимости планомерного и, самое главное, постоянного наблюдения фтизиатрами северян. Заметьте, всех! Но в течение этих пяти лет ситуация не разрешалась. Куда мы только не обращались! В том числе и со своей прошлой статьей «Здоровье вогулов» из цикла «Народ, живший когда-то в горах Урала».

Сейчас у нас появились сведения, что местные фтизиатры намереваются все ж таки провести «поголовное» обследование коренного населения. Хочется надеяться, что наши воззвания наконец-таки были услышаны и врачи смогут довести это благое дело до логического завершения. Найдутся деньги, транспорт и, самое главное, желание для этого. Будут обследованы все — даже северяне из отдаленных уголков области. Также надеемся, что дело коснется не только представителей коренного населения, но и других жителей последних поселений нашего севера.

Национальность не будет играть особой роли — в подобную ситуацию может попасть любой, кто проживает на Севере, или случайно оказавшийся там (туристы, путешественники, охотники, рыболовы, представители государственных структур и др.).

Хочется, чтобы северяне могли не беспокоиться за свое здоровье: заболевшие будут выявлены, и им будет оказана адекватная медицинская помощь, а врачей можно поблагодарить за их непростой, но очень важный труд!

Путешествие
по Уралу

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

www.uralstalker.com

Дети Тундры

ПРАВДА ОГНЕННОГО ТРАКТОРИСТА

АВАРИЙНЫЙ ПУСК «СОЮЗА»

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

**апрель
2011 (№646)**

Антон ВАСИЛЬЕВ

Фото предоставлено автором

Нерукотворные образа Григория Журавлева

*Так, не из праха выходит горе,
и не из земли вырастает беда;
но человек рождается на страдание,
как искры, чтобы устремляться вверх.*

(Иов, гл.5, ст. 6–7)

рук, а ноги кончались культями, не доходя до колен.

Марья несколько минут лежала молча, не открывая глаз.

— Нет, не могу, — прошептала наконец. — Не возьму такой грех на душу. Пусть живет. Господь нас не оставит...

— Пропустите отца дьякона, пропустите, — расталкивая локтями зевак, кричала Марьяна золовка Дашка. Дьякон завернул полу рясы, степенно надел очки и тщательно оглядел ребенка.

— Отец дьякон, да как же это? Манька-то здорова, что твоя репа. Да и мужик ейный был как жеребец, на Кавказ воевать забрали, а этакого уroda произвел? — в недоумении спрашивали родичи Марии.

— М-да, православные, здесь сам сатана поработал... Видно, Господь усмотрел в этой душе великого человека. Может, назначено ему было стать генералом либо же архиереем. А диавол взял да ручки и ножки-то отнял у младенца. Вот тебе и архиерей.

Деревенский священник, крестя мальчика Григорием, добавил после таинства:

— Сон у моей матушки был о сем младенце. Сон чудный, дай Бог, промыслительный. Ты вот, Яким, словеса обидные давеча изрек: что это, дескать, за ребенок, один лишь рот. Так ведь рот, чадо, дан нам не токмо для вкушения яствий. Отрок сей еще всю твою семью прокормит. Господь призрел на раба Своего.

— Да не корми ты его, — уговаривал Марью Журавлеву ее «сердобольный» дядя Яким, — он же в Царствии Небесном сам будет тебя благодарить. Нет ему места в этой жизни. Куда он сгодится такой, разве что цыганам отдать, чтобы на ярмарках за деньги показывали.

Роженица молча глядела на колыбельку. Сделанная на обычного младенца, та была слишком просторна для третьего сына Марьи. У ребенка не было